



ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (6)
2019

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
КРАСНОЙ АРМИИ

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ
РОССИИ

АВИАЦИЯ РОССИИ

МАРШАЛЫ ПОБЕДЫ

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА;
МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
РУССКОЙ АРМИИ

ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ

РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ
АМЕРИКА

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

РОССИЯ И БЛИЖНИЙ
ВОСТОК





ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (6)
2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АНТОШКИН Николай Тимофеевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, депутат Государственной Думы;

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГАЕВ Александр Александрович – полковник таможенной службы;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ГРОСС Виктор Константинович – полковник, летчик-испытатель 1-го класса;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, лауреат Премии Правительства РФ;

КАРПЫЧЕВ Александр Анатольевич – генерал-лейтенант, президент Союза ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВЕЦ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИВОРУЧКО Анатолий Петрович – полковник, доктор исторических наук, профессор, ветеран военной разведки, член Союза писателей России;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОЛОЗОВ Андрей Алексеевич – гвардии майор, летчик 1-го класса, литератор;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, член-корреспондент РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, ветеран боевых действий, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».





История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незабываемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.



Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

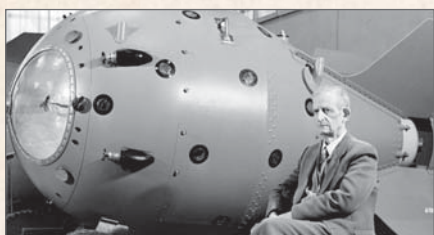


★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ



О.Г. Артюшенко
Шестой Сталинский удар 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ



В.Н. Михайлов, Е.А. Негин,
Г.А. Цырков.
Подготовка полигона и испытания
ядерной бомбы под Семи-
палатинском 15

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ



Н.Г. Кузнецов
На северных морских
дорогах 35

★ АВИАЦИЯ РОССИИ



Дальняя бомбардировочная ...
..... 59

★ МАРШАЛЫ ПОБЕДЫ



Михаил Вершинин
Маршал И.С. Конев 73

★ ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА; МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ



К 100-летию юбилею Цент-
рального военного клиническо-
го Краснознаменного госпиталя
имени П.В. Мандрыка 83

★ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ АРМИИ



Михаил Коршунов
Военное дело в русском госу-
дарстве 93

★ ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦСЛУЖБ



Владимир Стрюков
Главное управление контрраз-
ведки СМЕРШ НКО СССР 110

★ РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА



Эрнесто Че Гевара
Сущность партизанской борь-
бы, её организация 133

★ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА



Сергей Печуров
Неискренний союз 148

★ РОССИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК



С.М. Иванов
К ностальгии по неудавшимся
проектам на Ближнем
Востоке 156

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей Баленко
Батя 159

Владимир Корнеев
После войны 167

Юлия Друнина
Комбат 167

Сергей Смирнов
О России 168

Юлия Друнина
Друня 169





О.Г. АРТЮШЕНКО

ЛЬВОВСКО-САНДОМИРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ



13 июля 1944 года началась стратегическая наступательная Львовско-Сандомирская операция. Это был Шестой Сталинский удар. Операция проводилась войсками 1-го Украинского фронта на Западной Украине.

В результате успешных наступательных операций советских войск зимой — весной 1944 года на советско-германском фронте было образовалось два огромных выступа: один севернее Припяти, выдвинувшийся в советскую сторону, так

называемый «белорусский балкон», второй — южнее Припяти, был обращен в немецкую сторону.

Южный выступ образовался в ходе весеннего наступления советских войск на Украине. Здесь армии 1-го и 2-го Украинских фрон-



тов глубоко вклинились в немецкую оборону. Войска 1-го Украинского фронта под командованием И.С. Конева, после завершения наступательных операций зимой — весной 1944 г., перешли к обороне во второй половине апреля 1944 г. Армии фронта занимали 440-километровый участок на рубеже западнее Луцк, восточнее Броды, западнее Тернополь, Чертков, Коломыя, Красноильск. Немецкие войска были прижаты к Карпатам. Советские войска охватывали группу армий «Центр» с южного направления, разделяли вражеский фронт, отделяя группу армий «Северная Украина» от группы армий «Южная Украина». Это серьёзно осложняло взаимодействие, маневр и переброску немецких резервов. Этот выступ создавал

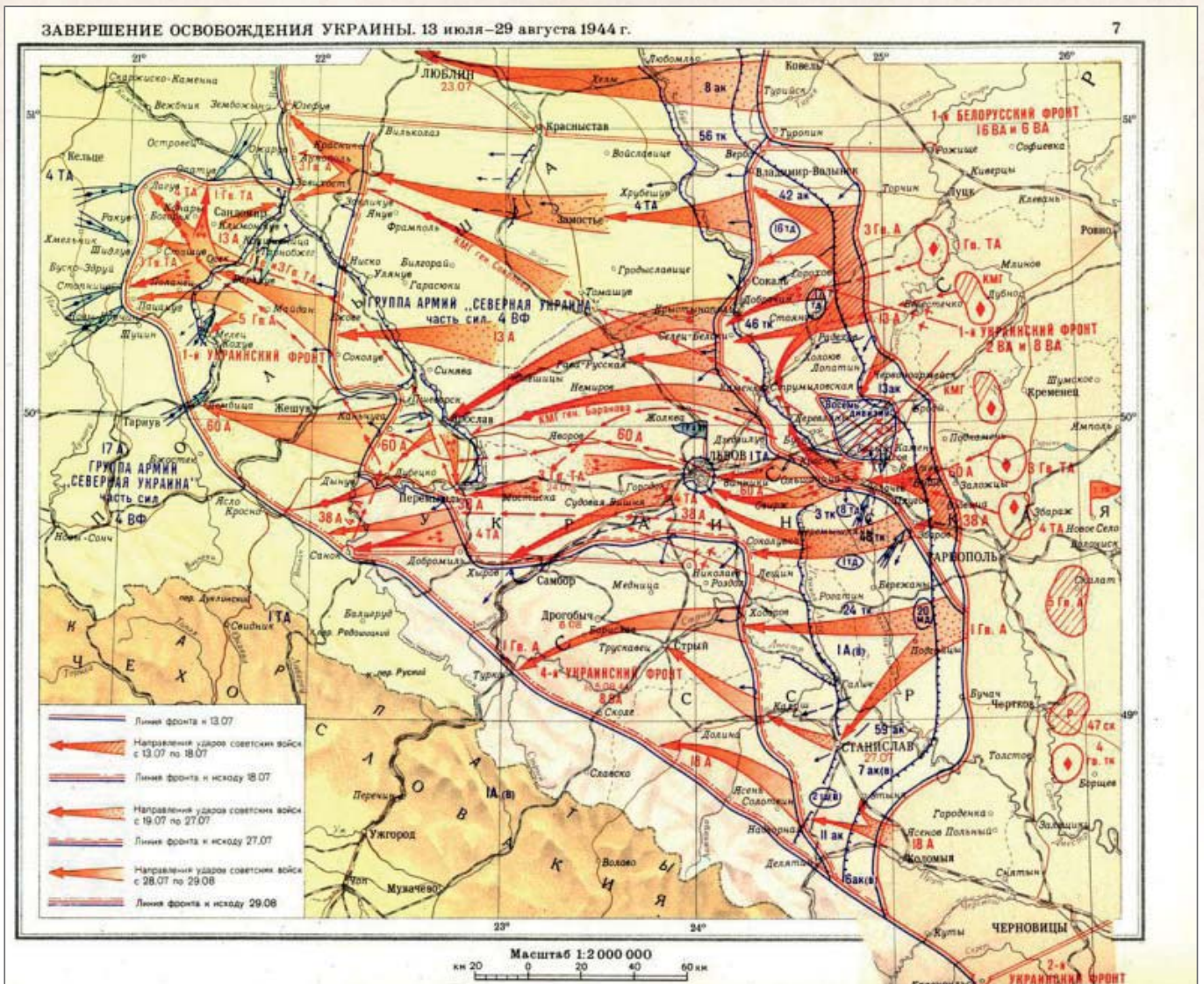
выгодные условия для наступления Красной Армии на Львов и Бухарест.

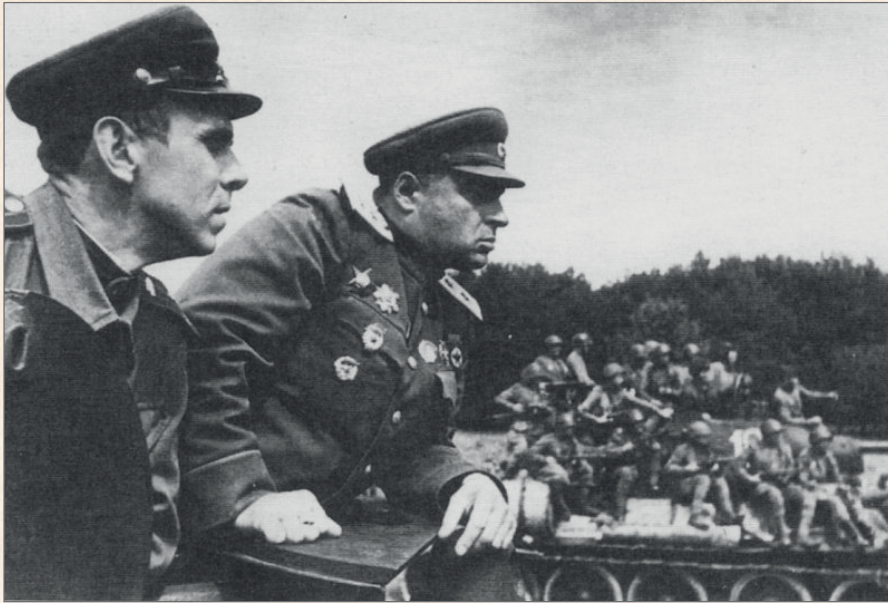
Потерпев сокрушительное поражение весной 1944 года именно на южном стратегическом направлении, немецкое командование ожидало советского наступления именно на юге. Учитывая глубоко вклинение войск 1-го Украинского фронта на львовском направлении, немецко-фашистское командование ожидало здесь главного удара.

Согласно плану операции, командование фронта решило нанести два мощных удара и прорвать оборону противника на двух направлениях. Первый удар планировался нанести из района Луцка в направлении Сокаль — Рава-Русская — Ярослав. Второй удар наносился из района Терно-

поль (Тернополь) в направлении Львов — Перемышль. Наступление войск 1-го Украинского фронта по двум направлениям позволяло окружить и уничтожить львовско-бродскую группировку, создать большую брешь в немецкой обороне и захватить ключевой пункт обороны противника — Львов. Группу армий «Северная Украина» раскали на две части, одну часть планировалось отбросить в район Полесья, другую — к Карпатам. После этого главные силы фронта должны были выйти к Висле, получив возможность приступить к освобождению Польши.

В ударную группировку фронта на рава-русском направлении входили: 3-я гвардейская армия, 13-я армия, 1-я гвардейская танко-





направлениях. Однако Конев смог убедить Ставку в правильности решения. Ставка ВГК внесла в план операции некоторые изменения. Танковые армии и КМГ должны были использовать не для прорыва обороны противника, а для развития первого успеха. Танковые войска следовали во втором эшелоне и должны были вступить в сражение после прорыва обороны противника. Конно-механизированные группы должны были начать наступление на второй день операции, после вступления в бой танковых армий. Кроме того, Ставка рекомендовала дать посильные задачи стрелковым соединениям на первый день операции, когда пехота должна была взломать немецкую оборону. По мнению Ставки ВГК, уровень задач поставленных перед стрелковыми дивизиями был завышен.

Наступление 1-го Украинского фронта поддерживали партизанские отряды. В западные области Украины и далее в юго-восточные районы Польши перебазировались значительные партизанские соединения. Перед началом наступления 1-го Украинского фронта они нанесли сильные удары по немецким коммуникациям на линиях Львов — Варшава и Рава-Русская — Ярослав. Уничтожили несколько крупных гарнизонов противника, парализовали движение на дорогах. Немецкое командование

вая армия, конно-механизированная группа (1-й гвардейский кавалерийский корпус и 25-й танковый корпус). С воздуха северную группировку 1-го Украинского фронта поддерживали четыре авиационных корпуса 2-й воздушной армии. Ударная группировка (14 стрелковых дивизий, два танковых, механизированных, кавалерийский корпус, и 2 артиллерийские дивизии прорыва) должна была нанести удар на 12-километровом участке прорыва.

В ударную группировку фронта на львовском (южном) направлении входили: 60-я и 38-я армии, 3-я гвардейская танковая армия, 4-я танковая армия, конно-механизированная группа (6-й гвардейский кавкорпус и 31-й танковый корпус). С воздуха действия северной ударной группы поддерживали пять авиакорпусов 2-й воздушной армии. Южная ударная группа (15 стрелковых дивизий, 4 танковых, 2 механизированных, кавалерийский корпус и 2 артиллерийские дивизии прорыва) наносили удар на 14-километровом участке фронта.

Вспомогательный удар на галицком направлении наносили войска 1-й гвардейской армии. 18-я армия и левое крыло 1-й гвардейской армии получили задачу прочно удерживать занимаемые рубежи и быть в готовности нанести удар на стани-

славском направлении. В резерве фронта оставались 5-я гвардейская армия. Её по указанию Ставки Верховного Главнокомандования передали из состава 2-го Украинского фронта. В резерв фронта также вывели 47-й стрелковый корпус (из состава 1-й гвардейской армии).

7 июля командование фронтом представило план операции Ставке ВГК. После тщательного изучения Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин утвердил план операции. Некоторое сомнение вызвала идея нанесения двух главных ударов на рава-русском и львовском



вынуждено было бросить против партизан три дивизии, что облегчило наступление Красной Армии.

Следует заметить, что во время операции по освобождению Львова польские националисты (армия крайова) планировали захватить несколько зданий в центре Львова, водрузив свой флаг над мэрией, сформировать польскую администрацию, которая представляла бы правительство Польши перед командованием 1-го Украинского фронта и советским правительством.

Войска 1-го Украинского фронта состояли из 84 дивизий (74 стрелковых, 6 кавалерийских и 4 артиллерийских дивизий), 10 танковых и механизированных корпусов (7 танковых и 3 механизированных корпуса), 4 отдельных танковых бригад, 18 отдельных танковых и 24 полка САУ. Всего в составе фронта было 843 тыс. человек (вместе с тылами около 1,2 млн. человек), более 16 тыс. орудий и минометов свыше 76-мм, 2,2 тыс. танков и САУ, около 2,8 тыс. боевых самолетов.

Войскам Красной Армии противостояла группа армий «Северная Украина». В её состав входили 41 дивизия (34 пехотных, 5 танковых, 1 моторизованная) и две пехотные бригады. Немецкая группировка насчитывала более 600 тыс. солдат и офицеров (с тылами более 900 тыс. человек), 900 танков и самоходно-артиллерийских установок, 6,3 тыс. орудий и минометов, около 700 самолетов. Группу армий возглавлял Йозеф Харпе (Гарпе). Немцы в ожидании наступления Красной Армии развернули активные инженерные работы и подготовили мощную оборону. Особенно глубоко эшелонированная она была на львовском направлении. Здесь были подготовлены три полосы обороны глубиной до 40-50 км. Первая полоса обороны была глубиной в 5-6 км. Вторая полоса обороны располагалась в 10-15 километрах от переднего края. Третья полоса обороны шла по берегам рек Западный Буг и Гнилая Липа. Ряд городов, включая Львов, были

превращены в сильные опорные пункты и подготовлены к круговой обороне.

Для того, чтобы скрыть от противника подготовку операции, советское командование имитировало сосредоточение на левом крыле фронта двух танковых армий и танкового корпуса. Для этого применили ложные перевозки бронетехники по железным дорогам, имитировали выгрузку танковых подразделений и их марш в районы сосредоточения перед наступлением. В этих районах вели активные радиопереговоры. Для обмана немцев соорудили множество макетов танков, машин, орудий и другого тяжелого оружия и техники. Реальную же переброску войск осуществляли ночью.

На направлениях главных ударов было сконцентрировано до 90% имеющихся танков и САУ. Для непосредственной поддержки стрелковых частей было выделено более 350 танков и самоходок. Общевойсковые армии, действовавшие на главных направлениях, имели





по 14 единиц бронетехники на 1 км участка прорыва. В результате усиленной перегруппировки сил, советскому командованию удалось создать на участках прорыва превосходство над немецкими войсками: в людях почти в 5 раз (по всему фронту соотношение было 1,2: 1 в пользу Красной Армии), в орудиях и минометах — в 6-7 раз (по всему фронту 2,6: 1), в танках и САУ — в 3-4 раза (по всему фронту 2,3: 1).

Большую роль в прорыве немецкой обороны сыграла советская артиллерия. На участках прорыва плотность орудий и минометов доходила до 255 стволов на 1 км фронта.

С вечера 12 июля 1944 года передовые батальоны провели разведку боем. Было установлено, что на рава-русском направлении немецкое командование в ночь на 13 июля под прикрытием арьергардов стало отводить основные силы на вторую полосу обороны. Ко-

мандование 1-го Украинского фронта решило использовать этот момент и, не проводя сильной артиллерийской подготовки, перейти в наступление главными силами 3-й гвардейской и 13-й армий. Наступление было поддержано авиацией.

Наступление советских войск развивалось успешно. Однако немецкие войска оказывали ожесточенное сопротивление, и смять врага во время отхода и на его плечах ворваться во вторую полосу обороны не удалось. Для того, чтобы прорвать оборону противника на второй полосе, пришлось подтянуть артиллерию и провести артиллерийскую подготовку. Также ввели в бой вторые эшелон стрелковых корпусов. Немецкое командование перебросило в район боев резервы — 16-ю и 17-ю танковые дивизии. Немцы предпринимали сильные контратаки. Однако в ходе упорных боев к исходу 15 июля вся тактическая полоса

немецкой обороны была взломана на глубину от 15 до 30 км. В этот же день для прорыва в оперативную глубину была введена конно-механизированная группа под командованием генерала В.К. Баранова (КМГ). Утром 17 июля советское командование ввело в бой 1-ю гвардейскую танковую армию Катукова.

В этот же день войска северной ударной группы 1-го Украинского фронта форсировали Западный Буг и вступили на территорию Польши. 18 июля части 3-й гвардейской и 13-й армий, используя успех танковой армии и КМГ, продвинулись на 20-30 км. Таким образом, в результате наступления 13-18 июля войска рава-русской ударной группы прорвали оборону противника. Львовско-бродская группировка противника была охвачена с севера, северо-запада.

На львовском направлении наступление советских армий разви-



валось хуже. 13 июля передовые батальоны львовской (южной) ударной группировки фронта провели разведку боем. Разведка установила, что немцы продолжают занимать позиции главными силами. Поэтому артиллерийскую подготовку провели в полном объёме — она продолжалась 1 час 30 минут. Одновременно авиация нанесла мощные бомбово-штурмовые удары по позициям противника и его тылам. 14 июля перешли в наступление основные силы 60-й и 38-й армий.

Однако за день тяжелых боев советские войска смогли продвинуться только на 3-8 километров. На львовском направлении у немцев была очень сильная оборона, которая опиралась на естественные рубежи и хорошо развитую систему инженерных сооружений. Немецкое командование стремилось всеми силами сдержать советское наступление. Уже к концу первого дня боев

и утром 15 июля были брошены в сражение все немецкие тактические резервы. На участке Колтов — Зборов в бой были брошены оперативные резервы. Особенно жестокие бои шли в полосе наступления 38-й армии, по которой наносили удары немецкие танковые дивизии.

На некоторых участках немецким войскам удалось потеснить части 38-й армии на 2-4 км. Чтобы выправить положение, советское командование приказало нанести массированные бомбово-штурмовые удары по немецкой танковой группировке. 15 июля бомбардировщики и штурмовики 2-й воздушной армии совершили около 2 тыс. самолето-вылетов. Удары советской авиации и артиллерии дезорганизовали немецкие танковые дивизии. Немецкий контрудар был успешно отражен.

Утром 16 июля 3 танковая армия была введена в сражение.

К этому моменту части 60-й армии образовали узкий коридор прорыва на 4-6 км в ширину и до 18 км в глубину. Решение было довольно рискованным, армию ввели в узкий коридор, но уже к концу дня передовые отряды армии вышли в район северо-восточнее Золочева. Появилась возможность охвата бродской группировки противника с южного направления.

Немецкое командование, понимая опасность ситуации, начало концентрировать крупные силы пехоты и танков, с целью ликвидации образовавшегося прорыва. С утра 17 июля немецкие войска предприняли серию сильных контратак с целью перехватить коммуникации и отрезать передовые части наступающей советской группировки. В этой напряженной обстановке Колев решил ввести в сражение 4-ю танковую армию генерала Д.Д. Лелюшенко.





пехоты при поддержке танков окруженные войска противника были дезорганизованы, потеряли управление. и концу 22 июля уничтожены. Разгром окруженной группировки противника имел большое оперативное значение. Теперь войска южной (львовской) ударной группировки 1-го Украинского фронта могли использовать все силы для наступления на Львовский укрепрайон.

19 июля войска правого крыла фронта сломали сопротивление противника на рубеже реки Западный Буг. Это улучшало наступательные возможности центра и левого крыла фронта. 20 июля командование фронта приказало 1-й гвардейской танковой армии Каткува повернуть на юго-запад, на Ярослав и Перемышль, чтобы выйти к реке Сан, форсировать её и этим перехватить пути отхода львовской группировки противника на запад. К исходу 23 июля советские войска вышли к реке Сан, форсировали водную преграду и захватили ряд плацдармов на западном берегу.

Командование фронта осуществило ещё одну перегруппировку войск. В связи с поворотом войск 1-й гвардейской танковой армии на юго-запад и некоторой задержкой наступления 13-й армии, которая не могла наступать в темпе подвижных соединений, конно-механизированная группа С. В. Соколова получила задачу нанести удар в направлении на Фрамполь, с целью разгрома вражеских тылов и облегчения наступления стрелковых соединений.

К исходу 18 июля дивизии 3-й гвардейской танковой и 13-й армий находились в 20-30 км от Львова. 4-я танковая армия вышла в район Ольшаница в 40 км от Львова. В этой ситуации Конев отдал командармам 3-й гвардейской и 4-й танковых армий приказ обходным маневрам с севера, северо-запада и юга 20 июля овладеть Львовом.

20 июля взять Львов не удалось. Накануне прошли сильные дожди, танковые армии завязли, отстали тылы, танковые соединения не смогли вовремя получить горючее и бо-

Армия Лелюшенко получила задачу ликвидировать угрозу со стороны контратакующих сил противника, расширить образовавшийся коридор и обеспечить выдвижение подвижных соединений в оперативную глубину. 4-я танковая армия должна была войти в прорыв из-за левого фланга 3-й гвардейской танковой армии и быстро развивать наступление в направлении на Городок (30 километров западнее Львова). Не ввязываться во фронтальный бой за Львов, а обойти мощный укрепрайон с юга.

Ввод в узкий коридор прорыва сразу двух танковых армий с одновременным отражением контратак противника был единственным в истории Великой Отечественной

войны. Прорыв танковых армий на оперативный простор открывал широкие возможности для маневра войск, обеспечивал высокие темпы наступления и крупные успехи.

С 13 по 18 июля войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону противника на фронте в 200 км и углубились на 50-80 км. Была окружена бродская группировка противника. 18 июля конно-механизированная группа Баранова северной ударной группировки фронта вышла к югу от Каменки-Струмиловской, а 3-я гвардейская танковая армия южной группировки фронта — в район Деревлян. В результате в окружение попало 8 немецких дивизий

Непрерывными ударами с воздуха, огнем артиллерии, атаками



е припасы. Отстала и артиллерия, необходимая для взлома немецкой обороны. 4-я танковая армия увязла в боях с окруженной бродской группировкой противника. Это позволило немецкому командованию из района Станислава для обороны города перебросить три дивизии.

Стало очевидным, что силами танковых армий Львов уже не взять. Но выход танковых армий на подступы к Львову серьёзно улучшил положение 1-го Украинского фронта на левом фланге. Немецкое командование, опасаясь поворота советских танковых соединений на юг и образования в районе Станислава второго «котла», стало отводить дивизии 24-го танкового и 59-го армейского корпусов на запад. Войска левого крыла 38-й и 1-й гвардейской армий, сбивая арьергарды противника, начали преследование. Командарм 4 ТА Лелюшенко получил задачу нанести удар в направлении на Самбор, чтобы не дать станиславской группировке противника уйти за реку Сан.

К исходу 22 июля основные силы 4-й танковой армии Лелюшенко вели бои на южной окраине Львова, а её 10-й гвардейский танковый пробился в самый город. Причем бои шли настолько упорные, что немцы отрезали передовой корпус от основных сил армии, и он вел бои во временном окружении. В это время 6-й гвардейский танковый корпус армии Рыбалко вышел в район Яворова, а войска 60-й армии рвались к восточной окраине Львова. Немецкое командование, под угрозой окружения войск в районе Львова, стало выводить войска в сторону Самбора, на юго-запад.

24-27 июля шли бои за Львов. Утром 27 июля Львов был освобожден от гитлеровцев. В этот же день ночным штурмом части 3-й и 1-й гвардейских танковых армий взяли древнюю крепость Перемышль. Войска 4-й танковой, 60-й, 38-й армий преследовали противника на карпатском направлении.

Немецкое командование, чтобы ликвидировать огромную дыру

в обороне, было вынуждено срочно перебрасывать войска с других участков фронта и из Германии.

Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая изменения обстановки, директивами от 27 июля указала, что основные усилия 1-го Украинского фронта необходимо сосредоточить на правом фланге для захвата и удержания плацдарма на западном берегу реки Висла.

Немецкое командование организовало оборону на Днестре и провело серию контратак, чтобы сдержать наступление советских войск и вывести части львовской и станиславской группировок на северо-запад. Немцы пытались отвести войска по наиболее удобному и выгодному для них маршруту через Дрогобыч, Самбор и Санок. Немецкие войска, несмотря на поражения и отступление, дрались упорно.

С 31 июля по 4 августа шли ожесточенные бои в районе Долины, Выгоды. Немецкое командование организовало контрудар силами





пяти дивизий, включая 8-ю немецкую танковую и 2-ю венгерскую танковую дивизии. После четырех дней яростных боев немецкая группировка потерпела поражение и начала отступление на запад и юго-запад. 5 августа 1-я гвардейская армия овладела важным узлом коммуникаций городом Стрый.

В конце июля, когда войска 1-го Украинского фронта вели бои на двух расходящихся операционных направлениях — сандомирско-бреславском и карпатском, стало очевидно, что необходимо создать отдельное управление, которое будет решать задачу преодоления Карпат. Конев предложил

Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину создать самостоятельное управление для группы войск наступающих на карпатском направлении. 5 августа директивой Ставки 1-я гвардейская и 18-я армии вошли в состав 4-го Украинского фронта под командованием генерала И. Е. Петрова, фронт должен был действовать на карпатском направлении. 6 августа войска фронта взяли Дрогобыч.

После создания 4-го Украинского фронта, 1-й Украинский фронт мог сосредоточить усилия на одном операционном направлении, наступая на Сандомир и приступить к миссии освобождения Польши. Командование фронта 28 июля дало указание 3-й гвардейской армии выйти к Висле, форсировать реку и занять Сандомир. В полосе наступления 3-й гвардейской армии должна была наступать и КМГ Соколова.

13-я армия должна была к утру 29 июля правым крылом выйти к Висле от Сандомира до устья Вислоки и захватить плацдармы на другом берегу. Левое крыло



▲ Допрос оберфюрера



армии получило задачу взять город Жешув. 1-я гвардейская танковая армия получила задачу утром 29 июля нанести удар по линии Майдан — Баранув, с ходу пересечь Вислу и захватить плацдарм на правом берегу.

3-я гвардейская танковая армия 29 июля получила задачу наступать основными силами севернее Жешув, Жохув, Мелец, и во взаимодействии с 13-й армией и 1-й гвардейской танковой армией, форсировать Вислу на участке Баранув, устье реки Вислока и к исходу 2 августа овладеть плацдармом в районе Сташува.

3-я гвардейская армия Гордова и КМГ Соколова разгромили войска противника в районе Аннополя и вышли к Висле. 1-я гвардейская танковая и 13-я вышли к Висле на широком фронте и стали форсировать реку. К исходу 4 августа все соединения 1-й гвардейской танковой армии переправились на правый берег Вислы.

Немецкое командование, стремясь остановить наступление советских войск, не допустить рас-

ширения захваченного плацдарма, и пытаясь уничтожить уже пробившиеся на западный берег Вислы войска, организовало сильные контратаки с фронта и с флангов. Войска 1-го Украинского фронта прошли с боями сотни километров. Стрелковые и танковые части необходимо было пополнить живой силой и техникой. Поэтому командование ввело в сражение резерв фронта — 5-ю гвардейскую армию Жадова. 4 августа армия нанесла мощный удар по мелецкой группировке противника. Немецкие войска были смяты и отброшены. 11 августа немецкие войска нанесли новый контрудар из района Стопницы в направлении Сташув, Осек. Немецкая группировка из 4 танковых (1-я, 3-я, 16-я и 24-я дивизии) и одной моторизованной дивизий к 13 августа смогла продвинуться на 8-10 км. Однако развить первый успех немецким войскам не удалось. 5-я гвардейская армия, поддержанная соединениями 3-й гвардейской танковой и 13-й армий, выдержала вражеский удар. В упорных шестид-

невных боях немецкая группировка утратила ударную мощь и прекратила наступление.

В период с 11 по 15 августа на плацдарм перебросили 4-ю танковую армию Д. Д. Лелюшенко. Оборона сандомирского плацдарма была значительно усилена. 2-я воздушная армия в течение августа совершила более 17 тыс. самолетовылетов, уничтожив около 200 немецких самолетов.

В районе Лагува немцы нанесли контрудар двумя танковыми корпусами, попыталось срезать лагувский выступ. Однако в результате нашего наступления немецкая группировка потерпела поражение. На этом закончились попытки немецкого командования разгромить советские войска на Сандомирском плацдарме.

Одновременно с отражением немецких контрударов, 14 августа 3-я гвардейская, 13-я, 1-я гвардейская танковая армии перешли в наступление. 18 августа советские войска освободили город Сандомир. Немецкая группировка — 4 дивизии — была разгромлена. Сан-





домирский плацдарм был увеличен до 120 км по фронту и до 50-55 км в глубину.

К концу августа немцы нарастили свою группировку в районе сандомирского плацдарма более чем в два раза. Войска фронта утратили ударную мощь, необходимо было провести перегруппировку сил, подготовить войска к новым ударам, пополнить личным составом и техникой. 29 августа 1-й Украинский фронт перешёл к обороне.

Львовско-Сандомирская стратегическая операция завершилась полной победой Красной Армии. Было завершено освобождение Украинской ССР в границах 1941 года. Освобождены Львов, Владимир-Волынский, Рава-Русская, Сандомир, Ярослав, Перемышль, Стрый, Самбор, Станислав.

Была решена стратегическая задача по разгрому группы армий «Северная Украина». Потерпели поражение 32 дивизии противника, потерявшие большую часть личного состава и техники (8 дивизий противника были полностью уничтожены в бродском «котле»). Общие потери немецких войск составили

350 тыс. человек. Только в период с 13 июля по 12 августа было убито 140 тыс. человек, в плен взято более 32 тыс. человек. Войска фронта захватили трофеи, включая более 2,2 тыс. орудий разных калибров, около 500 танков, 10 тыс. автомашин, до 150 различных складов.

С потерей Западной Украины и расчленением группы армий

«Северная Украина» на две части стратегический фронт противника был рассечен надвое. Образование мощного Сандомирского плацдарма имело стратегическое значение. Были созданы благоприятные условия для освобождения от немецко-фашистских войск юго-восточных районов Польши и Чехословакии. ■



В.Н. МИХАЙЛОВ, Е.А. НЕГИН, Г.А. ЦЫРКОВ

ПОДГОТОВКА ПОЛИГОНА И ИСПЫТАНИЯ ЯДЕРНОЙ БОМБЫ ПОД СЕМИПАЛАТИНСКОМ



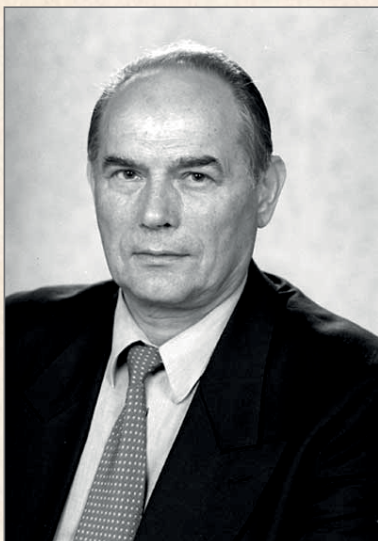
▲ Семипалатинский полигон

Одним из главных, завершающих этапов разработки ядерного оружия являются полигонные испытания. Они проводятся не только для определения

характеристик мощности и проверки правильности теоретических расчетов по вновь создаваемым и модернизированным образцам, но и для подтверждения годности боезапаса.

Для первой ядерной бомбы РДС-1, созданной в СССР, испытания имели особое значение. Во-первых, только они могли дать окончательный положительный ответ на во-





Михайлов Виктор Никитович — родился 12 февраля 1934 г. в селе Сопроново Московской области. В 1958 окончил с отличием Московский инженерно-физический институт (МИФИ) по специальности «теоретическая ядерная физика» и был приглашен во Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ) — старейший и крупнейший отечественный ядерный центр. Во ВНИИЭФ занимался исследованием развития ядерных взрывных процессов, разработкой методов и средств измерения быстропротекающих импульсных реакций деления и синтеза в этих процессах.

С 1969 г. работал в НИИ импульсной техники в Москве, а в 1988 г. возглавил его. Под руководством В. Н. Михайлова была сформирована научная школа по физике взрывного деления ядер и диагностике однократных импульсных процессов по проникающим излучениям.

В 1988 г. возглавлял с советской стороны советско-американский эксперимент по контролю мощности ядерных испытаний на Невадском и Семипалатинском полигонах. В том же году назначен заместителем министра атомной энергетики и промышленности, возглавив ядерный оружейный комплекс страны.

С 1992 по 1998 г. — министр Российской Федерации по атомной энергии, член Совета безопасности РФ.

Автор более 260 научных трудов, академик (1997 г.) профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой МИФИ. Вице-президент Международной академии информатизации, научный руководитель Российского федерального ядерного центра — ВНИИЭФ в гор. Кремлеве (Арзамас — 16). Лауреат Ленинской (1967 г.) и Государственной (1982 г.) премий СССР.

Область научных и профессиональных интересов — ядерная физика, перспективы развития атомной энергетики, международное научно-техническое и экономическое сотрудничество в области атомной энергетики.

Скончался 25 июня 2011 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.



Негин Евгений Аркадьевич — главный конструктор ВНИИЭФ, генерал-лейтенант авиации, академик (1979 г.), Герой Социалистического Труда (1956 г.), лауреат Сталинских (1951 и 1953 гг.) и Ленинской (1959 г.), Государственной (1985 г.) премий СССР. Участник Великой Отечественной войны и Парада Победы.

Родился 16 января 1921 г. После окончания Горьковского государственного университета до 1948 г. работал в Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского. С апреля 1949 г. капитан Е. А. Негин в филиале Лаборатории № 2 (КБ-11), где прошел путь от капитана до генерал-лейтенанта, от рядового конструктора до академика, главного конструктора, директора крупнейшего научного федерального центра России.

Основная научная деятельность связана с газовой динамикой. Активный участник создания атомного и термоядерного оружия. Много сделал для развития вычислительной техники, современных приборных комплексов и оснащения ими «своего» крупнейшего в стране вычислительного центра и испытательных стендов.

Внес один из решающих вкладов в создание современного ядерного оружия. Участник многочисленных испытаний различных видов ядерных и термоядерных бомб на атомных полигонах.

Умер 3 февраля 1998 г. в «атомном городе» Саров. Похоронен на городском кладбище.





Цыркв Георгий Александрович — начальник Главного управления проектирования и испытания ядерных боеприпасов, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда (1976 г.), лауреат Сталинских (1951 г., 1953 г.) и Ленинской (1962 г.) премий СССР.

Родился 28 ноября 1921 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. С 1948 г. работал во ВНИИЭФ в Арзамасе-16. Один из старейших работников атомной отрасли. Внес выдающийся вклад в дело создания отечественных ядерных вооружений, начиная с самых первых их образцов. В 1955 г. занимал должность ученого секретаря ВНИИЭФ, затем вошел в состав руководства нового ядерного центра на Урале, став первым заместителем научного руководителя и главного конструктора этого центра (в настоящее время ВНИИ технической физики). С 1965 по 1996 г. начальник Пятого Главного управления Министерства среднего машиностроения СССР, непосредственно отвечающего за весь комплекс НИОКР в области создания ядерных вооружений.

Автор ряда научных трудов и трудов в области истории ядерного оружейного комплекса. В сферу его научных интересов входили газодинамика и взрывчатые вещества. Умер 20 июня 2001 г. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

прос о работоспособности первого отечественного образца нового оружия, основанного на использовании цепной реакции деления плутония. Во-вторых, трудно переоценить политическое значение данного события. Успешное завершение испытания явилось фактически не только первым шагом к прекращению американской монополии на ядерное оружие, чреватой для всего человечества опасностью безвозмездного и одностороннего его применения, но и началом того пути, на котором был обеспечен военно-оборонный паритет двух ведущих государств мира — США и СССР.

Подготовка к испытанию РДС-1 началась задолго до завершения её разработки и велась с особой тщательностью, что объяснялось стремлением получить в ходе данного эксперимента как можно больший объем информации о работоспособности ядерного заряда и его поражающих факторах, а также обеспечить максимум гарантий для исключения любых недоразумений, ошибок или срывов. Слишком многое было поставлено на карту.

Процесс подготовки к испытанию первой советской ядерной бомбы

включал выполнение исключительно широкого спектра работ, одна часть которых была связана непосредственно со всеми многочисленными аспектами её разработки и отработки конструкции в целом, а другая — с созданием специального полигона, его обустройством, научно-методическим и приборным обеспечением необходимых физических измерений, запланированных в программе испытаний.

Начальный этап работ по подготовке полигона и осуществлению намеченных физических измерений был поручен Институту химической физики. Уже в апреле 1946 года правительственным постановлением ИХФ было дано задание на проведение комплекса научно-исследовательских и экспериментальных работ по созданию методик и аппаратуры для изучения быстропротекающих процессов, происходящих при ядерном взрыве, и действия его поражающих факторов.

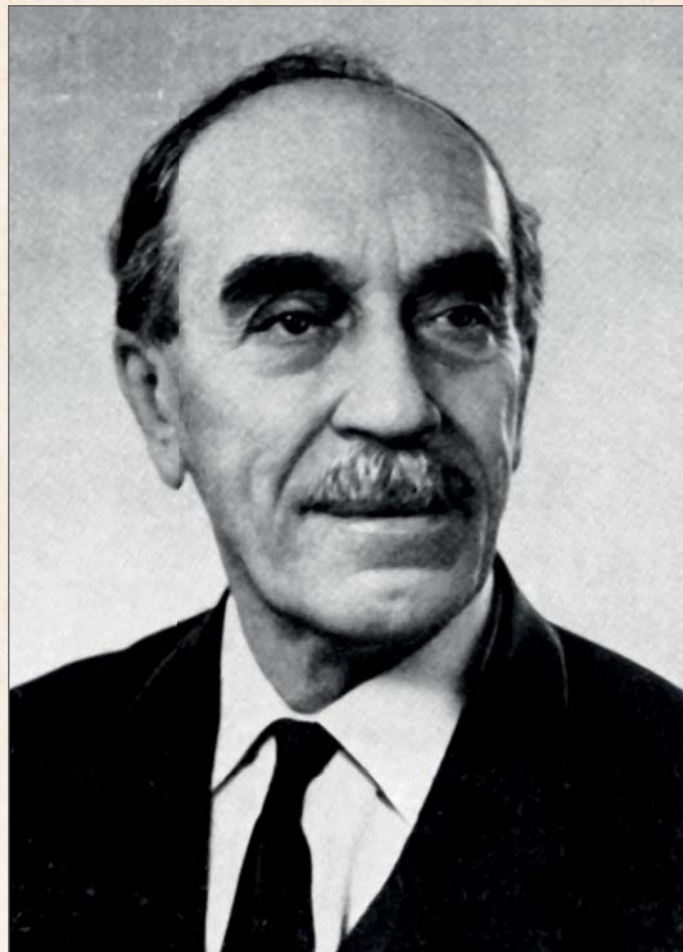
В целях выполнения поставленных задач в ИХФ был организован специальный сектор, который возглавил кандидат физико-математических наук Михаил Александрович Садовский, ставший в 1968 году академиком.

Как он сам вспоминает, эта работа начиналась практически с нуля: «Все разговоры о том, что какие-то сведения о ядерном взрыве были добыты у американцев, являются абсолютной чепухой. Ничего, кроме газетных статей, в которых попадались сведения о том, какие поражающие эффекты взрыва наблюдались в Хиросиме и Нагасаки, у нас не было, и наша задача заключалась в том, чтобы, основываясь на общих положениях науки и отрывочных газетных данных, попытаться восстановить количественную картину атомного взрыва... Не было у нас ни осциллографов, ни луп времени, ни разработанных ионизационных измерителей, пригодных для работы в полевых условиях... Надо было делать всё своими руками. Николай Николаевич Семенов взял на себя главное — разработку методики изучения взрыва, которую естественно было начать с создания представления о свойствах и развитии процесса атомного взрыва. Он привлек к решению этих задач не только весь коллектив ученых ИХФ, но и крупных специалистов из других НИИ, в том числе ГОИ, ВЭИ, военных академий и др.»





▲ Курчатов И.В.



▲ Семенов Н.Н.

Безусловно, наличие информации о развитии ядерного взрыва могло бы существенно облегчить задачу, поставленную перед учеными и специалистами ИХФ. Поэтому в мае 1946 г. на заседании Научно-технического совета Первого главного управления при Совете Министров СССР обсуждался вопрос о мероприятиях по подготовке к наблюдению взрывов, проводившихся американцами. В том случае, разумеется, если на этих испытаниях присутствовали советские специалисты.

В обсуждении данного вопроса на НТС участвовали Б. Л. Ванников, И. В. Курчатов, М. Г. Первухин, А. Ф. Иоффе, А. И. Алиханов, Н. Н. Семенов, Ю. Б. Харитон, В. А. Малышев, А. И. Лейпунский, И. К. Кикоин, Б. С. Поздняков.

В сообщении, сделанном Н. Н. Семеновым, предлагались возможные способы оценки температуры из-

лучаемой поверхности, давления во фронте ударной волны, длительности фазы свечения и некоторых других параметров, характеризующих развитие взрыва.

Через три месяца после выхода правительственного постановления, обязавшего ИХФ приступить к работам, связанным с проведением полигонных испытаний, т. е. в июле 1946 г., на заседании Научно-технического совета ПГУ был заслушан отчет Н. Н. Семенова о результатах уже проведенных в этой связи мероприятий.

НТС одобрил представленный план НИОКР и отметил, что Институтом химической физики проведен большой объем необходимых теоретических расчетов и определен перечень приборов и сооружений, требуемых для проведения полигонного испытания.

В целом результаты первого обсуждения хода развернувшейся под-

готовки к первому ядерному эксперименту вселяли уверенность, что вопросы аппаратного и методического обеспечений будут успешно решены.

Место для ядерного полигона — учебного полигона №2 Министерства Вооруженных Сил, в последующем — Министерства Обороны СССР (УП-2 МО) — было выбрано в прииртышской степи, примерно в 170 км западнее Семипалатинска. Этот район Казахстана представляет собой безводную степь с редкими заброшенными и пересохшими колдцами. Территория, отведенная под полигон, являлась равниной диаметром примерно 20 км, окруженной с трех сторон — южной, западной и северной — невысокими горами. На востоке этого пространства находились небольшие холмы.

Проектные работы по полигону выполнялись по техническим зада-





▲ Расположение полигона

ниям ИХФ в специальном проектно-институте Первого главного управления — ГСПИ-11. Возводился полигон инженерными войсками Вооруженных Сил. Председателем Государственной комиссии при приемке полигона был М.Г. Первухин.

На полигоне дислоцировалась воинская часть, штаб которой располагался вниз по течению Иртыша — в 60 км от самого полигона и в 130 км от Семипалатинска.

Связь полигона №2 с Семипалатинском обеспечивалась по реке и по грунтовой грейдерной дороге. Позже к воинской части была подведена железнодорожная ветка.

В пригороде Семипалатинска Жана-Семей располагался аэродром, которым мог пользоваться полигон. Кроме того, в экстренных случаях для приема срочных грузов и других целей мог быть использован полевой аэродром, располагавшийся непосредственно на территории полигона.

Общий объем капитальных вложений в строительство полигона

к 1949 г. составил 185 млн. руб. (в ценах 1945 г.).

УП-2 МО представлял собой сложную разветвленную структуру со всеми элементами жизнеобеспечения, соответствующей научно-исследовательской базой, большим количеством зданий и сооружений, расположенных на различных площадках.

Центральным элементом этой структуры было опытное поле, на котором и должны были разворачиваться главные события — ядерные испытания.

Опытное поле — это круг радиусом 10 км. Оно было оборудовано специальными сооружениями, призванными обеспечить проведение испытаний, наблюдение и регистрацию физических явлений.

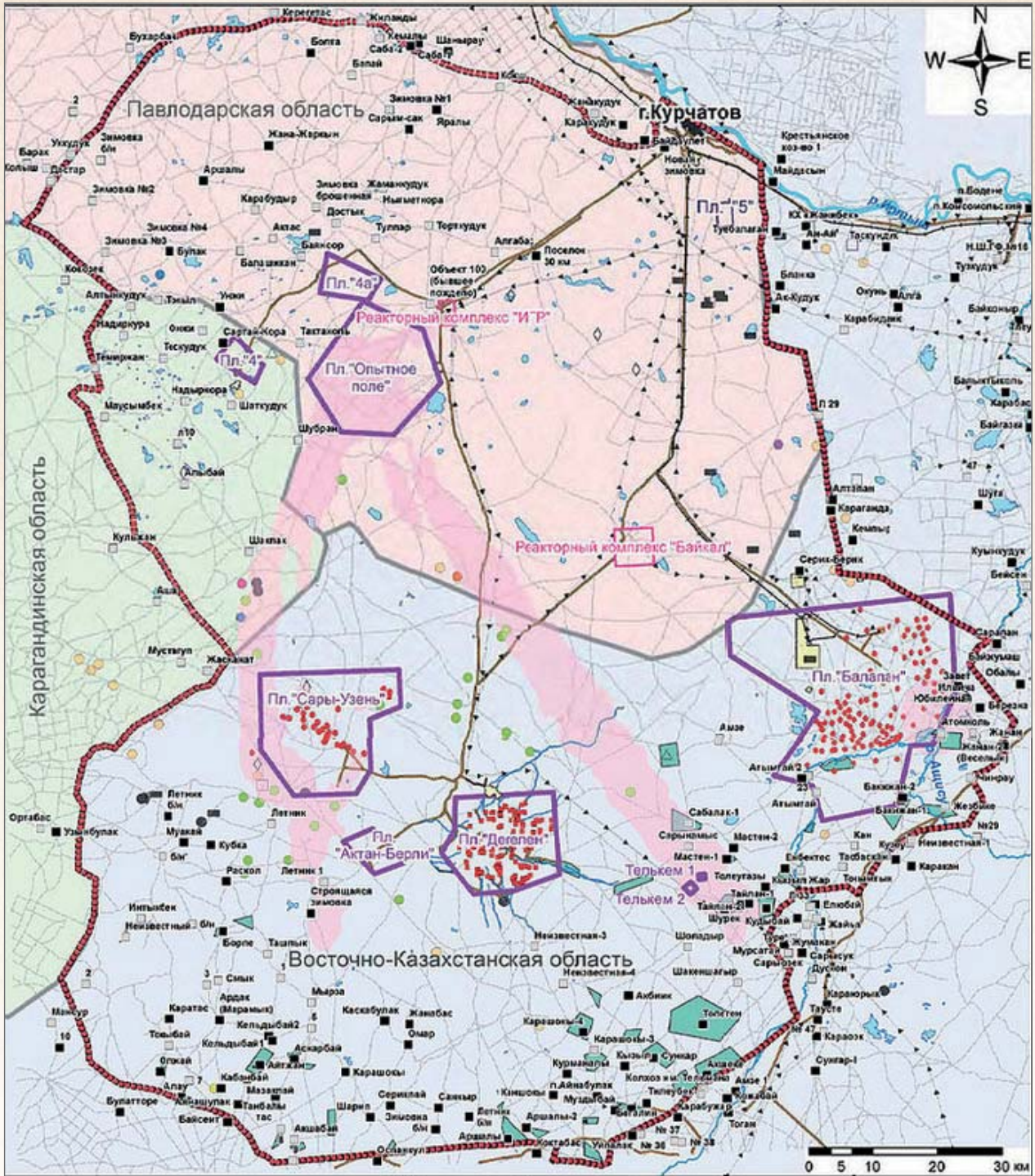
Опытное поле условно было разделено на 14 секторов. Среди них были два фортификационных и физических сектора; сектор гражданских сооружений и конструкций; сектор различных видов Вооружен-

ных Сил и родов войск, в котором на различном удалении от центра поля в открытом виде, а также в укрытиях различного типа размещались образцы вооружения и военной техники; биологический сектор с подопытными животными.

В секторе гражданских сооружений и конструкций было построено два кирпичных трехэтажных и несколько рубленых и сборных деревянных домов, участки линии электропередачи, отрезки железной дороги с мостом, участки водопровода и канализации, а также одно промышленное здание, три подземные шахты на глубине 10, 20 и 30 м, имитировавшие метро, и т.п.

Для наблюдения за воздействием ядерного взрыва в секторе авиационной техники было установлено 53 самолета разных типов, столько же орудий находилось в секторе артиллерийского вооружения. В секторе бронетанковой техники было 25 танков и самоходных артиллерийских установок. Состояние всего,



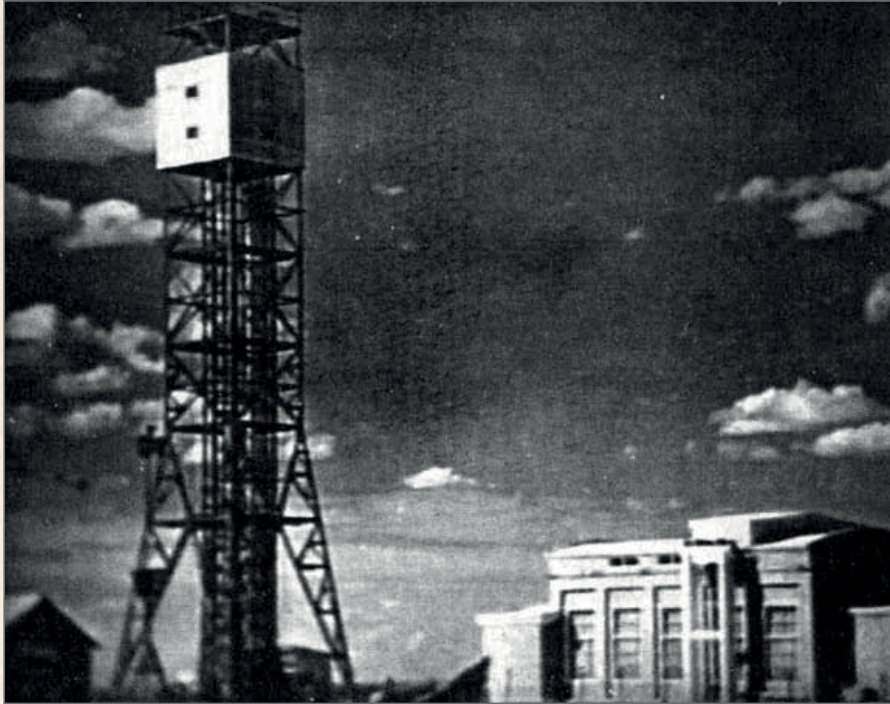


Условные обозначения

граница СИП	испытательная скважина	полезные ископаемые	цинк
границы испытательных площадок	испытательная штольня	серебро	никель
границы дополнительных испытательных площадок	ЛЭП	щебень	свинец
реакторный комплекс	дорога	абразив	известняк
хранилище промышленных отходов	железная дорога	агаты	медь
изолиния 0,3 Ки/кв.км, Cs-137	реки, ручьи	железо	редкие металлы
Землеотводы хозяйствующих субъектов	зимовки	золото	вольфрам
добывающая промышленность	нежилая	марганец	уголь
сельское хозяйство	жилая		
озеро			

▲ Схема полигона





▲ Башня с РДС-1

что находилось на опытном поле, после взрыва должно было характеризовать мощность ударной волны и степень поражающего действия светового, проникающего и радиоактивного излучений.

Большую программу работ такого же плана предстояло осуществить и в области исследования поражающего действия нового оружия на живые организмы. Для биологических наблюдений в соответствующем секторе поля было размещено более полутора тысяч животных.

В двух физических секторах, расположенных в северо-восточном и юго-восточном направлениях и предназначенных для определения параметров ядерного взрыва, было построено 15 железобетонных башен высотой 2-м, 2 металлических башни такой же высоты, 17 трехметровых железобетонных башен, 2 подземных каземата, 2 пульта автоматического управления приборами и командный пункт с программным автоматом.

Для обеспечения физических измерений на полигоне в общей сложности было построено 44 сооружения под различную аппаратуру и кабельная сеть протяженностью 560 км.

Вся регистрирующая аппаратура физических секторов, насчитывавшая до 200 приборов, размещалась в специально построенных под нее башнях и казематах, имела индивидуальное аккумуляторное питание и приводилась в действие автоматически.

Система автоматики состояла из главного программного автомата, который был установлен на командном пункте. Программный автомат выдавал сигналы времени и включал реле пуска различных приборов в определенное время. Он же подавал импульс тока на запуск системы автоматически подрыва изделия.

Сигналы автомата передавались по кабельным линиям на приборные башни северо-восточного и юго-восточного направлений. Вся система автоматики была дублирована, что в случае отказа автоматики одного из радиусов обеспечивало включение всей аппаратуры автоматикой другого радиуса.

В центре опытном поля была смонтирована металлическая решетчатая башня высотой 37,5 м. Она была предназначена для установки испытывавшегося ядерного заряда изделия РДС-1.

Башня была оборудована грузовым и пассажирским подъемниками с электрическим управлением. Вблизи башни находилась сборочная мастерская, в которой должны были производиться заключительные операции по сборке шарового заряда, связанные с установкой в центральную часть основного заряда с нейтронным запалом и съемных элементов конструкции.

На восточной границе опытном поля располагалась площадка «Н» со зданиями и сооружениями, предназначенными для неокончательной сборки изделия перед испытаниями, хранения комплектующих узлов и деталей изделия РДС-1. Здесь же размещалось здание «12 П» — командный пункт полигона. В это здание сходились все нити связи как внутриполигонной, так и внешней, включая правительственную.

Командный пункт представлял собой бетонный каземат, состоявший из двух комнат с застекленной амбразурой, которая была, в конце концов, защищена земляным валом. В одной из комнат каземата находились автомат управления подрывом заряда, а также автомат управления измерительным комплексом испытательного поля и аппарата контроля.

В пяти километрах от границы опытном поля, в северо-восточном направлении от его центра, была сооружена площадка «Ш», на которой размещались система энергообеспечения опытном поля и жилые помещения для личного состава. Во время испытания на пункте «Ш» находились штаб и пункты обмывки людей и первичной обработки индикаторов.

Как уже упоминалось выше, в 60 км от опытном поля был построен жилой городок (площадка «М», ныне — г. Курчатова), где находились штаб войсковой части, административные, культурно-просветительные и хозяйственные предприятия и учреждения, а также дома для офицеров и их семей.

В полутора километрах от площадки «М» размещался лабораторный городок, в котором проводились всевозможные исследования, связанные с обеспечением испытаний.





▲ Испытываемая техника

Большую роль в создании и обустройстве УП-2 сыграли начальник инженерных войск, маршал М. П. Воробьев, генерал В. А. Болятко, впоследствии ставший начальником 12 Главного Управления Министерства обороны, начальник полигона генерал С. Г. Колесников и др.

Подготовка военных специалистов для обслуживания полигона и проведения измерений поражающих факторов ядерного взрыва была возложена на сформированную в подмосковном Загорске организацию. Ныне это — Центральный научно-исследовательский институт им. В. А. Болятко.

Программа испытаний РДС-1 в основных своих задачах была сформулирована в специальном постановлении Совета Министров СССР № 2142-564 от 19 июня 1947 г. Две главные задачи сводились к следующему: к оценке конструкции по коэффициенту полезного использования активного вещества, т. е. КПД

ядерного взрыва, и к получению необходимых данных для изучения поражающего и разрушающего действия созданного оружия.

Сроки подготовки полигона коррелировались с готовностью первой ядерной бомбы к испытаниям.

К январю 1949 г. весь комплекс конструкторских вопросов по РДС-1 был отработан. Об этом свидетельствуют архивные материалы — обоснование конструкции (Ю. Б. Харитон, К. И. Щелкин, Я. Б. Зельдович), техническое обоснование основных конструктивных элементов и размеров различных узлов (Н. А. Терлецкий, В. Ф. Гречишников), комплекты документации, завизированные Н. Л. Духовым и В. И. Алферовым.

Особая роль в процессе подготовки завершающего этапа работ по РДС-1 отводилась детальной отработке порядка действий основного и дублирующего составов участников испытания в условиях, максимально приближенных к реальным.

В январе 1949 г. в КБ-11 была составлена программа тренировочных опытов, призванных предварить основной — полигонный. Она включала в себя полный цикл подготовки и проведения последнего.

С этой целью предусматривалось апробирование окончательного монтажа испытуемого изделия в специально оборудованном помещении КБ-11, где были воспроизведены в натуральную величину сборочные стенды, подъемная клеть башни, подъездные пути и подъемно-транспортные сооружения, расположенные около башни на полигоне.

11 апреля 1949 г. в КБ-11 вышел приказ № 055 начальника объекта П. М. Зернова об обеспечении всех подготовительных работ в части предстоящего испытания на учебном полигоне № 2.

Данным приказом была сформирована специальная группа в составе 7 человек. Председателем её был назначен первый заместитель главно-



го конструктора КБ-11 К. И. Щелкин, заместителями начальника группы — Н. Л. Духов и В. И. Алферов, а членами — В. К. Боболев, А. К. Бессарабенко, А. Я. Мальский и И. А. Назаревский.

На эту группу возлагалась подготовка общей программы работ на полигоне, так и инструкций, графиков, касавшихся конкретных направлений действия, проведение тренировочных опытов вначале в КБ-11, а затем на полигоне, осуществление оперативного контроля за ходом подготовки к испытаниям во всех подразделениях и службах КБ-11.

Ход подготовки к испытаниям находился под пристальным и непосредственным контролем со стороны руководства КБ-11 и руководства Урановым проектом в целом.

8 апреля 1949 г. Ю. Б. Харитон и К. И. Щелкин представили Л. П. Берии доклад, в котором сообщалось о решении всех принципиальных теоретических, конструкторских и технологических задач по РДС-1, а также обосновывалась необходимость получения требовавшегося количества делящихся материалов.

К докладу прилагались «Порядок испытания РДС-1» и «Программа тренировочных опытов на полигоне».

Этими документами предусматривалось проведение подрыва боевого изделия на башне, а также определялись ответственные лица за подготовку и осуществление заключительных операций.

В связи с неопределенностью в вопросе о мощности взрыва и недостаточной изученностью механизма воздействия его поражающих факторов на самолет-носитель решение о проведении опыта в стационарном варианте было на том этапе создания ядерного оружия единственно правильным.

Кроме того, при таком решении облегчались условия проведения физических измерений и повышался уровень достоверности полученных сведений.

Технология подготовки опыта предусматривала:

- Сборку заряда из ВВ, поставленного на полигон в разобранном виде, исключая операции по установке в центральную часть плутониевого заряда и нейтронного инициатора, в здании «32 П», расположенном на площадке «Н» полигона;
- доставку заряда в мастерскую у башни «1 П» в центре опытного поля;

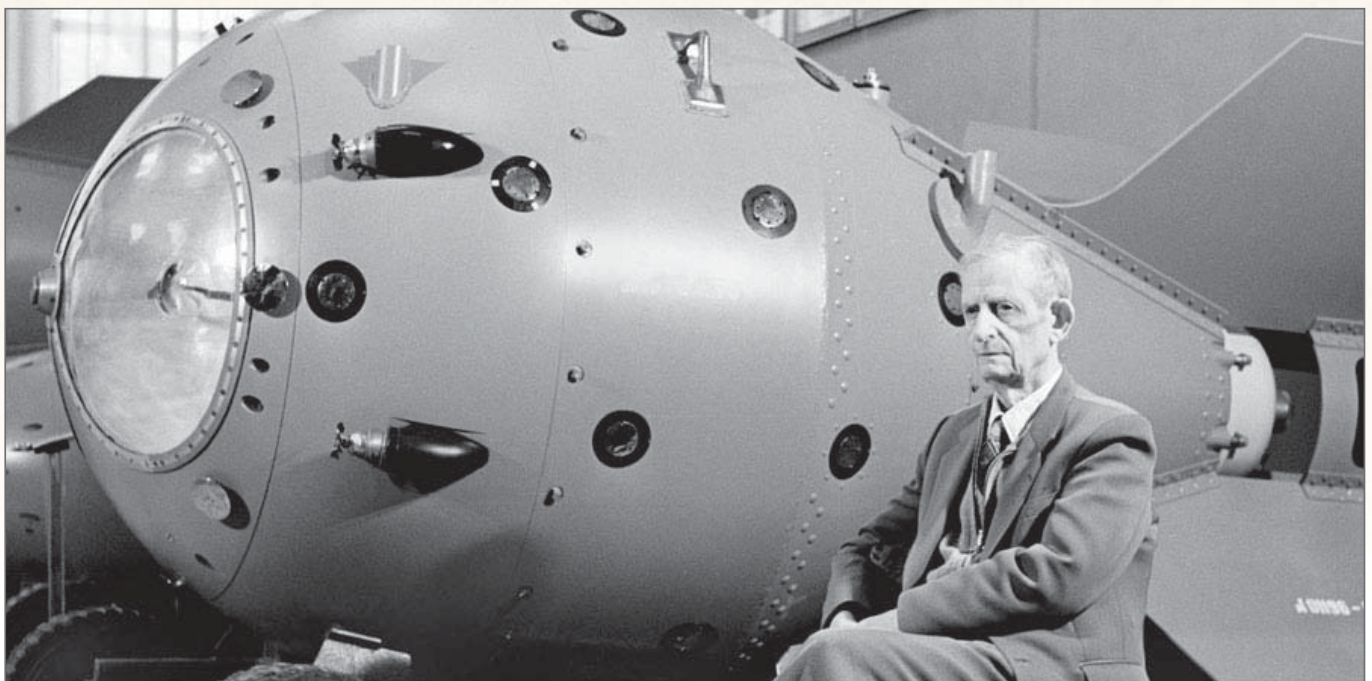
- монтаж ядерного заряда с нейтронным инициатором;
- передачу изделия группе подрывников, руководимой К. И. Щелкиным, подъем его на башню, снаряжение электродетонаторами, подключение к схеме подрыва.

Следует отметить, что указанная последовательность работ и распределение обязанностей между руководящими работниками КБ-11 были сохранены до боевого опыта.

Ответственным за сборку заряда из ВВ был назначен директор снаряжательного завода «2 КБ-11» А. Я. Мальский.

За оснащение изделия электрооборудованием (электродетонаторами и автоматикой их подрыва), подготовку и проверку автоматики и линии подрыва отвечал заместитель главного конструктора В. И. Алферов, за снаряжение изделия плутониевым зарядом — заместитель главного конструктора КБ-11 Н. Л. Духов. Помощником Н. Л. Духова по физической части стал заведующий лабораторией КБ-11 Г. Н. Флеров.

Ответственным за непосредственное снаряжение изделия детонаторами и его подрыв был назначен



▲ Харитон Ю.Б.





▲ Духов Н. Л.



▲ Железобетонные объекты

заместитель начальника лаборатории КБ-11 С.Н. Матвеев.

По решению Б. Л. Ванникова и И. В. Курчатова ответственность за всю организацию работ по подготовке РДС-1 к испытанию возлагалась на Ю.Б. Харитона. Соответственно и полномочия, которыми наделялся главный конструктор, были максимально широкими. В частности, ему предоставлялось право единолично решать вопросы о снятии с опыта любых приборов и приспособлений, способных в какой-либо мере и на каком-то из этапов повредить или помешать подрыву РДС-1.

Все вышеперечисленные лица должны были производить приемку в КБ-11 узлов и деталей изделия РДС-1 необходимых для заключительных операций, обеспечивать руководство их доставкой к месту испытания, нести ответственность за хранение и сборку изделия на полигоне вплоть до сдачи своей работы Правительственной комиссии.

За период с весны до лета 1949 г. в адрес Главного администратора Уранового проекта Л.П. Берия было направлено несколько докладных записок, в которых сообщалось о состоянии дел по вопросу «выхо-

да» на полигонные испытания. Так, очередной доклад, подписанный И.В. Курчатовым и Ю.Б. Харитоном, был направлен 15 апреля.

В нем отмечалось, что к этому времени были решены все принципиальные и конструктивные вопросы по разработке РДС-1.

В частности, были созданы теории сходящейся детонационной волны во взрывчатых веществах и ударной волны в металлах, теория сжимаемости металлов при давлениях в несколько миллионов атмосфер и теория КПД, теория неполного взрыва, умножения нейтронов и расчета критической массы и т.д. Была также в основном завершена технологическая отработка изготовления РДС-1, в том числе и технология изготовления деталей из взрывчатых веществ.

На основе данного доклада был разработан и утвержден Л.П. Берией план действий на завершающей стадии подготовки к полигонному эксперименту. Его авторами были Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, К.И. Щелкин и Г.Н. Флеров.

Этот план предусматривал:

- расчет умножения фона в полусфере плутония для эксперимен-

тального определения фона в натурном заряде. Ответственные за выполнение Я.Б. Зельдович и Д.А. Франк-Каменский, срок выполнения — до 30 июня 1949 г.;

- подготовку опыта по исследованию размножения нейтронов на базе №10 силами КБ-11 и базы №10 (завод №817, ныне — комбинат «Маяк»);
- изготовление на базе №10 плутониевых сфер и проведение измерений нейтронного фона. Ответственный за выполнение Б.Г. Музруков;
- осуществление проверки умножения нейтронов в окончательно собранном заряде бомбы. Опыт проводится в КБ-11. Ответственный за подготовку конструкции бомбы Н.Л. Духов, за измерение нейтронов — Г.Н. Флеров.

В период с 4 по 6 июня 1949 г. в КБ-11 И.В. Курчатов и Б.Л. Ванников совместно с М.Г. Мещеряковым, Ю.Б. Харитоном, П.М. Зерновым и А.П. Александровым, проанализировав состояние всех вопросов, связанных с созданием первого ядерного заряда, сделали и представили



Л. П. Берию 15 июня заключение о завершенности конструкторской и технологической разработки заряда и обоснованности его технических характеристик. Оставалось только закончить опыты по критическим измерениям и определению ядерных констант, по результатам которых можно было бы установить окончательные размеры и массу плутониевого ядра. Заметим, что первые расчетно-экспериментальные оценки критической массы плутония были проведены весной 1949 г.

Во время июньского совещания представителям ПГУ был представлен макет РДС-1, изготовленный в металле в одну пятую натуральной величины. Отвечали за его создание Н. Л. Духов и А. К. Бессарабенко. Изготавливался макет на опытном заводе №1 КБ-11.

Макет был одобрен, и была дана санкция на его отправку в Москву — в Спецкомитет.

В решении комиссии, принятом по вопросу о порядке и сроках отправки РДС-1 на полигон №2, в частности, говорилось, что изделие из плутония и два нейтронных инициатора будут отправлены в специальном вагоне по железной дороге до конечной станции и от нее до полигона — легковыми машинами. Два собранных заряда из взрывчатых веществ намечено было отправить также по железной дороге воинским транспортом до конечной станции, а дальше, до полигона — грузовыми машинами. Часть груза было предусмотрено отправить на полигон самолетом.

Порядок перевозок узлов и деталей изделий РДС-1 и различного оборудования, обеспечивающего испытания, был определен инструкцией, разработанной с участием Мешика, Павлова и Детнева.

На июньском совещании было принято предложение научно-технического руководства КБ-11 о том, что выбранная масса плутония должна обеспечить КПД заряда не менее 7%. Для выполнения этого условия Комбинату №817 было выдано задание на изготовление ядерного за-

ряда с некоторым запасом по массе, что создавало возможность его доводки путем снятия избытка плутония по внутренним полусферам плутониевых деталей.

В июне 1949 года на Урал выехала группа сотрудников КБ-11. Она должна была определить окончательную массу плутония. В составе группы были Г. Н. Флеров и сотрудники его лаборатории, а также теоретики КБ-11 Я. Б. Зельдович, Д. А. Франк-Каменский, Н. А. Дмитриев, В. Ю. Гаврилов и др. Часть оборудования была привезена из КБ-11, часть смонтирована уже на месте на Комбинате №817. К этому времени здесь уже был подготовлен плутониевый заряд с соответствующим технологическим припуском. С этой заготовкой, установленной в модельную сборку, группой Г. Н. Флерова были проведены измерения коэффициента умножения нейтронов.

Один из исполнителей этих работ Ю. С. Замятин вспоминает: «Установка для измерений была смонтирована в просторном помещении и состояла из металлической подставки-станины, на которой размещались нижние полусферы отражающих урановых оболочек и обе полусферы из плутония,

покрытые тонкой полусферой из урана... для защиты от механических повреждений, системы блоков, позволяющей с помощью ручной авиационной лебедки поднимать и опускать верхние полусферы урановых оболочек, всеволнового детектора нейтронов и регистрирующей электронной аппаратуры, световой и звуковой сигнализации скорости счета. И. В. Курчатов все это устройство с блоками и тросиками в шутку называл «египетской техникой». В центре плутониевых полусфер размещался нейтронный источник. Предварительно было проверено постепенным сближением плутониевых полусфер, что вся эта система, как и следовало из расчетов, находится в подкритическом состоянии.

Основным содержанием эксперимента на каждом его этапе было определение коэффициента умножения нейтронов по измерению скорости счета нейтронного детектора».

Расчеты, проведенные группой Я. Б. Зельдовича на основании опытов Г. Н. Флерова, позволили определить окончательную массу заряда, обеспечивающую приемлемые значения КПД, и другие параметры ядерного взрыва.



▲ Испытываемая техника





▲ Испытываемая техника

27 июля 1949 года на Комбинате №817 состоялось совещание. В нем участвовали И. В. Курчатов, Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, Б. Г. Музруков, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович и Г. Н. Флеров. Было принято решение об окончательной массе плутониевого заряда и порядке доработки изготовленного изделия.

5 августа была произведена приемка ядерного заряда. Акт об этом подписали Ю. Б. Харитон, А. А. Бочар и В. Г. Кузнецов. Паспорт на детали изделия подписали Е. П. Славский, И. В. Курчатов, А. А. Бочар и др.

Детали плутониевого заряда были упакованы в специальную тару и отправлены литерным поездом, 8 августа они поступили в КБ-11. Здесь в ночь с 10 на 11 августа была произведена контрольная сборка изделия с плутонием с целью изучения процесса прохождения быстрых ней-

тронов через реальную конструкцию ядерного заряда. В время контрольной сборки непрерывно производились измерения нейтронного и гамма-излучений.

Проведенные измерения показали, что коэффициент умножения нейтронов возрастает в ожидавшихся пределах, что еще раз подтвердило соответствие РДС-1 техническим требованиям и его пригодность для полигонного испытания.

После демонтажа детали плутониевого заряда были тщательно осмотрены, упакованы и подготовлены к отправке на полигон по железной дороге. Это было одной из последних операций, проведенных в КБ-11 по подготовке первой ядерной бомбы к испытаниям.

Несколько раньше в соответствии с решением июньского совещания в КБ-11 были изготовлены и отправ-

лены на полигон пять боевых и два тренировочных заряда из взрывчатых веществ.

Решение об отправке пяти боевых комплектов зарядов ВВ при одном плутониевом застраховывало от непредвиденных случайностей, могущих привести к порче зарядов при транспортировании, хранении и работе на полигоне.

В июне — июле 1949 года на полигон были отправлены две группы работников КБ-11 со вспомогательным оборудованием и хозяйственным инвентарем. 24 июля сюда прибыла группа специалистов во главе с П. М. Зерновым, которая должна была принимать непосредственное участие в подготовке ядерного заряда к испытаниям.

21 августа на полигон прибыл эшелон с деталями плутониевого заряда и четырьмя нейтронными ини-



циаторами. Тем же поездом прибыла и группа ведущих ученых КБ-11, среди которых были Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, Г.Н. Флеров.

21 августа прибыли научный руководитель опыта И.В. Курчатов и член Специального комитета А.П. Завенягин.

К 26 августа на полигоне собрались все участники и члены Правительственной комиссии под председательством М.Г. Первухина.

Следует отметить, что комиссия, в которую входили П.М. Зернов, П.Я. Мешик, В.А. Болятко, М.Г. Мещеряков, К.И. Щелкин, М.А. Садовский, А.Я. Свердлов, генерал-лейтенант М.Н. Тимофеев, генерал-лейтенант медицинской службы А.И. Бурназян, генерал-майор С.Г. Колесников, генерал-майор авиации Г.О. Комаров и главный инженер Государственного специального проектного института (ГСПИ-11) В.В. Смирнов, собралась на полигоне значительно раньше — 26 июля. В задачу этой комиссии входила организация работ по завершению строительства и подготовке всех объектов полигона к эксперименту.

Круг задач, решаемый данной комиссией, был достаточно широким.

К примеру, 27 июля, то есть на следующий после прибытия день, комиссия рассмотрела на дневном заседании вопрос о формировании экспертных комиссий по проверке готовности зданий и сооружений полигона к эксплуатации. В частности, это относилось к площадке «Н» и опытному полю. На вечернем заседании был заслушан начальник строительства генерал-лейтенант М.Н. Тимофеев по вопросу о сроках завершения всех строительных работ.

Заседание комиссии, состоявшееся 4 августа, было посвящено обсуждению плана тренировочных испытаний секторов и КБ-11. Данным планом предусматривалось в течение двухнедельного срока, начиная с 8 августа, провести:

- тренировочные испытания автоматического управления приборами физического сектора и изделия;
- контрольные сборки изделия с целью отработки приемов мон-

тажа, подключения аппаратуры и коммуникационных линий с подъемом изделия на башню;

- две репетиции по физическому и биологическому, также по инженерному и вооруженческому секторам;
- отработку мероприятий по проведению соответствующих воздушных наблюдений и работе служб безопасности;
- общую генеральную репетицию с участием всех секторов, а также охраны, службы безопасности, связи и других средств обеспечения.

Решением данного совещания Правительственной комиссии заместитель директора РИАН И.Е. Старик был прикомандирован к полигону на период испытания для осуществления научного руководства радиохимической лабораторией. Руководство и наблюдение за всеми тренировочными работами было возложено на П.М. Зернова, П.Я. Мешика и В.А. Болятко, с которыми непосредственное руководство



▲ Промышленные конструкции





▲ Маяк

полигона должно было согласовывать все распоряжения, касающиеся тренировочных опытов.

За период с 27 июля по 5 августа комиссия под председательством М.Г. Первухина провела 9 заседаний.

В акте комиссии от 5 августа было сделано заключение о полной готовности полигона к 10 августа и предложено руководству полигона и КБ-11 провести в течение 15 дней детальную обработку операций по сборке и подрыву изделия, а также проверку степени взаимодействия всех организаций и служб, участвующих в предстоящем опыте.

После принятия данного решения более четко определилась дата проведения первого в СССР ядерного взрыва — один из последних дней августа 1949 года.

В соответствии с заключением Правительственной комиссии в период с 10 по 26 августа была проведена серия репетиций. Всего их было десять. В ходе них были задействованы аппаратура управления полем и пульт подрыва изделия с кабельной линией.

Так, 10 и 11 августа было проведено по три репетиции по полной программе с включением автоматики изделия и аппаратуры поля.

13 августа в тренировочных работах вновь по полной программе была подключена автоматика изделия, но аппаратура поля не подключалась.

18 и 22 августа были проведены две репетиции — очередная и генеральная по полной программе — при включенной автоматике изделия, аппаратуры поля и регистрирующих осциллографов. В ходе этих учений, проводившихся под кодовым обозначением «Вперед», отрабатывался полный цикл подготовки РДС-1 к подрыву, включавший сборку изделия, за исключением установки плутониевого заряда, подъем его и автоматики подрыва на грузовую площадку башни, расположенную

на 30-метровой отметке, контрольную проверку линии и автоматики подрыва, снаряжение изделия электродетонаторами.

Первый из этих опытов проводился с зарядом, доставленным на полигон из КБ-11 в собранном виде. При осуществлении генеральной репетиции, проведенной 22 августа, ядерный заряд, так же как и заряд, предназначенный для боевого подрыва, собирался на полигоне.

Выбор зарядов для боевого изделия и генерального тренировочного опыта был произведен 19 августа из четырех комплектов, доставленных на полигон россыпью. Отбор проводили К.И. Щелкин, Я.Я. Мальский и начальник ОТК завода №2 КБ-11 А.Я. Титов. За основные критерии принимались размеры и плотность деталей из взрывчатки, результаты контрольных испытаний, проведенных в КБ-11, и расчетная разновременность по фокусирующим элементам.

В период между тренировочными работами, проведенными 18 и 22 августа, согласно решению комиссии, возглавляемой М.Г. Первухиным, были произведены профилактическая ревизия пульта управления полем и десятикратное его задействование по полному циклу.



▲ Химический завод Балаково



Проведенные проверки подтвердили нормальную работу автоматики

В ходе операции «Вперед» изделия после работ с ними на башне спускались вниз, перевозились на специально подготовленную площадку, устанавливались там на подставку высотой 3,5 м и подрывались по штатной программе.

После взрыва оставались алюминиевые керны, устанавливавшиеся в заряд вместо центральных частей. По сферичности их обжата делалось заключение о качестве сборки изделия.

Отстрелы макетов подтвердили хорошее качество сборки зарядов и монтажа спецоборудования изделия, выполненных в условиях полигона, а также безотказность системы автоматики и линии подрыва, готовность всех служб к полигонному испытанию первой ядерной бомбы.

Каждый этап подготовительных работ проводился в строгом соответствии с конструкторской и нормативно-технической документацией, подготовленной на проведение боевого опыта. Результаты всех работ оформлялись актами, которые предъявлялись на утверждение руководству испытаний.

Так, например, завершив все подготовительные работы к операции «Вперед», К. И. Щелкин, А. Я. Мальский и С. Н. Матвеев составили акт от 2 августа 1949 года о готовности к проведению этих работ. Акт был согласован с научным руководителем полигона М. А. Садовским — руководителем специального сектора Института химической физики, затем направлен М. Г. Первухину с просьбой решить осуществление тренировочных опытов на площадке «П» в 2,5 км от сборочного здания «32 П» площадки «Н».

На подлинном акте, хранящемся в архиве ВНИИЭФ, сохранилась резолюция М. Г. Первухина, сделанная им 4 августа 1949 года: «Разрешить».

Также по актам производились прием и передача зарядов от одной бригады сборщиков другой.

К примеру, один из актов от 20 августа 1949 года, подписанный сдающими изделие А. Я. Мальским

и М. А. Квасовым и принимающими его С. Н. Матвеевым и Г. П. Ломинским, свидетельствует о сборке заряда взрывчатых веществ в здании «32 П» и передаче его В. И. Алферову для проведения дальнейших работ.

В данном акте отмечается, что сборка заряда ВВ была произведена с отклонением от требований конструкторской документации, что привело к необходимости переборки.

Документально фиксировались не только результаты всех работ, связанных с подготовкой изделия и аппаратуры к тренировочным опытам, но и всевозможные недостатки, упущения, замечания.

Показательной в этом отношении является докладная записка В. И. Алферова от 16 августа на имя

П. М. Зернова и К. И. Щелкина. Она посвящена анализу результатов первой части операции «Вперед».

Отметив, что «накладок технического порядка не было», Владимир Иванович счел необходимым обратить внимание на четыре упущения организационного характера. Среди них поломка сетевого электрооборудования в здании ДАФ (мастерская у башни «1 П» и в связи с этим — отсутствие света, а также необеспеченность работавших в этом здании питьевой водой и питанием в течение 19 часов.

Данный факт в какой-то мере характеризует те условия, в которых нередко приходилось работать испытателям первой ядерной бомбы. 21 августа 1949 года на полигон при-



▲ Завенягин А.П





▲ Испытываемые железобетонные конструкции

были А.П. Завенягин, И.В. Курчатов, Ю.Б. Харитон.

После проведения генерального тренировочного опыта (22 августа 1949 г.) система управления подрывом изделия и приборами опытного поля по указанию председателя Правительственной комиссии М.Г. Первухина была опечатана и передана под контроль К.И. Щелкина, в ведении которого она находилась до момента подрыва боевого изделия.

23 августа на полигоне было проведено совещание. Еще раз рассматривался порядок работы по подготовке и проведению испытания заряда РДС-1. Совещание проводили И.В. Курчатов, А.П. Завенягин, П.М. Зернов, Ю.Б. Харитон и К.И. Щелкин. С информацией о контрольных измерениях выступил Г.Н. Флеров. В заключение своего сообщения он сказал, что для окончательного выхода на испытания необходимы ещё три дня и линия связи с башней.

В.И. Алферов доложил регламент проведения полигонного опыта и результаты подготовки системы инициирования к испытанию.

В итоге всестороннего обсуждения всех аспектов и деталей предстоящего эксперимента с первым ядерным зарядом на совещании было решено утвердить окончательный

порядок работ, назначить К.И. Щелкина ответственным за работу системы инициирования, закончить нейтронные измерения к 26 августа.

Особое внимание было уделено обсуждению правил поведения тех участников испытания, которым предстояло впервые наблюдать ядерный взрыв. Научный руководитель полигона М.А. Садовский изложил содержание специальных инструкций по данному вопросу. Всем, кто готовился наблюдать взрыв, выдали защитные очки, значительно ослаблявшие силу света. А.И. Бурназян и Я.Б. Зельдович проверили стекла и подтвердили, что очки дают уменьшение его воздействия достаточно, чтобы обеспечить безопасное наблюдение за световым излучением взрыва.

26 августа 1949 года на полигон прибыл Л.П. Берия. К этому дню были собраны два (боевой и резервный) заряда из взрывчатых веществ. Все этапы этой работы завершались принятием актов соответствующих комиссий.

Так, комиссия в составе Ю.Б. Харитона (председатель), П.М. Зернова, К.И. Щелкина, Н.Л. Духова, А.С. Александрова, А.Я. Мальского приняла предназначенный для сборки заряд, изготовленный опытными заводами №1 и 2 КБ-11.

Затем комиссия, куда входили Ю.Б. Харитон, П.М. Зернов, К.И. Щелкин, В.И. Алферов, В.С. Комельков и А.С. Александров, признала годными к монтажу на заряде РДС-1 источники высоковольтного питания, высоковольтное реле и блок синхронного зажигания, а также приняла для снаряжения заряда партию капсулей-детонаторов.

Ю.Б. Харитон, Н.Л. Духов, В.А. Давиденко и А.С. Александров сделали заключение по четырем нейтронным индикаторам, расположив их по очередности применения. Отбор был произведен на основании документации и акта проверки их на полигоне, проведенной В.А. Давиденко, Ю.К. Пужляковым и А.Г. Михайленко.

Поздним вечером 26 августа руководство КБ-11 (Ю.Б. Харитон, П.М. Зернов, Н.Л. Духов) представило И.В. Курчатову и А.П. Завенягину акты о готовности всех узлов изделия к опыту. Рассмотрев акты, И.В. Курчатов в соответствии с личным распоряжением Л.П. Берия установил время проведения испытания — 29 августа 1949 года, 8.00 местного времени.

Началась 48-часовая готовность к первому ядерному взрыву, в ходе которой согласно принятому регламенту начались работы по окончательному монтажу боевого изделия в сборочной мастерской вблизи центральной башни. Отсчет времени начался ровно за двое суток до назначенного времени испытания — в 8 часов утра 27 августа.

Заряд из ВВ был доставлен из сборочного здания площадки «Н» накануне. 27 августа было произведено снаряжение боекомплекта пробок взрывателей капсулями-детонаторами. Снаряжение производил В.С. Комельков, а акт о проведении этой операции подписали К.И. Щелкин, В.И. Алферов, В.С. Комельков и С.Н. Матвеев.

К концу этого же дня В.И. Алферов и В.С. Комельков с группой инженеров и техников закончили монтаж и проверку системы подрыва электродетонаторов. Им оставалось подключить последнюю розетку под



Эд на съемном элементе заряда после установки плутониевого заряда и окончательной сборки изделия.

28 августа подрывники провели последний осмотр башни, подготовили к подрыву автоматику и проверили в последний раз кабельную линию. Г. Н. Флеров и Д. П. Ширшов с двумя помощниками смонтировали на башне аппаратуру для дистанционного контроля нейтронного фона изделия.

В 16 часов 28 августа к сборной мастерской были доставлены плутониевый заряд и четыре нейтронных инициатора. В мастерской был произведен выбор одного из них по паспортным данным, была собрана измерительная схема, позволявшая определить активность нейтронного инициатора, приготовленного для опыта. По результатам проведенных работ был составлен протокол, который подписали Ю. Б. Харитон, Н. Л. Духов, В. А. Давиденко, Ю. К. Пужляков и А. Г. Михаленко.

После этого детали плутониевого заряда были извлечены из контейнеров, тщательно осмотрены и про-

верены. По всем проверявшимся параметрам детали заряда соответствовали требованиям чертежей.

Отобранный нейтронный инициатор был установлен в «шар Духова», который в свою очередь был смонтирован в сборку, входящую в центральную часть изделия.

После измерения нейтронного потока собранный поршень был подготовлен к установке в центральную часть. Эти операции производились Н. А. Терлецким и Д. А. Фишманом. Протокол по результатам работ был подписан от руки Ю. Б. Харитоновым и подписан им, а также Н. Л. Духовым, Г. Н. Флеровым и В. А. Давиденко.

В ночь на 29 августа Ю. Б. Харитон и Н. Л. Духов с помощниками в присутствии И. В. Курчатова, А. П. Завенягина, А. С. Александрова и П. М. Зернова установили поршень в центральную часть.

Окончательный монтаж ядерного заряда был закончен при непосредственном участии А. Я. Мальского и В. И. Алферова к 3 часам ночи 29 августа.

К 4 часам утра после опечатавания системы автоматики и разъемов на линии подрыва к башне прибыли К. И. Щелкин и С. Н. Матвеев с боекомплектом электродетонаторов. С разрешения находившихся поблизости у башни Л. П. Берия и И. В. Курчатова на подъем изделия на башню К. И. Щелкин отдал распоряжение на вывоз РДС-1 из мастерской. Старший инженер Д. А. Фишман, ставший впоследствии первым заместителем главного конструктора ВНИИЭФ, с четырьмя сотрудниками КБ-11 выкатили изделие по рельсовому пути и установили его в клетки грузового подъемника.

Начальник полигонов КБ-11 Г. П. Ломинский, которому было поручено управление подъемником, тщательно проверил крепление изделия. К. И. Щелкин и С. Н. Матвеев с боекомплектом электродетонаторов поднялись на башню на пассажирском лифте. Вслед за ними туда поднялись А. П. Завенягин и А. С. Александров.

Получив разрешение, Г. П. Ломинский и техник А. А. Измайлов



▲ Негин с рабочей группой, Семипалатинск





▲ Ядерный взрыв

подняли грузовую кабину с изделием в сопровождении П. М. Зернова на отметку 30 м, где она и была закреплена. Сразу же была подключена аппаратура контроля нейтронного фона.

Все эти операции заняли час времени. В 5 часов 5 минут утра все, за исключением К. И. Щелкина, С. Н. Матвеева, Г. П. Ломинского, А. П. Завенягина, А. С. Александрова и П. М. Зернова, покинули башню. С опытного поля был эвакуирован весь личный состав, кроме офицерской охраны Министерства государственной безопасности.

Осмотр изделия на башне, снаряжение его электродетонаторами, подключение к схеме подрыва и повторный после этого осмотр заняли еще около часа. Все работы были завершены к 6 часам утра.

В ходе всех проводившихся на башне операций П. М. Зернов докладывал по телефону И. В. Курчатову, который находился на командном пункте в 10 км от центра опытного поля.

К моменту завершения заключительных операций произошло резкое ухудшение погоды. Низко над полем проносились рваные облака,

затянувшие всё небо. Начал накрапывать дождь. В связи с сильными порывами ветра и во избежание неприятностей при спуске на пассажирском лифте, надежно работавшем при скорости ветра 6 м/с, все находившиеся на башне спустились вниз по лестнице. Замыкающими были А. П. Завенягин и К. И. Щелкин, опломбировавший вход на башню.

После этого была снята охрана и произведена эвакуация людей с центра опытного поля. С последней машиной отсюда выехали А. П. Завенягин, К. И. Щелкин и С. Н. Матвеев.

На промежуточном пункте С. Н. Матвеев в присутствии А. П. Завенягина и К. И. Щелкина включил разъем, соединив тем самым аппаратуру на башне с системой контроля и управления, установленной на командном пункте.

Все работы на опытном поле, таким образом, были полностью завершены.

В 6 часов 18 минут подрывники прибыли на командный пункт и доложили Л. П. Берия и И. В. Курчатову о полной готовности изделия к подрыву, а начальник полигона генерал С. Г. Колесников — о готовности полигона.

Продолжавшееся резкое ухудшение погодных условий серьезно обеспокоило руководителей испытания. В отчете о результатах испытания К. И. Щелкин позже напишет, что после принятия докладов о полной готовности к опыту Л. П. Берия, М. Г. Первухин и И. В. Курчатов вышли из командного пункта на открытое место в надежде увидеть прояснение. Однако погода не предвещала ничего хорошего. Видимость упала, дождь стал более частым, ветер усилился до 12-15 м/с, не исключалась возможность грозовых явлений.

Во избежание неожиданностей, связанных с непогодой, И. В. Курчатов с согласия Л. П. Берии принимает решение о переносе времени взрыва с 8 на 7 часов утра 29 августа.

Коррективы, которые внесла природа в ход испытания, в целом никак не отразились на всей процедуре дальнейших работ. События разворачивались четко по регламенту.

За 25 минут до подрыва были сняты пломбы с операторской командного пункта и произведено подключение питания системы автоматики. За 12 минут до опыта был включен автомат опытного поля,



за 20 секунд — рубильник, соединяющий цепь изделия с системой автоматики управления. С этого момента все операции по подрыву осуществлялись автоматически. По своей конструкции система подрыва предусматривала автоматическую подачу в нужный момент (ровно в 7 часов утра) импульса для подрыва ядерного заряда, за 6 секунд до этого — импульса для включения блока синхронного зажигания, за 1 секунду — импульса для открывания затворов оптической аппаратуры, предназначенной для фотографирования ядерного взрыва.

Приостановить начавшийся процесс можно было только с помощью рубильника. Причин для этого не было...

С включением автомата подрыва начался отсчет времени. Считал А.Я Мальский. Ровно в 7.00 утра 29 августа 1949 года вся местность

пустынной казахской степи озарилась ослепительным светом.

Примерно через 30 секунд к командному пункту подошла ударная волна (напомним, что здание «12 П» находилось на возвышенности в 10 км от центра опытного поля). Она сопровождалась мощным грохотом, выбила стекла на командном пункте и оглушила некоторых из присутствовавших там. После прохождения ударной волны двери командного пункта были открыты, все находившиеся там вышли из помещения и стали наблюдать за явлениями, сопутствовавшими взрыву.

Громадный черный столб дыма и пыли поднялся из центральной части поля и вскоре ушел за облака. По земле протянулась огромная туча пыли. Сильный ветер гнал дымный и пыльный столб в северо-восточном направлении.

В момент взрыва на месте башни появилось светящееся полушарие,

размеры которого в 4-5 раз превышали размеры солнечного диска. Его яркость была в несколько раз больше солнечной.

После первой вспышки наблюдатели сняли очки и увидели большую огненную полусферу золотистого цвета, которая превратилась в огромное бушующее пламя, а затем сменилась быстро поднимавшимся столбом дыма и пыли.

Зарево и гул после взрыва РДС-1 отмечались не только в различных пунктах полигона, отстоящих от центра опытного поля на 30-70 км, но и по дороге в Семипалатинск на расстоянии 80 км от эпицентра взрыва.

Через 20 минут после взрыва к центру опытного поля были направлены два танка, оборудованные свинцовой защитой, для проведения радиационной разведки и осмотра местности.

На месте центральной башни зияла воронка диаметром 3 метра



▲ Лошади после взрыва





и глубиной около 1,5 метра, на дне которой находились остатки железобетонного фундамента башни. Почва оплавилась, и образовалась сплошная корка шлака. Мощность радиоактивного излучения превышала 50 000 мкР/с. Гражданские здания и сооружения, расположенные на расстоянии 50 метров от центра поля, были полностью разрушены, железнодорожный мост сорван с опор и отброшен в сторону. Не менее серьезные повреждения были нанесены и всем постройкам, находившимся на более дальнем расстоянии от башни.

Выявление состояния радиоактивности опытного поля позволило приступить к поэтапной эвакуации животных. Из 1 538 подопытных животных в результате взрыва погибло 368. Остальные были в тот же день, 29 августа, перевезены в виварий и клинику для дальнейшего наблюдения и изучения характера действия радиации на живой организм.

Подвиг разведчиков-дозиметристов, совершивших рейд в эпицентр ядерного взрыва 29 августа, был повторен 1 сентября П. М. Зерновым и К. И. Щелкиным, которые вместе с двумя фотографами полигона Поляковым и Приваловым и дозиметристом Дороховым побыва-

ли в центре опытного поля, чтобы лично убедиться в последствиях ядерного взрыва. Длительность их пребывания была небольшой — 15 минут, но наряду с другими данными их впечатления оказались существенными для дополнения картины.

В основном же картина взрыва и его последствий формировалась не столько наблюдениями очевидцев, сколько фиксированием соответствующих явлений с помощью фото- и киноаппаратуры, а также различных измерительных приборов. Достаточно сказать, что на полигоне было установлено 1 300 различных приборов для физических измерений и 9 700 индикаторов различного типа для исследования параметров проникающих излучений.

Эти индикаторы размещались на открытой поверхности, на небольшой глубине под землей, а также в фортификационных сооружениях и в образцах вооружения вместе с подопытными животными.

Мощность взрыва РДС-1, осуществленного 29 августа 1949 года, определялась тремя независимыми методиками. Ее значение хорошо согласовывалось с ожидавшимся расчетным значением.

Событие, происшедшее на Семипалатинском полигоне, известило мир о создании в СССР ядерного оружия, что положило конец американскому монополизму на владение новым для человечества оружием.

Первые серийные образцы ядерного оружия — изделия РДС-1 — были изготовлены на опытных заводах КБ-11 в 1950 году. На вооружение армии они не поступили, хранились в разобранном виде в спецхранилищах КБ-11.

По представлению Совета Министров СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1949 года за создание ядерной бомбы большая группа работников науки и промышленности была отмечена правительственными наградами.

Ведущим специалистам КБ-11 Ю. Б. Харитону, К. И. Щелкину, Н. Л. Духову, В. И. Алферову, Я. Б. Зельдовичу были присвоены звания Героя Социалистического Труда. 29 сотрудников первого ядерного центра были награждены высшей государственной наградой — орденом Ленина, 15 — орденом Трудового Красного Знамени, 28 — участникам работы над РДС-1 была присуждена Сталинская премия. ■



Н.Г. КУЗНЕЦОВ

НА СЕВЕРНЫХ МОРСКИХ ДОРОГАХ



▲ В ледовом плену

В 1942 году война в Заполярье стала позиционной. Однако оборону главной базы флота и Кольского залива Ставка Верховного Главнокомандования возложила на Северный флот.

В конце июля был создан Северный оборонительный район. Командующего районом генерал-лейтенанта береговой службы С. И. Кабанова сразу подчинили командующему флотом. Сделали это по предложению Наркомата ВМФ, которое не встретило возражений ни со стороны Генерального штаба, ни со стороны Верховного Главнокомандующего. Спорный прежде вопрос — кому подчинять командование обороной военноморских баз с суши и приморских

участков — прояснился сам собой в ходе войны. Ставка учла опыт Одессы, Севастополя, Ханко. Последующие события подтвердили правильность организации Северного оборонительного района и назначения Сергея Ивановича Кабанова. Он прекрасно справился с задачей. Создание Северного оборонительного района благоприятно сказалось на организации взаимодействия флота с войсками 14-й армии.

В условиях бездорожья Северной Норвегии боеспособность немецких войск в Заполярье полностью зависела от морских перевозок. Для фашистской Германии морские пути на Севере были важны еще и потому, что по ним возилось ценное стратегическое

сырье: никелевая руда из Петсамо, молибден, целлюлоза и железная руда из Киркенеса. Северный флот не только защищал свои морские коммуникации, но и стремился помешать врагу пользоваться путями вдоль берегов Норвегии. Уже с конца июля 1941 года противнику пришлось ввести конвоирование своих судов. Возле баз, портов и на подходах к фиордам гитлеровцы выставляли корабельные дозоры, усиливали противолодочную оборону.

Подводные лодки, сведенные в бригаду, которой командовал капитан 1 ранга Н. И. Виноградов, были в годы войны главной ударной силой Северного флота. Четыре дивизиона бригады возглавляли прославленные подводники капитаны 2





Кузнецов Николай Герасимович (1902-1974), советский военно-морской деятель, Адмирал Флота Советского Союза, Народный комиссар Военно-Морского Флота (1939-1946), Военно-морской министр (1951-1953). Герой Советского Союза (1945), выдающийся военачальник Великой Отечественной войны, родился 11 (24) июля 1902 года в крестьянской семье в деревне Медведки Велико-Устюгского уезда Вологодской губернии (ныне Котласский район Архангельской области). В 1919 году вступил в Северодвинскую флотилию. Участник Гражданской войны. В 1920 году направлен на учебу в подготовительную школу при Военно-Морском училище им. Фрунзе, закончил в 1926 это училище на отлично. Служил на Черноморском флоте. В 1932 году закончил Военно-морскую академию, командовал крейсером «Красный Кавказ», затем — крейсером «Червона Украина». С осени 1936 года военно-морской атташе и главный военно-морской советник в Испании, руководил советскими моряками — добровольцами в освободительной войне испанского народа. Летом 1937 года назначен первым заместителем командующего, затем командующим Тихоокеанским флотом. В 1939 году — нарком ВМФ СССР, главнокомандующий Военно-Морским Флотом. К началу войны Кузнецов внес существенный вклад в усиление боевой мощи, в повышение боеготовности сил и средств ВМФ.

В ночь на 22 июня 1941 года все флоты привел в полную боевую готовность, что позволило избежать потерь кораблей и морской авиации. Во время Великой Отечественной войны Кузнецов член Ставки Верховного Главнокомандования, постоянно выезжал на военно-морские базы и фронты. Красный флот предотвратил вторжение немцев на Кавказ с моря. Адмирал Кузнецов уверенно руководил боевыми действиями Красного Флота, умело осуществлял взаимодействие флотов с сухопутными войсками, направляя их усилия на обеспечение приморских флангов Красной Армии, активное нарушение морских перевозок противника, защиту своих морских и океанских сообщений. Участвовал в Ялтинской и Потсдамской конференциях глав правительств трех союзных держав в 1945 году. После войны Кузнецов занимался возрождением и строительством современного Военно-Морского флота, установлением его места в системе Вооруженных Сил страны. Под его непосредственным руководством была разработана десятилетняя программа судостроения, в которой намечалось строительство современных боевых кораблей, включая авианосцы, Кузнецов уделял большое внимание технологическому перевооружению флота. Вклад адмирала Кузнецова в строительство, развитие и укрепление советского ВМФ, в подготовку и воспитание военно-морских кадров неocenim. Однако жизнь адмирала Кузнецова сложилась весьма драматически. Два раза он попадал в опалу, лишился высшего военно-морского звания — Адмирал Флота Советского Союза. Человек прямой, решительный, бесхитростный, имевший всегда свое мнение, в 51 год — в расцвете физических и моральных сил оказался в отставке «без права работать во флоте». После отстранения Жукова в 1957 и Хрущева в 1964 годах, группа ветеранов ВМФ неоднократно ходатайствовала перед правительством, чтобы Кузнецов был восстановлен в звании и утвержден в группу Генеральных инспекторов Министерства обороны. Все инициативы наталкивались на жесткое противодействие главкома ВМФ, преемника Н. Г. Кузнецова, Горшкова. Лишь после смерти последнего, Кузнецов в 1988 году был посмертно восстановлен в звании Адмирала Флота Советского Союза. До этого 14 лет по воле его родственников на его могиле на Новодевичьем кладбище не значилось никакого воинского звания. Выдающийся советский адмирал был награжден 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Ушакова 1 степени, орденами Красной Звезды, «Знак Почета», боевыми медалями, иностранными орденами и медалями. Н. Г. Кузнецов — автор пяти книг военных мемуаров — обширного историко-литературного наследия. Его именем назван тяжелый авианесущий крейсер, Военно-морская академия и военно-морские училища, подводный остров в Тихом океане, пролив между островами Беринга и Медным. Кузнецову воздвигнуты памятники в Севастополе, Владивостоке, Архангельске, Вологде, его именем названы улицы во многих городах России. Министерством обороны РФ учреждена медаль «Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов».





▲ Щ 403, 1942, Полярный

ранга М. И. Гаджиев и И. А. Колышкин, капитаны 3 ранга Н. И. Морозов и М. Ф. Хомяков. В строю постоянно находилось около 20 подводных лодок: переведенные с Балтики и получаемые от судостроителей лодки с трудом возмещали потери. К концу 1942 года число подводных лодок на Севере у нас и у противника было примерно равным.

Командование флота стремилось охватить действиями подводных лодок возможно большую часть пути вражеских конвоев вдоль северного побережья Норвегии. Это вынуждало противника расплывать противолодочные силы. А наши подводные лодки начали сами искать противника в глубине фиордов и в бухтах. Так, уже на второй день войны подводная лодка «Щ-401» под командованием старшего лейтенанта А. Е. Моисеева (на ее борту был и командир дивизиона И. А. Колышкин) вошла на рейд Варде и торпедировала транспорт, стоявший у пирса. Другая лодка — «Щ-402», которой командовал старший

лейтенант Н. Г. Столбов, 14 июля 1941 года проникла на рейд Хоннингсвог и атаковала стоявший на якоре транспорт. Таким образом, североморцы в самом начале войны перешли от позиционного метода использования подводных лодок к позиционно-маневренному крейсерству в ограниченных районах. Подводные лодки Северного флота в 1941–1942 годах потопили 77 транспортных судов и 27 военных кораблей, т. е. свыше 60 процентов тоннажа, потерянного противником на Северном морском театре за это время.

Западный историк Ю. Майстер, пытаясь преуменьшить эти потери, утверждает, что потоплено было только 29 немецких судов и повреждено 3. Достаточно воспользоваться фактическими данными о действиях подводников Старикова и Лунина, каждый из которых потопил соответственно 14 и 13 транспортов, чтобы опровергнуть тенденциозно подобранные данные Ю. Майстера.

В апреле 1942 года подводным лодкам «Д-3», «К-22», «М-171», «М-174» первым в Военно-Морском Флоте СССР было присвоено звание гвардейских. Североморцы И. А. Колышкин, Н. А. Лунин, В. Г. Стариков, И. И. Фисанович первыми из советских подводников получили высокое звание Героя Советского Союза.

Чуть забегаю вперед, хочу сказать несколько слов о судьбе И. И. Фисановича. В 1944 году на Северный флот — в счет трофейного итальянского флота — союзники передали линкор, крейсер, 8 миноносцев и 4 подлодки. Наши команды были направлены в Англию. Им предстояло принять трофейные корабли, быстро освоить их технику и привести в Мурманск. И. И. Фисановича назначили командовать одной из подводных лодок. На пути в Мурманск, неподалеку от мыса Нордкап, эта лодка погибла. Все наши попытки выяснить причину разыгравшейся трагедии оказались безуспешными...

Немецкое командование, первоначально недооценивавшее





▲ М.И. Гаджиев

силы Северного флота, с декабря 1941 года было вынуждено срочно начать постановку минных заграждений, чтобы защитить со стороны моря свои коммуникации и преградить путь нашим подводным лодкам в глубоководные фиорды. По трассе движения конвоев противник оборудовал на берегу сигнально-наблюдательные посты и установил батареи. В состав охранения конво-



▲ Н.А. Лунин

ев немецкое командование включило миноносцы и авиацию.

В 1941 году Северный флот не потерял ни одной лодки на вражеских коммуникациях, но в 1942 году, когда немцы усилили противолодочную защиту, погибло несколько наших подводных лодок.

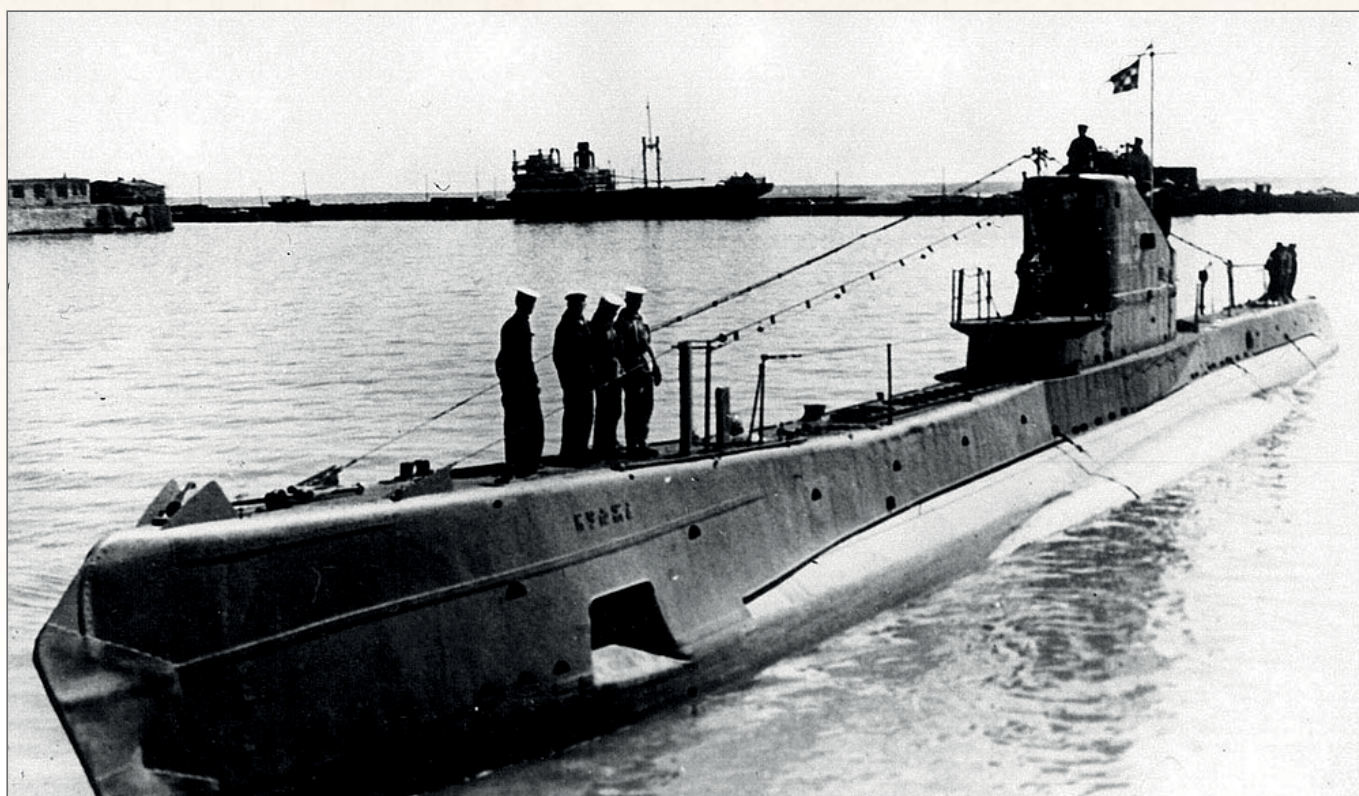
Подводники Северного флота, атакуя транспорты и боевые корабли гитлеровцев, применяли

не только торпедное и артиллерийское оружие, но и мины. Первую минную постановку на Севере произвела подводная лодка «К-2» под командованием капитана 3 ранга В. П. Уткина в сентябре 1941 года. На минах, поставленных нашими лодками, фашисты потеряли 9 транспортов, эскадренный миноносец и несколько других кораблей.]

Наряду с подводными лодками и авиацией на морских путях противника действовали наши надводные корабли, в основном эсминцы и торпедные катера.

По вражеским кораблям и судам, шедшим в Линахамари и Петсамо, по батареям, оборонявшим эти порты, успешно вела огонь с полуострова Средний наша береговая артиллерия.

Действия североморцев срывали планомерное снабжение немецко-фашистских войск в Заполярье, отвлекали значительные силы, которые фашисты уже не могли использовать на других направлениях. Успешные боевые действия североморцев были одной из главных причин провала вражеского наступления в Заполярье. «Правофланго-





▲ Командир подводной лодки К-3 капитан-лейтенант К.И. Малафеев у перископа

скому и Черному морям — были блокированы противником. Пришлось использовать менее удобные пути — северный, тихоокеанский и иранский.

Тихоокеанские коммуникации, по которым шло около половины грузов, предназначенных для СССР, проходили от портов западного побережья США до Владивостока, Николаевска-на-Амуре и Петропавловска-Камчатского. Переход судов занимал в среднем 18–20 суток. К этому следует добавить время, требовавшееся для перевозки грузов по железной дороге на американской и советской территории. Когда началась война между Японией и США, морские перевозки могли осуществлять только советские транспорты. Несмотря на строгое соблюдение Советским Союзом нейтралитета, японцы всячески препятствовали судоходству на Тихом океане, а порой даже топили наши суда.

Еще более долгим и трудным был путь через Персидский залив в Иран. Переход конвоя от Нью-Йорка до берегов Ирана вокруг мыса Доброй Надежды занимал до 75 дней. Ограниченные возможности иранских портов и сухопутных дорог удлинляли сроки доставки грузов. Только после капитуляции

вой» огромного фронта сражался стойко.

Вспоминая борьбу с врагом на Крайнем Севере, где моряки вместе с частями 14-й армии дрались за устойчивость фланга наших войск, невольно хочется провести аналогию с действиями Черноморского флота. Несравнимая по масштабам борьба на Севере и на юге все же имеет много общего. Там и тут гитлеровцы стремились продвинуться своими флангами в глубь нашей территории. Там и тут фашисты были остановлены, планы их сорваны, и в сражениях на флангах были задействованы их крупные силы.

Северные воды, по которым шли конвои, играли в тот период огромную роль. На Черном море мы имели крупный флот, а немецкое командование было лишено возможности послать туда крупные корабли. Противнику не оставалось ничего иного, как атаковать наши военно-морские базы с суши. В Баренцевом море обстановка сложилась иначе. Мы имели относительно слабый по составу Северный флот. Немцы же легко могли перебросить туда свои соединения флота в дни решительной борьбы за Мурманск. Однако этого не случилось, и 14-й

армии с помощью Северного флота удалось остановить противника.

Первые внешние конвои начали приходить после того, как на Московской конференции трех держав — СССР, Англии и США — 29 сентября — 1 октября 1941 года было подписано соглашение о взаимных поставках.

Сложной проблемой был тогда выбор путей для перевозки грузов. Самые короткие пути — по Балтий-



▲ Пикирующий бомбардировщик Пе-2 ВВС Северного флота на аэродроме





▲ Советский катер сбрасывает глубинные бомбы на подводную лодку противника

Италии и восстановления свободного судоходства по Средиземному морю в 1943 году этот путь значительно сократился.

Путь из Англии в США через Северную Атлантику и Баренцево море в Мурманск и Архангельск был наиболее коротким. 1800–2000 миль конвои проходили за 10–14 суток. К тому же порты на Севере были ближе других к фронту и промышленным районам, куда направлялись прибывшие грузы. Незамёрзший Мурманский порт круглый год мог принимать суда.

Этот путь проходил в зоне активных действий немецких морских

и воздушных сил. С баз в Северной Норвегии они могли вести разведку и нападать на конвои. Большая протяженность маршрута, а в летнее время долгий полярный день помогали врагу.

Когда в октябре 1941 года я прилетел в Москву из Куйбышева, меня вызвали в Кремль, к И. В. Сталину.

Это посещение кабинета Сталина почему-то особенно хорошо сохранилось в памяти. Тревожные дни, которые переживала столица, наложили свой отпечаток и на обстановку в Кремле, но в облике самого И. В. Сталина ничто не изменилось. Одетый по-прежнему в серый

френч с отложным воротником, он ходил вдоль длинного стола, временами ломая папиросы «Герцеговина флор» и набивая их табаком трубку.

– Вам нужно срочно отправиться на Северный флот, — начал Сталин и пояснил, что он не уверен, все ли там подготовлено для встречи конвоев союзников.

На следующий день я выехал в Архангельск. Туда уже шли первые транспорты с грузами из США и Англии. С командующим флотом А. Г. Головки мы уточнили, какие выделить силы в помощь английским кораблям сопровождения, определили и порядок взаимодействия с англичанами.

Обеспечить охрану конвоев Северному флоту было нелегко. Но в октябре 1941 года основные морские силы немцев находились еще на Западе. В темные осенние ночи конвои шли без особых помех и быстро разгружались в Архангельске или Мурманске.

В первых числах ноября на Северной Двине появился первый лед — предвестник суровой полярной зимы. В те дни мы обсуждали, как долго смогут транспорты проходить до Бакарицы, что немного выше Архангельска, или до Северодвинска, когда и в какое время до начала ледостава можно использовать аванпорт Экономия. Мне вспомнились далекие годы первой мировой войны. Тогда, в летние месяцы, иностранные суда теснились на Двине, ожидая разгрузки. Зимой они добирались только до устья реки. Там, на Экономии, грузы перегружали в вагоны и доставляли на станцию Бакарица. Для этого через реку по льду проложили временку и вагоны вручную перекатывали с одного берега на другой. Мы, подростки, с интересом смотрели, как весной по слабющему посиневшему льду катились, покачиваясь, вагоны. Казалось, они в любую минуту готовы были свалиться в воду.

Когда вскоре после нападения фашистской Германии на СССР встал вопрос об открытии второго фронта, Сталин в послании Черчил-



лю 18 июля писал, что «положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере... Легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии». Речь шла, собственно говоря, о высадке в Северной Норвегии лишь небольших сил англичан (одной легкой дивизии) или, скорее, норвежских добровольцев «для повстанческих действий против немцев». Это можно было только условно, с большой натяжкой назвать вторым фронтом. Однако Черчилль отклонил даже такой вариант «второго фронта», сославшись на трудности и недостаток сил.

Как известно, после первых предложений об открытии второго фронта или хотя бы кратковременной реальной помощи на Севере, где это было, бесспорно, возможно, вопрос этот не сходил с повестки дня вплоть до июня 1944 года, когда войска союзников начали высадку в Нормандии.

Британское правительство всячески доказывало, что произвести высадку десанта прямо во Франции

невозможно и непосильно. 13 сентября 1941 года Сталин предложил, чтобы Англия высадила 25–30 дивизий в Архангельске или перевезла их через Иран в южные районы СССР. Однако Черчилль не захотел посылать в бой свои войска и предложил в качестве помощи заменить наши части в Иране или послать английские войска на Кавказ «для охраны нефтяных районов!» Суть этого неслыханного предложения сразу прояснила истинные причины, по которым Англия всячески тянула с открытием второго фронта не только в 1941–1942 годах, но и в течение всего 1943 года.

Наиболее острая полемика разгорелась в 1942 году. Обмен мнениями на сей счет состоялся в августе 1942 года, в период пребывания У. Черчилля в Москве. Несмотря на положительное предрешение этого вопроса еще в июне 1942 года, когда В. М. Молотов летал в Лондон, в Москве английский премьер-министр заявил о невозможности такой операции в ближайшем будущем. Между тем необходимость открытия второго фронта, пожалуй, никогда не чувствовалась так остро, как именно в то незабываемо трудное лето 1942 года.

Союзники уклонились от организации второго фронта в 1942 году,

когда этого не только настоятельно требовала обстановка, но сам вопрос был уже фактически согласован. Этот факт остается неоспоримым.

Мне хочется коротко высказать свое мнение относительно того, была ли реальной высадка десанта во Франции в 1942 году.

Теперь уже известно, что решающую роль в затяжке с открытием второго фронта сыграли чисто политические соображения. Формула «не вмешиваться в борьбу немцев и русских, пока нет крайней необходимости» сработала безотказно. Мне, как военному моряку, хочется коснуться только военной стороны этого дела.

В 1942 году большая часть немецких войск была задействована на Восточном фронте. Гитлеровцы несли большие потери, и немецкое командование не имело возможности держать достаточное число дивизий во Франции. Этот факт, являвшийся основой для решения вопроса о втором фронте в 1942 году, был хорошо известен Черчиллю и Рузвельту.

Опасность высадки союзных войск во Франции сознавали и фашистские генералы. Когда в марте 1942 года англичане совершили рейд в Сен-Назер, Гитлер немедленно созвал совещание. Все немецкие генералы единодушно указали на необходимость усилить побережье войсками. Учитывая недостаток сухопутных войск, гитлеровское командование решило компенсировать его за счет авиации, флота и строительства мощных береговых укреплений.

Нечто подобное произошло и после высадки десанта в Дьепп в августе 1942 года. В то время немцы еще больше опасались возможности высадки, а англичане, высаживая в Дьепп канадскую дивизию, вовсе не думали о скором открытии второго фронта. Это была скорее политическая и дипломатическая акция, чем военная операция с далеко идущими целями.

Эти факты подтверждают, что в 1942 году, когда наше правитель-



▲ Народный комиссар ВМФ СССР адмирал Н.Г. Кузнецов (второй справа) беседует с командиром подводной лодки





▲ В. Н. Леонов



▲ П. Д. Грищенко



▲ В. К. Коновалов

ство настаивало на открытии второго фронта, для этого имелись реальные возможности и с военной, и с морской точек зрения. Однако союзники предпочли приложить свои усилия в Африке, оставив Советский Союз один на один в борьбе с фашизмом.

Сейчас появилось достаточно документов и мемуаров, где с полной откровенностью рассказывается об истинных побуждениях руководителей Англии и США не спешить с открытием второго фронта, пока не определится решительный перелом в ту или иную сторону. Опасность и степень угрозы непосредственно для Британских островов, а значит, и для США, являлись для руководителей США и Англии главным критерием необходимости открытия второго фронта, связанного с риском и потерями. Их высказывания в то время теперь хорошо известны всему миру.

К тому же, когда на Западе думали о втором фронте, обязательно принимали в расчет и положение на Дальнем Востоке. Кое-кто в США все еще надеялся, что Япония выступит наконец против Советского Союза. Случись это, Америке удалось бы отвести удар от своих вла-

дений на Тихом океане в нашу сторону.

Открытие второго фронта было связано прежде всего с перевозкой войск морем, и успех или неудачи на этом самом первом этапе предопределяли развитие всей операции в дальнейшем.

В 1942 году мы не занимались подробными расчетами и анализом возможности проведения десантной операции. Нам в то время не были известны многие данные, но Главный морской штаб, разумеется, хорошо знал состав флотов союзников и Германии, приблизительное соотношение в самолетах и сухопутных частях и поэтому мог делать свои предположения на случай доклада в Ставке. Помнится, мы, моряки, считали слабым местом у союзников их сухопутные части, но признавали вполне возможной высадку десанта во Франции с точки зрения его перехода морем и наличия необходимых транспортных и десантных средств.

Среди различных причин, в силу которых правительство Англии не торопилось с открытием второго фронта, не последнюю роль играло мнение некоторых влиятельных английских военных, которые считали,

что «Россия вскоре потерпит поражение». Недаром же главной задачей английской военной миссии во главе с Макфарланом, прибывшей в Москву через неделю после начала войны, было отнюдь не решение вопроса о срочной помощи союзнику. Влиятельные английские круги интересовало совсем другое: выяснить положение на советско-германском фронте, прозондировать, сколько продержатся русские.

Однако мы резонно считали, что Англия, располагавшая сильным флотом, сможет оказать давление на фашистскую Германию на Севере. Возможным районом для такого воздействия на немецкие войска мог стать Варангер-фиорд, через который шли морские пути в Киркенес и Петсамо. Именно этот район наш Главный морской штаб считал наиболее уязвимым.

Помнится, после обмена посланиями глав правительств СССР и Великобритании я попытался выяснить у контр-адмирала Майлса, что практически намерено делать в этом направлении британское адмиралтейство. Из его осторожных высказываний я понял, что серьезных действий со стороны английского флота ждать нельзя. Реаль-



ная помощь пока ограничивалась посылкой в Архангельск нескольких тральщиков. Вооруженные магнитными тралами, они должны были помочь обеспечить движение конвоев. Кроме того, английская авиация 30 июля со своих авианосцев нанесла удар по Киркенесу и Петсамо, а в начале августа в Кольский залив прибыли две подводные лодки — «Тайгрис» и «Трайидент». Прямо скажем, довольно ограниченную помощь оказал флот «владычицы морей» своему боевому союзнику!

Успешнее проходили переговоры о конвоях с военными материалами. В конце декабря 1941 года ко мне заехал посол Советского Союза в Англии И. М. Майский. Это была наша первая встреча.

Он прибыл на крейсере «Кент» вместе с министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом. Не без риска быть потопленными подводными лодками противника добрались они морем до Мурманска, а оттуда поездом до Москвы. И. М. Майский и А. Иден успели съездить на фронт в район Можайска. Было это сразу же после первых серьезных успехов контрна-

ступления советских войск под Москвой. Осматривая трофеи, английский министр мог лично убедиться, сколь призрачен миф о непобедимости немецкой армии.

Иван Михайлович интересно и красочно (а он умел это делать) рассказал мне о своем путешествии в каюте «Кента». Стук машин и грохот волн не давали ему покоя. Не давали покоя, очевидно, и мысли о немецких подводных лодках. История знает печальные случаи. Во время первой мировой войны военный министр Англии лорд Китченер тоже отправился в Россию на крейсере «Гемпшир» и погиб вместе со всем экипажем корабля. Оставалось только гадать о причинах гибели: торпеда это или мина. Лишь позднее было установлено, что «Гемпшир» был потоплен торпедой с немецкой подлодки.

С прибытием Идена советская сторона вновь подняла вопрос об открытии второго фронта. Руководители нашего правительства доказывали британскому министру, что после вступления США в войну союзники имеют реальную возможность открыть второй фронт. Одна-

ко Иден, выполняя наказ Черчилля, твердил одно: Англия и США не готовы к такой акции, у них еще нет для этого сил.

На том же крейсере «Кент» вместе с Иденом из Мурманска в Англию отправилась наша профсоюзная делегация во главе с Н. М. Шверником. В составе делегации была и известная общественная деятельница К. И. Николаева.

Значительно позже Майский рассказал мне о неожиданных трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться на этом крейсере. Трудности эти были связаны с предрасудками, которые и поныне живучи среди английских моряков. Так, английский командир не выведет свой корабль в море в понедельник, если в этом не будет крайней необходимости. Командир «Кента» не хотел брать на корабль нашу делегацию, во-первых, потому, что в ней было 13 человек, а во-вторых, из-за того, что в ее составе была женщина. Цифра «тринадцать» у англичан издавна считается роковой, и не только в море, но и на суше. В Англии не любят домов с тринадцатым номером. А если на боевом корабле





появляется женщина, ее считают предвестником несчастья.

Опытный и находчивый дипломат, Майский быстро вышел из положения. Он попросил включить его в состав делегации, и пассажиров стало четырнадцать. А о Николаевой сказал, что она борется за общие интересы Советского Союза и Англии, поэтому для нее должно быть сделано исключение. На том и порешили.

На обратном пути из Англии в СССР нашу делегацию взяли на борт крейсера «Адвенчер» с наименьшим трудом: к тринадцати ее членам пришлось срочно присоединить одного журналиста.

И все же крейсер не миновал беды: он столкнулся в море с танкером и, получив повреждение, вынужден был вернуться в свою базу. Англичане, конечно, не замедлили объяснить случившееся тем, что на корабле была женщина. Так Клавдия Ивановна Николаева стала «виновницей» ущерба, понесенного британским флотом.

Позволю себе небольшое отступление. На протяжении всей войны обеспечение внешних перевозок было делом не только военных моряков и моряков торгового флота, но и дипломатов.

Где-то в середине мая 1942 года, позвонив предварительно по теле-

фону, ко мне заехал К. А. Уманский. Он тогда работал в НКВД, и его интересовали вопросы наших взаимоотношений с США, касавшиеся морских перевозок и поставок военных грузов Советскому Союзу. Военно-морским атташе в США к началу войны был капитан 1 ранга И. А. Егорычев. Но по мере развития деловых отношений, связанных с поставками по ленд-лизу, многие вопросы приходилось решать с работниками НКВД.

Константина Александровича Уманского я знал и до этого. Помнится, приехав в Москву, он, являясь советским послом в США, был заинтересован в решении с Наркоматом Военно-Морского Флота щекотливого вопроса о беспрепятственном проходе американских торговых судов в Хельсинки во время советско-финляндской войны в 1939–1940 годах. Мы несколько раз встречались с ним и вели телефонные разговоры. Примерно в то же время (кажется, в январе 1940 г.) по указанию В. М. Молотова я принимал американского посла Штсйнгарта в сопровождении К. А. Уманского. Мне, как наркому ВМФ, правительство поручило обеспечить безопасность плавания американских транспортов в Финском заливе, что и было осуществлено.

Константин Александрович Уманский был талантливым дипломатом, немало сделавшим для нашей победы.

В июне 1943 года К. А. Уманского назначили послом в Мексику. Перед отъездом он зашел ко мне. Мы обменялись последней информацией и договорились в случае необходимости оказывать содействие друг другу. Тепло расстались. Я по-испански попрощался с ним, ведь он ехал в «старую Испанию». Чуть ли не на следующий день в семье Уманских произошла трагедия: погибла единственная дочь Нина. Константина Александровича я больше не встречал. Только в кругу общих знакомых мы не раз говорили о несчастье, постигшем эту прекрасную семью. В январе 1945 года пришла весть о гибели самого К. А. Уманского в авиационной катастрофе в Мехико. Назначенный по совместительству послом в Коста-Рику, он летел туда для вручения верительных грамот. Вместе с Константином Александровичем погибла и его жена. Так за короткое время при трагических обстоятельствах погибла вся семья Уманских. В знак доброй памяти о К. А. Уманском я и написал эти строки...

Из американских дипломатов, с которыми приходилось согласовывать вопросы перевозок, мне запомнился адмирал Вильям Стэндли, прибывший в Москву в апреле 1942 года.

Адмирал Стэндли, по его словам, хотел встретиться со мной как моряк с моряком, но главным поводом для встречи были вопросы, связанные с увеличением морских перевозок между США и Советским Союзом. Необходимость согласования этих вопросов и привела посла США в мой кабинет. Это был человек среднего роста, с совсем седой шевелюрой. Обветренное красное лицо и военная выправка сразу выдавали в нем моряка.

Посла сопровождал переводчик, а моим переводчиком был один из работников отдела внешних сношений. Выразив удовлетворение тем, что оба мы моряки, я из вежливости спросил Стэндли, бывал ли он раньше в Советском Союзе. Стэндли оживился и начал рассказывать, как в моло-



дости служил на одном из крейсеров американских военно-морских сил, который в составе соединения посетил Владивосток в 1896 году, когда в России происходила коронация Николая II. Желая перейти к деловой части разговора, я спросил, чем могу быть полезен.

Как выяснилось, Стэндли собирался посетить Архангельск, куда направлялись конвои, и просил меня оказать содействие американским представителям. Поскольку к этому времени английский адмирал Дж. Майлс уже имел своих представителей в Архангельске и Мурманске, для меня не составляло труда посодействовать Стэндли.

В те дни США вели войну на Тихом океане. Разгром американского линейного флота в Перл-Харборе 7 декабря 1941 года, а затем быстрое продвижение японцев в южные моря и захват ими Филиппин, Индонезии, Сингапура вызвали смятение в Вашингтоне, особенно в военно-морских кругах США. Япония захватила богатые сырьем районы и готовилась устремиться на восток, создавая угрозу для самой Америки. Это было небезразлично и для нас: война превратилась в мировую, а США стали нашим союзником.

— Как будут, по-вашему, господин адмирал, развиваться события на Тихом океане? — спросил я Стэндли, оговорившись, что задаю этот вопрос только как моряк моряку.

— Основные силы американского флота еще не пришли в соприкосновение с японским флотом, — сказал Стэндли и тут же заявил, что полон уверенности в окончательной победе Соединенных Штатов и их союзников.

Отметив успехи американских подводных лодок, адмирал откровенно признал и неудачи своих соотечественников. В ходе атак, по его словам, было немало случаев отказа торпед и их ударных приспособлений. Многие торпеды не взрывались, попав в японские корабли. Подобное явление было знакомо мне по довоенным опытам, проводившимся в нашем флоте. К счастью, мы успели устранить этот недостаток к началу войны.

Стэндли недолго был послом в СССР. По каким-то соображениям его довольно быстро отозвали на родину, и мы больше не встречались. Правда, о Стэндли неожиданно напомнил мне на Крымской конференции главнокомандующий ВМС США Э. Кинг. Крепко засели в моей памяти его слова об адмирале Стэндли: «Из военных редко получают хорошие послы».

Но вернемся на Север...

Пунктами, где в 1941–1943 годах формировались конвои, являлись порты Лох-Ю и Скапа-Флоу в Англии и Рейкьявик в Исландии.

Вначале в конвоях было всего по 6–10 транспортов. С марта 1942 года их стало больше — до 25, а в некоторых до 30–40.

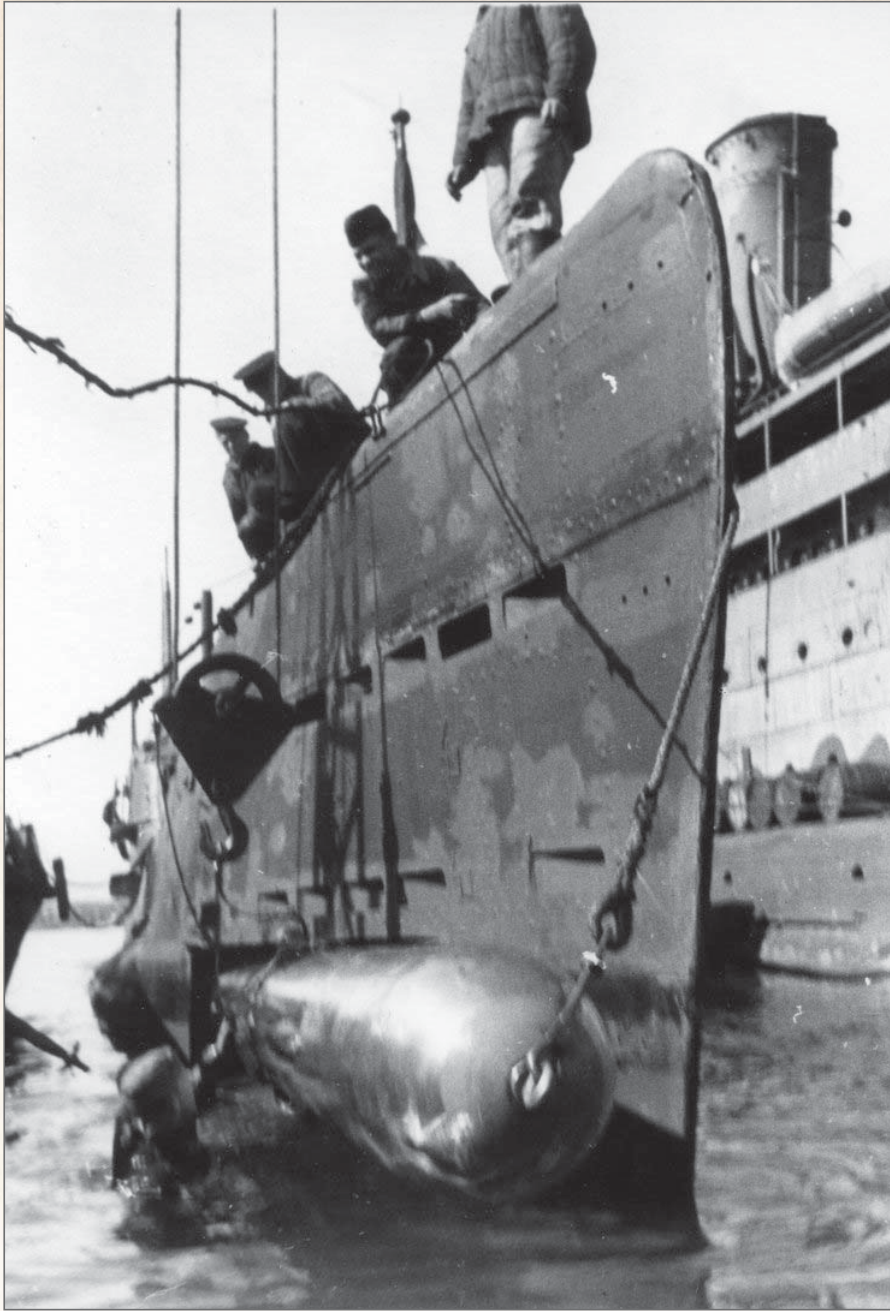
Маршрут конвоев проходил из Англии или Исландии через

острова Ян-Майен и Медвежий — в Мурманск и Архангельск.

Оборона транспортов от подводных лодок была круговой. В состав конвоев включались эскадренные миноносцы, корветы, фрегаты, тральщики и охотники за подводными лодками. У каждого корабля было определенное место в общем походном порядке (порядке) конвоя. Но, обнаружив вражеские подводные лодки, корабли охранения покидали строй и начинали преследование, нередко отрываясь далеко от конвоя.

От нападения надводных кораблей противника конвой защищали силы прикрытия. Их иногда делили на два отряда: крейсерский (ближнее прикрытие) и отряд дальнего оперативного прикрытия, в котором были крейсера, линейные корабли, а порой и авианосцы. Отряд опера-





тивного прикрытия чаще всего шел параллельно конвою, ближе к норвежскому побережью, или располагался на дальних подходах к вражеским базам, готовый встретить крупные корабли противника.

Осенью 1941 года была установлена разграничительная линия между зонами действия английского и нашего флотов по обеспечению перехода конвоев. Сначала она проходила по меридиану 18°, а затем — по меридиану 20°.

Британская военно-морская миссия в СССР имела свои отделения

в Полярном и Архангельске. Конкретные вопросы, касавшиеся конвоев, решали командование Северного флота и представители этой миссии на месте.

В Полярном и Архангельске английская миссия имела радиостанции для связи со своим адмиралтейством, базой в Исландии, кораблями и конвоями в море. Перед выходом конвоя из Англии миссия сообщала командованию Северного флота состав конвоя, дату и время выхода, маршрут движения и другие сведения. В свою очередь, наше коман-

дование информировало миссию о мерах, принятых для обеспечения охраны и встречи конвоя.

Придавая особое значение союзным поставкам, Ставка Верховного Главнокомандования постоянно заботилась о надежной защите конвоев. Но не всегда все проходило гладко.

Пока стояла полярная ночь первой военной зимы, конвой не нес значительных потерь. Но вот наступила весна. Дни становились длиннее. Да и фашистское командование, оценив значение внешних коммуникаций Советского Союза, стало посылать на них крупные силы флота и авиации. Потери транспортов, шедших к нам, возросли, хотя и не превышали 10 процентов всех судов, входивших в состав конвоев.

Под давлением адмиралтейства, опасаясь дальнейших потерь, Черчилль пытался прекратить отправку конвоев до наступления полярной ночи. Эти попытки, естественно, вызвали серьезные возражения с советской стороны. Мне не раз приходилось говорить об этом в Ставке и на основании полученных указаний готовить проекты телеграмм нашему представителю в Англии или непосредственно Черчиллю. Они обычно содержали настоятельные просьбы продолжать отправку грузов северным путем. И все же каждый год с наступлением полярного дня британское адмиралтейство почти прекращало отправку конвоев в СССР.

Нет слов, потери транспортов летом, когда на Севере круглые сутки светло, значительно возрастали. Но в большой степени это зависело не только от времени года, но и от английских адмиралов, которые командовали силами, охранявшими конвои. Здесь уместно рассказать о трагической судьбе конвоя «PQ-17», состоявшего из 34 транспортов. Конвой вышел из Исландии 27 июня 1942 года. От подводных лодок и авиации его охраняли 6 эсминцев, 2 корабля ПВО, 4 корвета, 2 подводные лодки и 7 тральщиков; от надводных кораблей прикрывали 2 английских и 2 американских крейсера и 3 эсминца под командовани-



ем адмирала Гамильтона, которому подчинялись и корабли непосредственного охранения. Наши подводные лодки находились на вероятном пути немецкого линкора «Тирпиц», который, как это бывало прежде, мог выйти вместе с другими кораблями для удара по конвою. Советские эсминцы готовились встретить конвой на подходе к Мурманску.

Английское адмиралтейство дополнительно сосредоточило западнее конвоя для его прикрытия линкор «Дьюк ов Йорк» и американский линкор «Вашингтон», авианосец «Викториес», 2 крейсера и 14 эминцев. При таком преимуществе в силах можно было не особенно опасаться линкора, если бы тот появился. Однако начальник английского морского штаба адмирал Дадли Паунд, узнав, что «Тирпиц» вышел в море, приказал всем силам прикрытия отойти на запад.

Адмирал Гамильтон, получив этот странный приказ, «перевыполнил» его. Он распорядился отойти и тем боевым кораблям, которые непосредственно охраняли конвой.

Транспорты остались совершенно беззащитными. Скорость у них была мизерная: 8–10 узлов. Лучшей добычи для немецких подводных лодок и авиации быть не могло. Они и воспользовались этим.

Капитаны транспортов позднее рассказывали, в каком плачевном состоянии оказались их нагруженные до предела суда, имевшие малый ход. Подводные лодки противника без помехи могли атаковать их, а поврежденные расстреливать, как на полигоне, из пушек, не тратя дорогих торпед.

Из 34 транспортных и 2 спасательных судов конвоя погибло 24. Командование Северного флота приняло энергичные меры для поиска и спасения уцелевших транспортов, выслал для этого корабли и самолеты. Обнаруженные в самых различных пунктах, вплоть до Новой Земли, уцелевшие транспорты под охраной наших кораблей пришли в Архангельск.

Фашистские корабли, посланные на перехват конвоя, 5 июля обнаружил подводная лодка «К-21» под

командованием Героя Советского Союза капитана 2 ранга Н. А. Лунина. Лунин вышел в атаку, выпустив по «Тирпицу» четыре торпеды. Гитлеровское командование, обеспокоенное тем, что соединение их кораблей обнаружено английскими самолетами и подлодкой, через несколько часов приказало своим кораблям повернуть на обратный курс.

Таким образом, хотя противники и были на довольно близком друг от друга расстоянии, решительное сражение не состоялось.

Участь конвоя «PQ-17» широко обсуждалась в зарубежной печати. Английские авторы всячески пытались оправдать действия британского адмиралтейства. Но вот в 1968 году вышел объемный труд Д. Ирвинга «Разгром конвоя „PQ-17“». Автор со знанием дела описывает события.

Несмотря на некоторую субъективность оценок, эта книга отличается тем, что использует многие архивные документы, рассекреченные лишь в последнее время.

Ирвинг приводит любопытную деталь: адмирал Гамильтон, инструк-

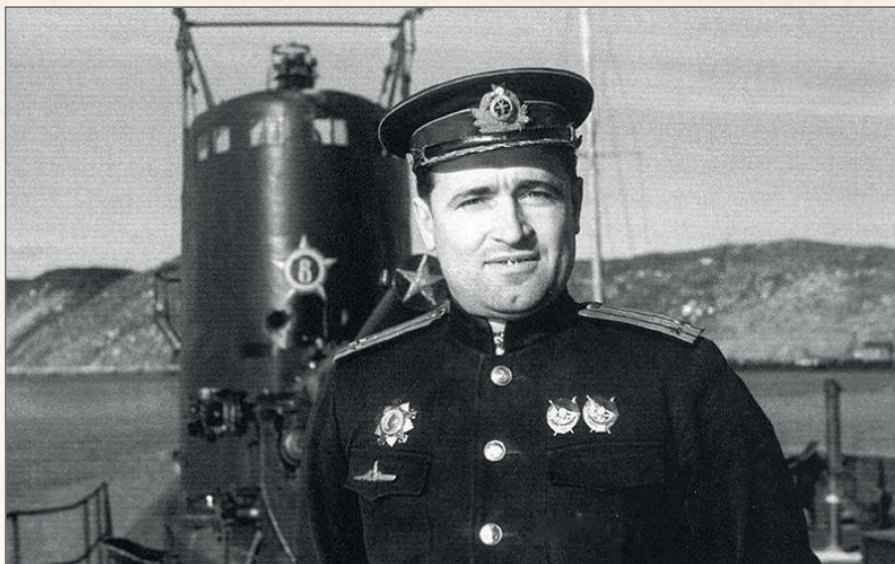




▲ Б.А. Алексеев



▲ М.В. Грешилов



▲ Г.И. Щедрин

тируя командиров соединений и кораблей, меньше всего говорил о необходимости надежного прикрытия конвоя от вражеских подводных лодок и авиации. Главное внимание он уделял другому: заманиванию «Тирпица», чтобы нанести ему удар. Поэтому основные силы прикрытия и поддержки конвоя решено было держать на значительном расстоянии от транспортов. Конвой, таким образом, рассматривался лишь как приманка для фашистских крупных кораблей. В случае обнаружения не-

мецкой эскадры англичане должны были бросить на нее авианосную авиацию. Но тут же адмирал Гамильтон предупредил: будем вступать в бой, лишь убедившись в превосходстве своих сил над противником. Морской лорд Паунд к идее «заманивания» противника отнесся отрицательно: он опасался понести потери крупных кораблей. Эти опасения и побудили лорда адмиралтейства вообще запретить линкорам поддержки заходить восточное побережье Медвежий, а крейсерским силам

Гамильтона разрешалось следовать в этот район только в случае, если будет исключена встреча с крупными кораблями противника. Об участии конвоя адмиралтейство заботилось мало: предписывалось «продолжать движение транспортов на восток даже в том случае, если конвой будет нести потери».

На основании немецких документов Ирвинг показывает, что происходило в те дни на фашистской эскадре. Гитлер соглашался послать крупные корабли на перехват конвоя лишь при условии, если поблизости не будет авианосцев англичан. 3 июля гитлеровцы еще не знали состава английских сил. Потом разведка донесла, что обнаружен авианосец с двумя линкорами, но вскоре они были потеряны из виду. Для гитлеровцев оставалось неясным, куда пойдет соединение адмирала Тови. Фашистское командование колебалось. Это сказалось на действиях немецких моряков. В спешке и неразберихе при движении внутренними фарватерами «карманный» линкор «Лютцов» и три эсминца наскочили на скалы и вышли из строя. Только к 10 часам утра 4 июля немецкий флот сосредоточился в Альтен-фьорде. Но разрешения Гитлера на операцию все еще не было, продолжались нервные переговоры между «Тирпицсм», Тронхеймю, Килем и Берлином. Наконец эскадра вышла в море. Но тут снова разведка сообщила об английских линкорах (за один из них был принят крейсер «Лондон» с фальшивой второй трубой). Это еще более насторожило гитлеровских адмиралов. Узнав, что в море находятся крупные силы англичан и что немецкие корабли обнаружены неприятелем, «Тирпиц» со всей эскадрой поспешно повернул в базу.

Не меньшая нервозность царила и на английском флоте. Ирвинг пишет, что «Тирпиц» и другие немецкие крупные корабли еще стояли на якорях в Альтсн-фьорде, когда на английскую эскадру из Уайтхолла поступила радиограмма: «Секретно. Весьма срочно. Крейсерам на полной скорости отойти на запад». Это



было 4 июля в 21 час 11 минут. И тот час была получена вторая депеша: «Секретно. Срочно. Ввиду угрозы надводных кораблей конвою рассеяться и следовать в русские порты».

Ирвинг сообщает, что адмирал Паунд принимал решение, «откинувшись на спинку кожаного кресла и закрыв глаза». Офицеры морского штаба пытались напомнить лорду адмиралтейства, что немецкие корабли еще стоят на якоре. Паунд ответил: «Мы решили рассредоточить конвой, и это решение остается в силе».

Вот так еще до выхода «Тирпица» в море была решена судьба конвоя с грузами стоимостью свыше 700 миллионов долларов, с грузами, которые так нужны были советским войскам, напрягавшим все силы в борьбе с врагом на огромном фронте.

Восточное 25-го меридиана конвой был брошен на произвол судьбы и стал объектом охоты немецких подводных лодок и авиации. Вечером 4 июля фашистские торпедоносцы совершили первую атаку. Три транспорта получили сильные повреждения и начали тонуть.

Конвой двигался дальше, а спасательные суда и баркасы кинулись снимать людей с гибнущих транспор-

тов. Подошли они и к горящему советскому танкеру «Азербайджан». Ирвинг с восхищением отзывается о мужестве наших моряков. Капитан «Азербайджана» решительно отклонил предложение оставить корабль. Через несколько часов, к всеобщему удивлению, советский танкер, который уже считали погибшим, нагнал конвой и сообщил, что «занимает свое место в порядке»...

Крупные потери транспортов в конвое «PQ-17» не раз потом были предметом официальных и частных разговоров. Как я уже отмечал, наши союзники имели все основания не уклоняться от встречи с «Тирпицем» и, если потребуется, принять бой. Во время таких разговоров вспоминались и случаи оставления отдельных транспортов без достаточного прикрытия, имевшие место и в нашем флоте. Конечно, подходя к делу с чисто военной стороны, надо сказать, что обстоятельства заставляют иногда жертвовать отдельными кораблями, как транспортными, так и боевыми, чтобы не понести еще больших потерь. Но нельзя сбрасывать со счетов моральную сторону вопроса. Мы всегда придерживались принципа — не оставлять в беде товарищей по плаванию, осо-

бенно если они не вооружены.

О трагическом случае с конвоем «PQ-17» я доложил И. В. Сталину. Он был недоволен поведением английского морского командования. Мыслимое ли дело: всем боевым кораблям оставить конвой?! Причем, как я уже говорил, англичане пошли на это, несмотря на огромное преимущество в силах.

— Была ли необходимость бросить конвой? — спросил меня Сталин.

Я ответил, что, насколько мне известно, серьезных причин для этого не имелось. У англичан, конечно, были основания остерегаться германских линкоров, особенно после потопления «Бисмарком» «Худа», но на этот раз нормальная осторожность переросла в чрезмерную. Адмирал Паунд не захотел рисковать своими крупными кораблями ради конвоя, шедшего в Советский Союз. А ведь не секрет, что некоторые военные руководители союзных держав в то время оказывали нам помощь весьма неохотно.

Черчилль взял под защиту адмирала Паунда. Вместо объективного разбора он использовал трагедию конвоя «PQ-17» для того, чтобы вообще отложить движение конвоев до наступления полярной ночи.





▲ Н.К. Мохов



▲ Снайпер Мамедали Абасов



▲ А.И. Маринеску

Об этом он написал 18 июля Сталину, излагая трудности проводки конвоев северным путем и обещая усилить снабжение через Иран. Это было, конечно, легче для моряков, но трудности с доставкой грузов на фронты возрастали, а главное, приходилось тратить лишнее время,

каждая минута которого так дорога на войне.

23 июля Сталин с присущей ему прямоотой ответил Черчиллю:

«Приказ Английского Адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты и вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться в одиночку до советских портов без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым. Я, конечно, не считаю, что регулярный подвоз в северные советские порты возможен без риска и потерь. Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь. Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно более серьезные потери».

Об этом же я говорил в Москве с контр-адмиралом Майлсом, а наш посол в Англии И.М. Майский и глава военной миссии контр-адмирал Н.М. Харламов беседовали в Лондоне с А. Иденом, адмиралом Д. Паундом и морским министром лордом Л. Александером.

Пока в Москве и Лондоне велись переговоры, уходило драгоценное время. Только 7 сентября из Исландии вышел следующий конвой из 40 транспортов и 31 корабля охра-

нения. В английской зоне обеспечения оказалось недостаточным, и конвой потерял 13 транспортов, а после встречи конвоя нашими эсминцами и авиацией был потерян всего один транспорт. Однако британское адмиралтейство вновь прекратило отправку конвоев.

После этого по предложению советского командования были организованы переходы одиночных и прежде всего советских транспортов без охранения. Для прикрытия транспортов на переходе мы высылали эсминцы, тральщики, подводные лодки. Фашисты не решались пускать на перехват конвоев надводные корабли и всю тяжесть борьбы переложили на авиацию и подводные лодки. Однако к этому времени значительно усилились средства противовоздушной и противолодочной обороны, и потери конвоев стали сравнительно небольшими.

За годы войны из наших северных портов — Архангельска и Мурманска — было отправлено 717 транспортов. Потери от кораблей и авиации противника составили около 90 транспортов, из них 11 советских⁴³. С октября 1942 по февраль 1943 года из наших северных портов



было направлено одиночным порядком 24 советских и только 3 союзных транспорта, а из Исландии к нам — 10 союзных и 3 советских транспорта. Из 40 транспортов, совершивших самостоятельный переход, погибли 6 союзных и 4 наших транспорта.

Даже когда транспорты достигали порта назначения — Архангельска или Мурманска, испытания не кончались на этом. Противник всячески стремился уничтожить доставленные грузы массированными ударами авиации (особенно в Мурманске). Борьба в портах была временами не менее ожесточенной, чем в море. За транспорты и грузы боролись наши истребители, зенитная артиллерия и население, которое отважно тушило пожары и спасало ценное имущество.

Немалые трудности, правда иного рода, приходилось преодолевать и в случае приема караванов в Архангельске, особенно зимой. Лед, толщина которого доходила порой до метра, можно было преодолеть здесь только с помощью мощных ледоколов. Если теплое течение Гольфстрим обеспечивает свободное плавание в любое время года в Баренцевом море, то уже в горле Белого моря торосистые льды появляются в декабре и становятся особенно тяжелыми в январе — феврале.

Когда в первых числах ноября 1941 года я был в Архангельске, то основной заботой командующего флотилией М. М. Долинина в предвидении транспортов с ценными военными грузами была подготовка к их проводке и разгрузке в зимние месяцы. Командующий флотилией абсолютно правильно решил не только срочно отремонтировать все наличные ледоколы, но по возможности еще вооружить их и подготовить для военных операций.

Стояли первые дни ноября, а из окна штаба флотилии было видно, как по Северной Двине двигался лед. Пока это была шуга: отдельные льдины быстро неслись к устью реки. Но всем было понятно, что ледовая обстановка будет усложняться с каждым днем.

Уполномоченным ГКО в Архангельске и Мурманске, ведающим раз-

грузкой транспортов, был назначен И. Д. Папанин. Ему-то и пришлось пережить все трудности борьбы со льдами.

Моряки английского военного и торгового флотов выполняли свой долг мужественно и со знанием дела. Рассказы об их мужестве я неоднократно слышал в годы войны и от наших североморцев, и от командиров конвоев — старых британских «морских волков».

Мне было понятно желание английских моряков поделиться своими переживаниями и впечатлениями после тяжелого перехода в Мурманск или Архангельск.

И я слушал их с интересом, отдавая должное этим людям, рискувавшим жизнью, чтобы доставить хоть немного нужного нам вооружения. В памяти не сохранились их фамилии, но хорошо запомнилась схема движения конвоев и отдельные боевые эпизоды в пути. Много конвоев формировалось в Галифаксе, в Канаде, куда предварительно собирались транспорты, — здесь они проходили инструктаж, получали свое место в порядке и готовились к длительному, опасному плаванью.

И вот, равняясь на самый тиходный, 2–3 десятка транспортов под охраной боевых кораблей соверша-

ли переход в Исландию. Опасность встречи с немецкими подводными лодками на этом отрезке пути была еще не особенно велика, и, как правило, плавание заканчивалось без потерь. Отдохнув, сделав нужный небольшой ремонт, конвой покидал Исландию, готовый встретить удары не только немецкого флота, но и авиации. Особенно опасными были летние дневные переходы, когда в высоких широтах солнце почти не заходит и ночь превращается в короткие сумерки. Больше шансов пройти незамеченным было у конвоя в зимние месяцы, но тогда льды вынуждали держаться ближе к Норвегии, оккупированной немцами.

Так или иначе, зимой и летом при любом охранении несколько десятков торговых судов, малоповоротливых, нагруженных до предела ценными грузами, представляли собой прекрасную цель и для подводных лодок и для самолетов. Как правило, несколько транспортов становились жертвами «волчьих стай» Деница или воздушных пиратов Геринга.

— Самым опасным мы считали район Нордкапа, где ближе всего приходилось держаться к берегу, огибая Норвегию, — рассказывал один из командиров конвоя. — Итак, мы идем... Уже давно на всех кораблях





сыграна боевая тревога: замечены подводные лодки. Затем в сумерках, когда еще хорошо просматриваются силуэты кораблей, раздается оглушительный взрыв — это немецкая субмарина атаковала один из транспортов, и он, окутанный дымом, погружается в воды Ледовитого океана. Но движение продолжается. Всякое замедление ведет к еще большим потерям. Боевые корабли — крейсера и эсминцы — стараются потопить немецкую подводную лодку, но это удается далеко не всегда. «Волчья стая» яростно атакует нас. Вот еще один корабль, кажется танкер, получает попадание торпеды, и высокий столб пламени ясно указывает место его гибели...

Слушая или читая подобные рассказы, я хорошо представлял себе, с каким чувством встречали моряки — и торговые и военные — появление советских истребителей, которые прикрывали их от немецких самолетов, или появление на горизонте наших эсминцев, шедших навстречу, чтобы пополнить отряд кораблей охраны, с какой радостью английские и канадские моряки приближались наконец к нашим портам.

Потери транспортов, естественно, сопровождалась потерями в людях. Не всем, кто оставался на поверхности воды, после боя удавалось спастись. Об одном таком эпизоде написал мне бывший командир дивизиона катеров на Северном флоте А. М. Спиридонов:

— Справа пятьдесят красные паруса, — прорезал воздух зычный голос сигнальщика.

— Фу, черт! — Рощин вздрогнул и попросил разрешения на сближение с этими, как он выразился, «алыми парусами».

В бинокль были хорошо видны два оранжевых паруса: грот с рейковым вооружением и небольшой стаксель, под которыми вырисовывались гладкие и «пузатые» обводы мореходного бота.

С бота доносились крики.

Сигнальщик, приложив к уху мегателефон, внимательно слушал. Вскоре лицо его расплылось в улыбке, и он доложил:

— Матерно ругаются, товарищ капитан первого ранга!

— По-русски? — задал я от неожиданности глупый вопрос и, получив, конечно, утвердительный ответ,

попросил командира обойти бот с кормы, где, держась за румпель, неподвижно, как идол, сидел человек в непромокаемом пальто с высовывающейся из капюшона огненной, под цвет парусов, бородой.

Это был капитан потопленного американского транспорта типа «Либерти».

На банках и днище бота, сидя, полулежа и лежа, расположились моряки (их было около 50), некоторые спали лицом вниз.

Отдав приказание о спуске парусов, командир катера взял бот на буксир, приняв предварительно на борт двух русских моряков. Они оказались кочегарами с потопленного немцами советского транспорта. Кочегаров подобрали американцы. После потопления их транспорта наши ребята попали на бот вместе с моряками с различных, погибших ранее судов.

От кромки полярного льда, вдоль которого шли и тонули транспорты, атакованные немецкими самолетами и подводными лодками, бот шел около 6 суток, пройдя за это время более 500 миль. Вначале, пока еще был газолин, шли с помощью двигателя,



а затем с грехом пополам (не было ветра) — под парусами.

По дороге бот дважды обстреляли самолеты Ю-88, но, к счастью, неудачно.

— Зачем же вы ругались, когда мы подходили? — поинтересовался я.

— Знаете, когда мы увидели пушки, наведенные на бот, испугались, что вы посчитаете нас за немцев, ведь капитан не знал, чьи берега мы видим: норвежские, финские или наши? Ну вот и ругнулись на всякий случай: а вдруг свои?! — не растерялся сообразительный моряк и попросил пить.

Тем временем катер зашел в одну из многочисленных бухт побережья, где бот отдал якорь, и моряки стали перебираться на корабль.

Несколько человек были больны, их пришлось перенести на руках. Все просили пить: на боте более суток не было воды...»

Команды английских или американских транспортов меньше всего были причастны к политике, которую

проводили главы их правительств. Они являлись нашими искренними союзниками в борьбе с фашизмом, и, наверное, впоследствии речь Черчилля, произнесенная им в Фултоне, возмутила многих из них не меньше, чем советских людей. Им, нашим добрым друзьям, простым и отважным морякам, хочется отдать должное и сейчас. Так же, как заслуги французских летчиков полка «Нормандия — Неман», дела моряков многочисленных конвоев, в составе которых были транспорты ряда союзных стран, не будут забыты.

В заключение следует сказать, что помощь союзных держав вооружением, средствами транспорта, продовольствием, конечно, имела для нас определенное значение. Однако не следует забывать, что поставки союзников составляли лишь незначительный процент того, что требовала война от Советского Союза. Их объем попросту несравним с тем, что сделал для победы советский народ, который нес на своих

плечах главную тяжесть борьбы с фашистской Германией и ее сателлитами. Не буду приводить цифры: они не раз публиковались в различных изданиях. Но напомнить об этом необходимо, так как буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны продолжают непомерно раздувать роль поставок союзников в нашу страну.

На сухопутном фронте в этот период установилось известное равновесие. На Северном флоте тоже стало спокойней: наступление полярной ночи позволило более безопасно проводить конвои. Зато с приемом транспортов было весьма сложно. Переход до Архангельска стал в ту пору почти невозможен из-за ледовой обстановки: горло Белого моря было уже забито льдами. Непросто было принять грузы и в незамерзающем Мурманске: он непрерывно подвергался атакам авиации противника.

Фронты же нуждались в получаемых от союзников материалах,





и Ставка частенько требовала сведений, когда и с какими грузами прибует очередной конвой. В этом свете моя поездка в Полярный была весьма своевременной.

Ознакомив меня с делами, комфлота А. Г. Головкин не без гордости предложил показать командные пункты флота, бригады подводных лодок и охраны водного района. И должен сказать, североморцам было чем гордиться. Гористая местность и скалы из очень твердых пород позволяли спокойно работать командованию всех соединений во время налета фашистской авиации в специально оборудованном ФКП. Отвесные скалы способствовали также маскировке подводных лодок, эсминцев, катеров и в известной степени служили им даже укрытием.

Мне довелось наблюдать, как дружно работали расположенные в одном помещении штаб флота и политическое управление. Это определялось, конечно, в первую очередь сработанностью руководства флота.

Командующий флотом А. Г. Головкин, общительный по натуре человек, добился слаженной работы не только Военного совета флота и штаба, но и командования соединений.

Начальником штаба флота был тогда С. Г. Кучеров. Организованный

и требовательный офицер, он удачно дополнял комфлота. Командиры соединений, как говорили, побаивались его не меньше, чем комфлота.

Член Военного совета флота А. А. Николаев и начальник политуправления Н. А. Торик постоянно обеспечивали высокое политико-моральное состояние личного состава и умело направляли политическую работу на выполнение стоявших перед флотом задач.

Я покидал Полярный со спокойной душой. Северный флот четко справлялся с возложенными на него задачами.

Огромное значение имели во время войны наши внутренние морские пути в районе Кольского полуострова, в Белом море и в Арктике: сеть железных и шоссейных дорог на Севере, как известно, была не развита, а завозить туда, особенно в военное время, приходилось немало грузов. Связаться с отдаленными северными районами, чтобы доставить в них продовольствие, оборудование и вывезти местную продукцию, можно было только морем. По Северному морскому пути в годы войны шли транспорты с импортными грузами с Дальнего Востока в Архангельск.

Судов для перевозок не хватало. Хотя их насчитывалось на Севере

более 650, в это число входили и ледоколы, и самоходные шаланды, и буксирные пароходы, и рыболовные траулеры. К тому же почти половина судов требовала ремонта и перестройки. А мощность ремонтных заводов была невелика. Кроме того, в первую очередь они ремонтировали боевые корабли и суда союзников. Весьма скромны были и возможности портов. Только Архангельский, Северодвинский и Мурманский порты имели достаточно погрузо-разгрузочных средств и складов. Кроме того, судоходство в Арктике и Белом море ограничивали ледовые условия, а ледоколов в начале войны на Севере было всего два.

Следует признать, что в довоенное время мы, в Наркомате ВМФ, недооценивали значение морских путей на Севере и недостаточно разрабатывали проблему их защиты. Поэтому уже в ходе войны пришлось создавать новые военно-морские базы, аэродромы, выделять корабли для конвойной службы.

Для организации морских перевозок на Севере немало сделал уполномоченный Государственного Комитета Обороны и начальник Главсевморпути контр-адмирал И. Д. Папанин.

О Папанине я услышал впервые, когда всей стране стали известны фамилии четырех смельчаков, высадившихся в 1937 году на дрейфующую льдину для изучения «белых пятен» Арктики. Ближе мы познакомились, когда он начал работать в Москве. Иван Дмитриевич сразу покорила меня. Он вообще умел подойти к людям. Помню его телефонный звонок в начале войны.

— Дорогой Николай Грассимович, — так любил он начинать разговор, — дайте мне хоть сколько-нибудь пушечек прикрыть остров Диксон.

И объяснил, зачем там нужны пушки. В ту пору на флотах с оружием было туговато, но несколько старых орудий все же было послано на Диксон.

Главное управление Севморпути даже в мирное время нуждалось в помощи Наркомата ВМФ. В свою



очередь, военные моряки сотрудничали с работниками Главсевморпути и перед войной, когда переводили военные корабли Северным морским путем для усиления флота на Дальнем Востоке, и во время войны, когда боевые корабли шли обратным путем с Тихого океана на Север.

Наши внутренние и внешние коммуникации в том районе защищала Беломорская военная флотилия, входившая в состав Северного флота. Ее сформировали в августе 1941 года из соединений и частей Беломорской военно-морской базы. Первым командующим флотилией был контр-адмирал М. М. Долинин. В октябре 1941 года его сменил вице-адмирал Г. А. Степанов.

Морские перевозки во время арктической навигации охраняли Северный отряд (отряд Карского моря), 2-я авиагруппа Севморпути под командованием Героя Советского Союза полковника И. П. Мазурука, четыре береговые батареи. Командовал отрядом капитан 2 ранга Н. П. Аннин, известный мне еще со времен войны в Испании как один из моряков-добровольцев, находившихся в республиканском флоте.

Моряки, летчики и артиллеристы обороняли проливы Новой Земли,

порты и полярные станции на этом острове и в Карском море.

А вести борьбу порой приходилось неравными силами. 13 июля 1941 года три немецких эскадренных миноносца атаковали наш конвой в составе сторожевого корабля «Пассат» и двух кораблей ЭПРОН («РТ67» и «РТ-32»), находившихся к юго-востоку от Териберки. Сторожевой корабль «Пассат» вступил в неравный бой и, отвлекая на себя огонь, дал одному из охраняемых кораблей возможность уйти. Командир «Пассата» лейтенант В. Л. Окуневич до последней минуты руководил боем и погиб вместе с кораблем.

Немного позднее сторожевой корабль «Туман», находясь в дозоре у острова Кильдин, подвергся внезапной атаке трех фашистских эскадренных миноносцев. Экипаж советского корабля, располагая всего двумя 45-миллиметровыми орудиями, героически сражался с врагом. В неравном бою корабль погиб. Командир СКР «Туман» лейтенант Л. А. Шестаков, не имея возможности спасти весь экипаж, остался на корабле и погиб вместе с ним.

Провал blitzкрига на Восточном фронте, в том числе и на мурманском направлении, заставил фа-

шистов еще активнее действовать на морских путях нашего Севера. Их подводные лодки появились в восточной части Баренцева моря и доходили до проливов Югорский Шар и Маточкин Шар. В январе — марте 1942 года немцы скрытно минировали северную часть Белого моря и подходы к Кольскому заливу. С марта их авиация начала усиленно бомбить Мурманск.

Однако навигация на наших морских путях не прерывалась ни на один день.

Именно тогда мы увеличили наши силы на Севере: Беломорской флотилии передали бригаду траления; дополнительно мобилизовали суда гражданских ведомств; создали еще одну новую военно-морскую базу; усилили береговую и зенитную артиллерию, особенно в районе горла Белого моря и Новоземельских проливов; создали так называемые «отстойные» пункты, в которых могли укрыться транспорты или конвои, если возникала угроза нападения надводных кораблей или подводных лодок противника.

Однако самым надежным способом защиты судов было сопровождение их боевыми кораблями. Наиболее ценные конвои шли с круговым





охранением, в которое включались специальные поисково-ударные группы кораблей для преследования и уничтожения подводных лодок врага. Корабли охранения и поисково-ударные группы взаимодействовали с авиацией. Обычно такие операции проходили в начале и в конце арктической навигации и были связаны с переводом из Архангельска в Арктику или обратно ледоколов и транспортов.

Подготовку к действиям на Северном морском пути германское морское командование начало задолго до нападения на Советский Союз. В течение ряда лет немецкая разведка собирала сведения об экономике нашего Севера, об условиях плавания по нашим арктическим морям, об оборудовании трассы Севморпути и т. п. Теперь известно, что в сборе информации о восточном секторе Арктики немцам усердно помогала японская разведка.

24 августа 1942 года старший офицер военной миссии Великобритании в Архангельске капитан 1 ранга Монд сообщил командованию Северного флота, что, по сведениям английской разведки, несколько дней назад германский «карманный» линкор (тяжелый крейсер) «Адмирал Шеер» покинул Вест-фьорд в Норвегии, скрылся в неизвестном направлении и что обнаружить его пока не удалось.

Сообщение английского офицера не могло не насторожить командование Северного флота, хотя известие о «Шеере» отнюдь не было для него неожиданностью. Летом 1942 года не исключалась возможность появления немецких рейдеров не только в восточной части Баренцева моря, но и в Карском. Заранее были приняты меры предосторожности.

Гитлеровское командование рассчитывало сорвать нашу арктическую навигацию 1942 года. Оно хотело показать, что Северный морской путь даже за тысячу миль от фронта находится под ударами немецкого флота. Операция была намечена на вторую половину августа — начало сентября. И тоже не случайно: в это время через Карское море должны были пройти в обоих направлениях не-

сколько караванов. Об одном из них, вышедшем в начале июля из бухты Провидения на запад, противнику заблаговременно сообщила японская разведка. Караваны проводили линейные ледоколы и ледокольные пароходы. Фашисты рассчитывали одним ударом уничтожить не только транспортные суда с ценными грузами, но и весь ледокольный флот западного сектора Арктики. Надводные рейдеры врага намеревались поставить мины в наших водах, обстрелять порты и стоянки судов на острове Диксон, Нарьян-Маре, Амдерме, потопить советские рыболовные суда. Для помощи надводным рейдерам были выделены подводные лодки и самолеты-разведчики.

Успех операции строился на внезапности. Рейдеры в Карском море должны были следовать вокруг мыса Желания (мы меньше наблюдали за этим районом) и получать от находившихся здесь немецких подводных лодок последние сведения.

13 июля план операции был утвержден морским генеральным штабом в Берлине под условным наименованием «Вундерланд» («Страна чудес»).

Операция началась 10 августа с выхода подводных лодок в назначенные районы. Утром 16 августа из Нарвика вышел линкор «Адмирал Шсер» под командой капитана 1 ранга Медсен-Болькена. Этот корабль водоизмещением более 12 тысяч тонн имел 20 орудий, в том числе 6 11-дюймовых (280-миллиметровых), 8 6-дюймовых (150-миллиметровых), 6 4-дюймовых (106-миллиметровых), 8 зенитных автоматов, торпедные аппараты. Плохая видимость обеспечивала ему скрытность движения.

19 августа «Адмирал Шеер» подошел к мысу Желания — месту назначенной встречи с одной из подводных лодок. Получив дополнительные данные о ледовой обстановке, линкор вошел в Карское море. Несколько дней он безрезультатно потратил на поиски советских транспортов. Между тем время, отведенное на операцию, шло.

Утром 23 августа командир линкора получил по радио сообщение

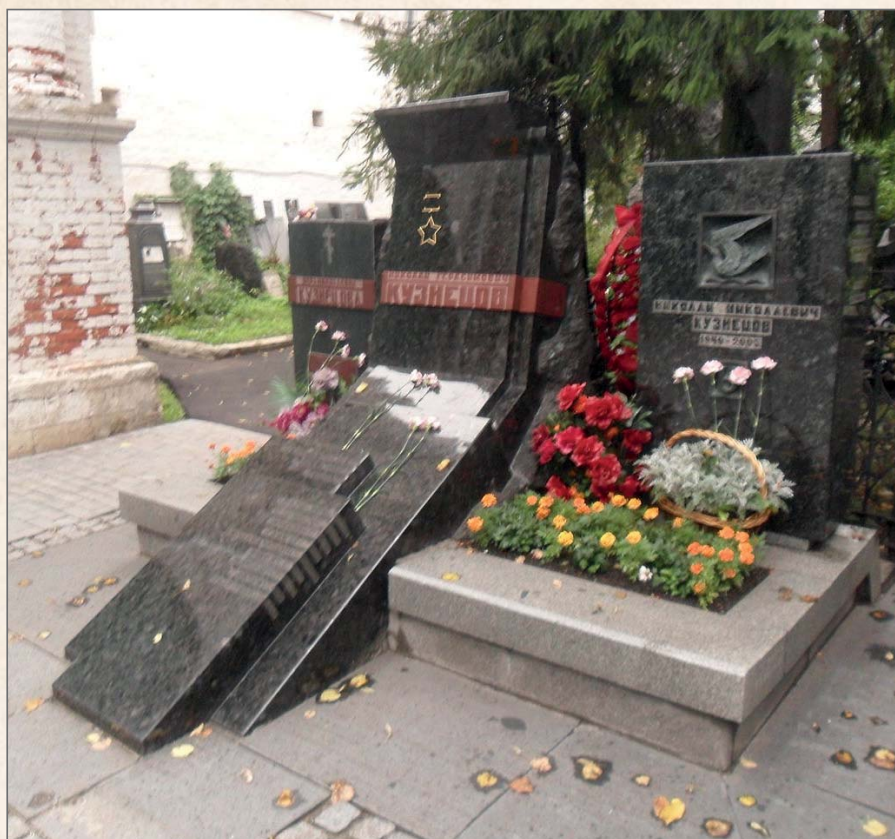
от своего командования, что караван из 19 транспортов в сопровождении 4 ледоколов находится на пути к проливу Вилькицкого и держит курс на запад. Полагая, что транспорты смогут пройти дальше, если ветер переменит направление и очистит пролив от льда, командир линкора решил занять позицию на их вероятном пути, ближе к полуострову Таймыр. Но фашисты просчитались. Они недооценили опыт и мастерство кораблевождения советских моряков. Транспорты успешно прошли среди льдов. Потеряв надежду атаковать большой караван, идущий с востока, командир линкора решил ограничиться нападением на транспорты, стоявшие у пролива Вилькицкого.

Утром 25 августа линкор направился к банке Ермака. Около 12 часов фашисты заметили мачты ледокольного парохода «Сибиряков», который следовал к Северной Земле с грузом для метеорологической станции. Увеличив ход, линкор пошел на сближение. В 12 часов 18 минут «Сибиряков» сообщил на Диксон, что его преследует корабль противника. Через полчаса после этого линкор открыл по ледоколу огонь. «Сибиряков», на котором были только две старые пушки, стал отстреливаться, одновременно стараясь скрыться за своим дымом. Однако получил несколько попаданий тяжелых снарядов, загорелся и начал тонуть.

18 человек из числа команды «Сибирякова», находившиеся в спасательной шлюпке, в том числе тяжело раненный капитан А. А. Качарава, были захвачены фашистскими пиратами. Только одному члену экипажа — кочегару П. И. Вавилову — удалось на полузатопленной шлюпке добраться до острова Белуха, откуда через месяц, после невероятных лишений, его снял высланный с Диксона самолет.

Дальнейшие события развивались так. Сразу же после уточнения сведений, полученных от Монда, штаб морских операций западного сектора Арктики оповестил все суда в море и береговые станции о возможности появления вражеского рейдера. Радиосвязь в Арктике ра-





▲ Могила адмирала Николая Кузнецова, Новодевичье кладбище

ботала четко. Хотя при прохождении через «зоны молчания» судовым радиостанциям действовать запрещалось, на всех судах в определенные часы слушали передачи радиоцентра Диксона и своевременно получали нужные сведения. За судами периодически следили с воздуха самолеты нашей полярной авиации. На острове Диксон начальник штаба Н. А. Еремеев и дежурный диспетчер аккуратно передвигали по карте флажки с названиями судов и каждое утро докладывали по радио в Москву о движении транспортов и о работе арктических портов. Круглые сутки несли вахту радисты на радиоцентре Диксона и полярных станциях. Крепко прижав наушники, они старались уловить в хаосе звуков, заполнявших эфир, позывные судов, установить, что происходит на трассе Северного морского пути и за ее пределами.

После потопления «Сибирякова» командир «Адмирала Шеера» больше не мог рассчитывать на скрытность своих действий в Карском море. Пи-

раты стали торопиться, тем более что под влиянием северо-западных ветров ледовая обстановка у пролива Вилькицкого резко осложнилась. Перед уходом из Карского моря командир рейдера решил нанести удар по острову Диксон, разгромить порт и радиоцентр, лишить Северный морской путь основной базы в его западной части. Фашисты намеревались высадить десант, захватить в плен руководителей штаба морских арктических операций и добыть важные документы с планами навигации по Северному морскому пути.

Бывший помощник уполномоченного ГКО по перевозкам на Севере Евгений Матвеевич Сузюмов так рассказал о нападении на Диксон немецкого линкора:

«27 августа, пользуясь утренним туманом, рейдер воровски подкрался к Диксону, вошел на внешний рейд и открыл оружейный огонь по порту, мирному поселку, полярной станции. Это нападение не стало жителей острова врасплох.

Линкор был вовремя замечен с наблюдательного пункта Нового Диксона, и, когда он несколько минут спустя появился перед проливом Вега, ведущим во внутреннюю бухту, и открыл огонь, на острове уже готовились к обороне.

Неожиданно для экипажа фашистского линкора с берега ударила шестидюймовая пушка. Снятая с береговой батареи и подготовленная к отправке на Новую Землю, она стояла на причале. Старший лейтенант Корняков с помощью краснофлотцев развернул ее и открыл огонь по фашистскому линкору.

Когда на палубе «Адмирала Шеера» разорвалось несколько снарядов, гитлеровцам пришлось отменить высадку десанта. Рейдер развернулся и поспешно стал уходить на север. Уходя, пираты дали несколько залпов по порту и поселку. Но они лишь разрушили баню, подожгли бочки с отработанным маслом возле электростанции и повредили в нескольких местах антенное поле. Радиосвязь ни на минуту не была прервана. Пожар, возникший в жилом доме, полярники быстро потушили.

Перед нападением рейдера в бухте кроме «Дежнева» находились два парохода — «Революционер» и «Кара». От снарядов «Шеера» на «Революционере» загорелись надстройки. Команда отстреливалась из двух своих пушек и тушила пожар. Пароход пострадал незначительно. «Кара» стояла рядом с «Дежневым». В трюме «Кары» лежало 200 тонн взрывчатки, а радиосвязи с судном не было. Поэтому Н. А. Еремеев бросился туда на катере и под огнем рейдера вывел пароход из зоны обстрела.

Итак, защитники Диксона, не дрогнув, вступили в бой с грозным врагом. В бою с фашистским рейдером погибло несколько моряков сторожевого корабля «Дежнев». Они покоятся в братской могиле со скромным обелиском. На обелиске высечены имена героев, павших в неравном бою с вражеским линкором «Адмирал Шеер» 27 августа 1942 года. Это В. И. Давыдов,





▲ Памятник подводникам

А. М. Карачаев, Г. И. Майсюк, Ф. Хайрулин, В. И. Суслов и А. П. Борисихин.

Появление немецкого флота на Северном морском пути привлекло внимание Верховного Главнокомандующего. Я выслушал серьезный упрек за то, что «под носом у Головки» (т. е. вблизи главной базы флота) проходят неприятельские корабли. Упрек был справедливый. По опыту первой мировой войны и недавнего прошлого мы знали, что немецкие адмиралы стараются проводить именно такие внезапные операции.

Крейсерская война была своего рода тактическим кредо адмирала Редера.

Впрочем, рейд линкора «Адмирал Шеер» в арктические воды не принес ему славы. Операция «Вундерланд», по сути дела, провалилась. Рейдер не выполнил задания — потопить наши торговые суда. На Диксоне не пострадал ни один важный объект. Навигацию по Северному морскому пути сорвать не удалось. Единственное, чего добился рейдер, было потопление «Сибирякова». Но эта «победа» вооруженного крупнока-

либерными орудиями линкора над старым и слабо вооруженным небольшим ледокольным пароходом не принесла лавров фашистскому военному флоту. Гитлеровцы отошли от Диксона после первых попаданий снарядов в их корабль. Безуспешными были и действия немецких подводных лодок во время крейсерства «Шеера».

С конца августа 1942 года фашистская авиация и миноносцы вновь начали ставить мины на подходах к Архангельску, в районе мыса Канин Нос, у острова Колгуев и у северо-западного побережья Новой Земли. Подводные заградители выставили магнитные и акустические мины у западного входа в проливы Маточкин Шар и Югорский Шар.

Нельзя отрицать того, что в 1942 году на некоторых арктических трассах наших внутренних коммуникаций противнику удалось создать напряженную обстановку. Однако фашисты так и не смогли существенно нарушить, а тем более прервать судоходство в Арктике. В первый период войны транспортные суда совершили свыше 1300 переходов. Наши потери за это время составили 7 транспортов, 7 кораблей охранения и 10 вспомогательных судов.

В 1943 году напряженность борьбы на арктических внутренних коммуникациях не только не ослабла, но даже несколько возросла. Со второй половины февраля противник начал широко использовать авиацию.

Опыт первых лет войны убедительно показал, как важны внутренние морские сообщения на Севере. Недооценка их защиты была нашим серьезным просчетом в подготовке Северного флота в предвоенные годы. К тому же сил там было явно недостаточно.

И тем важнее подчеркнуть, что небольшие потери наших кораблей и судов на внутренних морских путях Арктики — результат правильных мер, которые были приняты, хотя и с опозданием. Вместе с тем этот факт свидетельствует о крупных промахах вражеского командования. ■



ДАЛЬНЯЯ БОМБАРДИРОВОЧНАЯ...



▲ Удар





«ЗА ПРАВДИВОСТЬ ГОТОВ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

Письмо А. Е. Голованова в ЦК КПСС Л. И. Брежневу и в Совет Министров СССР А. Н. Косыгину

8 апреля 1975 г.

Уважаемые товарищи!

Остаются считанные дни до того, когда вся наша страна будет отмечать тридцатилетие Победы над фашистской Германией. Каждый, кто воевал и защищал свою Родину, стремится как-то и чем-то отметить эту знаменательную для каждого советского человека дату.

Я тоже отношусь к тем советским людям, которые с малых лет с оружием в руках защищали Советскую власть и принимали активное участие в ее становлении. Принимал я участие в четырех войнах: Гражданской, Халхин-Голе, финской и Великой Отечественной.

Как участником Великой Отечественной войны, мной написаны воспоминания об этой войне под названием «Дальняя бомбардировочная...», которые с 1969 года публикуются в журнале «Октябрь». За эти годы вышло пять номеров этого журнала, охватывающих период войны 1941—1942 годов, и не моя вина в том, что до сих пор публикация этих воспоминаний еще не закончена.

На основе уже опубликованного материала мной написана книга, которая в начале августа месяца 1972 года принята издательством «Советская Россия» к изданию. Этой книге дано название «Записки командующего АДД», и она, согласно опубликованному проспекту, должна была выйти в 1974 году.

В мае месяце 1974 года книга была подписана к печати, пройдя все положенные для издания инстанции, и их замечания были учтены и внесены в книгу. Однако руководитель Главлита при Совете Министров СССР П. К. Романов выпуск книги задержал. Через три месяца после этого мной была написана жалоба на неправомерные действия руководителя Главлита. В октябре месяце 1974 года я был приглашен в отдел пропаганды ЦК КПСС, где меня ознакомили уже с замечаниями Главпура, которые были написаны в конце сентября или начале октября, после возвращения туда книги Главлитом.

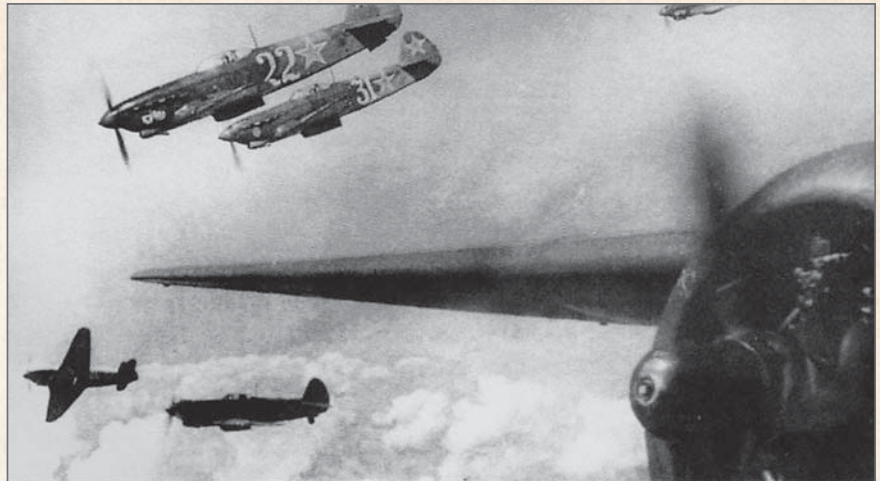
В этих дополнительных замечаниях, которых ранее не было, говорится уже о том, что в книге неправомерно много пишется о Сталине, что автор делает чрезмерный акцент на Верховного Главнокомандующего, что он не только рассказывает о своих многочисленных встречах с И. В. Сталиным, его указаниях по АДД, но он приводит множество фактов и оценок Сталина, не имеющих отношения к развитию боевых действий АДД, и в то же самое время командиры, политработники, летчики остаются, в какой-то мере, на заднем плане, что, показывая в основном лишь единоличные решения Сталина по АДД, автор тем самым умаляет роль ГКО, Ставки Верховного Главнокомандования, Наркомата обороны, Военного совета АДД в создании, обеспечении и руководстве действиями Авиации дальнего действия. И, наконец, что в мемуарах А. Е. Голованова И. В. Сталин изображается в хвалебном тоне, в них многократно подчеркивается его дальновидность, прозорливость, безупречный стиль работы, чуткость и внимательность к людям и т. д. Причем эти оценки не всегда достаточно объективны... Далее идут конкретные предложения: что убрать из книги, что сократить, где изменить формулировки, итак далее. Вот, собственно говоря, суть дополнительных, предъявленных мне замечаний.

Я не могу согласиться с этими дополнительными замечаниями, во-первых, потому, что они не сжидутся на конкретно указанных местах в книге, которые подтверждали бы справедливость этих замечаний, ибо таких мест в книге нет. Оценки деятельности Сталина там тоже отсутствуют. Во-вторых, огромная масса имеющихся отзывов читателей на уже опубликованное не подтверждает изложенного в замечаниях, а официальные отзывы читательской конференции, а также и из Института марксизма-ленинизма, данные по запросу самого издательства, удостоверяют совсем обратное тому, что написано в этих дополнительных замечаниях. (Копии отзывов прилагаются.)

Действительно, о Сталине в книге говорится больше, чем у других авторов, и это совершенно естественно, потому что у меня не было никаких иных руководителей или начальников, которым бы я подчинялся, кроме Сталина. Ни Генеральный штаб, ни руководство Наркомата обороны, ни заместители Верховного Главнокомандующего никакого отношения к боевой деятельности и развитию АДД не имели.



Все руководство боевыми действиями и развитием АДД шло только через Сталина и только по его личным указаниям. Никто, кроме него, касательства к Авиации дальнего действия не имел. Случай, видимо, уникальный, ибо мне других подобных примеров неизвестно. Что касается ГКО и других высших инстанций, то их решения, а значит, и руководство развитием и деятельностью АДД в книге приводятся.



Бывая систематически в Ставке и присутствуя там при решении многих вопросов, не имеющих отношения ни собственно к АДД, ни ко мне, но имеющих прямое отношение к ведению войны в целом, я был свидетелем процесса их решения, и некоторые из них мной приводятся в книге как представляющие, с моей точки зрения, определенный интерес и значение.

Полагаю, что это неотъемлемое право автора. Что касается деятельности Сталина, его стиля работы, общения с людьми — то, что написано в книге, является безусловной правдой, а не каким-то восхвалением. В книге приведены лишь некоторые из многочисленных фактов и эпизодов, известных мне, которые я счел возможным привести в ней и которые уже опубликованы в журнале «Октябрь». Никто ранее не опровергал написанного и не возражал против их опубликования. Русское же слово «восхваление» имеет определенное значение — приписывание той или иной личности того, что этой личности не принадлежит, не соответствует ее деятельности, является неправдой.

Наша партия дала оценку деятельности И. В. Сталина, указав на позитивные и негативные стороны этой деятельности. В период минувшей войны деятельность И. В. Сталина оценивается нашей партией как деятельность положительная, позитивная. Об этом периоде и написана книга, поэтому, когда о Сталине говорится там что-то положительное, это вовсе не является каким-либо восхвалением. Однако ввиду полученных мной дополнительных замечаний я написал предисловие, где указано, почему книга написана именно так, а не по-другому.

Уважаемые Леонид Ильич и Алексей Николаевич! Я прошу вас дать мне ответ, имею ли я право, как гражданин, как коммунист, писать о минувшей войне так, как я ее видел, так, как я в ней жил, писать о том, что я наблюдал, чему был свидетелем, писать без прикрас и выдумок, словом, писать правду о том, что было и как было, писать так, как написана сама книга, где говорится о нашей Родине, о нашем народе, о советском труженике и советском воине, о тех трудностях, которые пришлось пережить советскому народу, о сложностях войны, о наших полководцах и Верховном Главнокомандующем, о силе и действенности партийно-политической работы, об организующей и направляющей деятельности нашей партии, которая, в конечном счете, привела к разгрому злейшего врага человечества — фашизма и его головного отряда — гитлеровской Германии.

Я прошу вас также ответить мне, правильны ли действия товарищей, которые понуждают меня переделявать, по их усмотрению, уже написанное и опубликованное в журналах, ссылаясь на то, что написанное в журналах не может быть опубликовано в книгах, многие месяцы задерживают книгу и выход ее ставят в зависимость от выполнения их требований.

Я решительно не верю тому, чтобы подобные действия были известны руководству нашей партии, руководству нашего государства и были бы ими санкционированы.

Я прошу предоставить мне возможность опубликовать уже готовую, написанную мной книгу, за правдивость которой готов нести ответственность.

С уважением А. Е. Голованов





ГОЛОВАНОВ Александр Евгеньевич (1904-1975) — видный советский военачальник, Главный маршал авиации. Родился 7 августа 1904 года в Нижнем Новгороде в семье капитана буксирного парохода и дочери казненного народовольца Н. И. Кибальчича. Восемилетним мальчиком был отдан на учебу в Александровский кадетский корпус. В октябре 1917 года 13-летний Голованов вступает в Красную Гвардию. С 1919 года он боец Красной Армии. Воевал на Южном фронте, разведчик 59-го стрелкового полка, был контужен в бою, демобилизован в 1920, в октябре того же года вступил в ЧОН (части особого назначения). В 1924-1933 годах работал в органах ОГПУ в особых отделах и на оперативной работе. Принимал участие в задержании Бориса Савинкова. Дважды выезжал в Китай — провинция Синьцзян (1930, 1931). С 1929 года член партии большевиков. В 1931 -1933 годах прикомандирован к Народному комиссариату тяжелой промышленности, одновременно учился в аэроклубе, в 1932 году окончил летную школу при ЦАГИ. С 1933 по 1941 годы работал в Аэрофлоте пилотом, командиром отряда. В 1935 году назначен начальником Восточно-Сибирского управления Гражданского Воздушного Флота (ГВФ) с центром в городе Иркутск. В 1937 году был исключен из партии, уехал в Москву «за правдой». Восстановлен в партии, и был оставлен в Москве в Московском управлении ГВФ, шеф-пилотом эскадрильи особого назначения. Общий налет в 1938 году составил более 1-го млн. км. С мая по октябрь 1939 года находился в распоряжении штаба ВВС РККА. Участвовал в боевых действиях на реке Халхин-Гол и в советско-финляндской войне. В январе 1941 года написал письмо И. В. Сталину о необходимости специальной подготовки летчиков дальней бомбардировочной авиации к полетам в плохую погоду, вне видимости земли. В феврале 1941 года назначен командиром 212 полка дальнебомбардировочной авиации, с августа 1941 года — командир 81-й авиационной дивизии дальнего действия. В декабре 1941 года Постановлением ГКО СССР назначен командиром 3-й авиадивизии



дальнего действия Ставки Верховного Главнокомандования. Лично участвовал в осуществлении дальних бомбардировочных рейдов (бомбардировка Берлина, Кёнигсберга, Данцига, Плоешти и др.). Обладая высокими летными качествами, несмотря на тяжелые условия, каждый раз при выполнении заданий достигал поставленной перед ним цели. В феврале 1942 года — командующий авиацией дальнего действия (АДД). С этого времени и до конца войны командовал советской дальней авиацией. На этой должности особенно проявились его качества как авиационного военачальника. АДД успешно решала сложные боевые задачи. По общему мнению Голованов считался одним из способнейших генералов ВВС Красной Армии, имея многолетний опыт, как летчик ГВФ, он обладал большими летными данными и отличным организаторским талантом. С декабря 1944 года Главный маршал авиации (19.08.1944 г.) Голованов командующий 18-й воздушной армией, в которую была собрана вся дальнебомбардировочная авиация. Соединения армии наносили удары по глубокому тылу противника, а также поддерживали наземные войска в ходе Восточно-Прусской, Венской, Берлинской и др. операций, выполняли задачи по оказанию помощи советским партизанам и патриотам Югославии. Голованов пользовался симпатией и доверием Сталина. Он, в числе немногих, имел право на свободный доступ к вождю, который называл его по имени в знак своего особого доверия. С апреля 1946 года Голованов — командующий дальней авиацией Советской Армии. В 1950 году закончил Военную академию Генерального штаба. В 1953 году, после смерти Сталина, Голованов был отправлен в отставку. Автор книги воспоминаний «Дальняя бомбардировочная». Единственному из маршалов Советского Союза, А. Е. Голованову партийно-политическим руководством страны было отказано в публикации мемуаров. Лишь в конце 1980-х годов мемуары были изданы тиражом всего лишь 600 экземпляров. Голованов был награжден 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденом Красной Звезды, 7 боевыми медалями и 4 иностранными орденами.

ИЗ ОТЧЕТА 4-го ОТДЕЛА РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВВС ГЕРМАНИИ

№ 36412/42 Сентябрь 1943 г. секр. 4 отд. РУВВС

Военно-Воздушные Силы Советского Союза Авиация дальнего действия (АДД)

Предисловие

Прилагаемая разработка «Авиация дальнего действия» представляет собой сборник материалов по русской дальнебомбардировочной авиации по состоянию на сентябрь 1943 г.

Авиация дальнего действия в дальнейшем будет именоваться сокращенно — АДД.

Рассматриваются только те соединения дальнебомбардировочной авиации, которые входят в АДД. Соединения дальнебомбардировочной авиации, дислоцирующиеся на Дальнем Востоке, а также соединения

дальнебомбардировочной авиации Военно-морских сил будут рассматриваться только лишь частично.

Данные для этой разработки были неоднократно проверены, ибо для этого много благоприятных обстоятельств. На достоверность всех данных было обращено особенно серьезное внимание.

Ввиду того что АДД находится в стадии развития, материал необходимо дополнять через некоторое время новыми данными.

I. История развития АДД

Бомбардировочная авиация Советского Союза до войны подразделялась на тяжелую (четырёхмоторные бомбардировщики) и среднюю

(двухмоторные дальние бомбардировщики).

Стремление к объединению вышеуказанных родов авиации в один — тяжелобомбардировочную — было проявлено еще в 1936–1937 гг. (АОН — армии особого назначения).

В 1940 г. на базе АОН было создано 5-е Управление ВВС КА.

Так впервые были объединены все соединения тяжелой и дальней бомбардировочной авиации под единым руководством.

Начальником 5-го Управления был генерал-лейтенант авиации Проскуров. Управление непосредственно подчинялось Главнокомандующему ВВС КА. До апреля 1942 г. все соединения дальнебомбардировочной авиации оставались в подчинении 5-го Управления.





Однако такого рода организация оказалась неприемлемой.

В начале войны перед военным руководством Советского Союза встала серьезная задача создания единой системы подготовки и обучения всех соединений дальнебомбардировочной авиации, ибо налицо были грубые ошибки в ее боевом применении и ощутимые потери.

Уже в первые дни войны высшее командование ВВС КА, вследствие неправильного использования соединений дальней бомбардировочной авиации, потеряло весь состав самолетов-бомбардировщиков и отлично подготовленный для ночных и слепых полетов летный состав. При дневных действиях по переднему краю обороны дальнебомбардировочная авиация выполняла свои задачи без сопровождения истребителями, что привело к огромным потерям.

В апреле 1942 г. военным руководством были приняты решительные меры, и в удивительно короткий

срок был создан «оперативный воздушный флот» — АДД.

В АДД входят все соединения, имеющие на вооружении дальние бомбардировщики, за исключением соединений, дислоцирующихся на Дальнем Востоке, которые продолжают оставаться в подчинении воздушных армий.

АДД представляет собой принципиально новую, в своем роде, организацию авиации.

АДД выводят из состава ВВС КА и во главе ее ставят признанно способного, имеющего боевой опыт генерал-полковника Голованова, который был быстро произведен в маршалы авиации и пользуется чрезвычайно большим доверием у Сталина.

Принимая во внимание ее особые задачи, АДД в дальнейшем получает самостоятельность.

Во избежание всяких трений с Главным управлением ВВС КА АДД подчиняют непосредственно народному комиссару обороны и Ставке Верховного Главнокомандования. [...]

Главная задача АДД состоит в повышении ударной силы всех дальнебомбардировочных соединений посредством единого руководства боевыми действиями на всех направлениях главных ударов наземных войск.

Руководство боевыми действиями осуществляется непосредственно штабом АДД, а не воздушными армиями. Наземные службы АДД также независимы от ВВС.

Кадры для себя АДД подготавливает в своих школах и запасных полках, а при подборе кадров пользуется преимуществом. Для АДД большей частью выбираются опытные и особо способные экипажи.

Личность их командующего и его забота о подчиненных вплоть до низших чинов имеют влияние на эту «аристократию русской авиации».

Под неуклонным руководством Ставки АДД непрерывно развивается. Ее успехи в усовершенствовании материальной части самолетов и в оперативной подготовке эки-



пажей в течение последнего года заставляют рассчитывать, что уже в ближайшем будущем АДД будет эффективно действовать по оперативным целям.

II. Организация АДД

1. Организация высшего командования АДД (штаб и Военный совет)

Организация высшего руководства АДД охватывает наряду с оперативным штабом также административные и технические управления, и все это называется штабом АДД.

Штаб АДД находится в бывшем помещении Военно-воздушной академии им. Жуковского на Ленинградском шоссе, поблизости от Московского Центрального аэродрома.

Во главе АДД стоит командующий — летчик дальнебомбардировочной авиации А. Е. Голованов, который 3 августа 1943 г. был произведен в маршалы авиации. По всеобщему мнению, он считается одним из способнейших генералов ВВС СССР. Имея многолетний опыт как летчик гражданской авиации, он обладает большими летными данными и от-

личным организаторским талантом. В Академии гражданского воздушного флота и во время своей работы в качестве руководителя территориальных управлений ГВФ в Средней Азии и Сибири он получил всесторонние знания в области авиации, в частности в области дальних воздушных сообщений, а также организационно-административные навыки, которые он и использует в настоящее время в военной авиации.

Кроме того, он имеет большую популярность, хорошее общее развитие и обладает большой энергией. Значительно то, что до сих пор никто из пленных летчиков не мог сказать про него ничего отрицательного, что совершенно противоположно по отношению ко многим другим генералам ВВС СССР.

Положение Голованова, а также всей АДД знаменуется очень близким личным отношением Голованова к Сталину. Согласно показаниям военнопленных, Голованов еще в первые годы существования Советской власти, очевидно, был активным деятелем ЧК. Впоследствии он сменил свою работу в партийных органах на профессию простого летчика,

где также успешно проявил себя. В 1938 г. советская пресса отмечала его как летчика-миллионера, налетавшего миллион километров.

Голованов в числе немногих имеет свободный доступ к Сталину, который называет его по имени в знак своего особенного доверия. Как член Ставки Верховного Главнокомандования Голованов не менее значительная личность, чем маршал Новиков, не говоря уже о его обширных знаниях в тактических вопросах.

АДД, особенно обязана личности Голованова тем, что она к сегодняшнему дню является предпочтительным видом авиации СССР, имеет больший авторитет, чем другие виды авиации, и стала любимицей русского народа. Необычайно большое количество гвардейских соединений в АДД — высшее выражение этого.

Заместитель командующего АДД генерал-лейтенант Скрипка (член Военного совета). Заместитель по политической части генерал-майор Гурьянов. Главный штурман АДД подполковник Петухов. Начальник штаба генерал-лейтенант Шевелев. Начальник Оперативного





▲ А.Е. Голованов с заместителем командующего АДД по политической части Г.Г. Гурьяновым

управления генерал-майор Хмелевский. Помощник начальника Оперативного управления подполковник Цоглин. Начальник отдела кадров полковник Синельников. Начальник Разведывательного отдела подполковник Четвериков. Начальник Управления связи инженер-майор Ястребов. [...]

V. Принципы боевых действий АДД

1. Общие принципы

Приказ на боевой вылет штаб АДД получает из Ставки. Не было ни одного случая, чтобы соединения АДД временно выделялись в подчинение командования фронта, но для поддержки важнейших операций войск они применялись с успехом.

Порядок отдачи приказов производится следующим образом:

1) Ставка Верховного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР, исходя из требований штаба того или иного фронта, направляет в штаб АДД приказ о поддержке операций наземных войск соответствующего фронта.

2) Штаб АДД определяет цели с учетом требований штаба фронта. Число частей и соединений, выделяемых для поддержки операций на участке фронта, устанавливается также штабом АДД.

Требование штаба фронта содержит примерно следующее: «Препятствовать перевозкам противника по следующим железным дорогам и шоссе в районе Гомель»... «Вывод из строя следующих ж. д. узлов в районе Гомель»...

Отдельные цели намечались или Оперативным управлением Генерального штаба КА при Ставке, или штабом АДД самостоятельно, в по-

следнем случае цель сообщалась Ставке.

Объекты, расположенные в Германии и в других странах, указывались только Ставкой.

Далее боевые приказы направляются в корпуса, дивизии и полки. В корпусных и дивизионных штабах разрабатываются отдельные детали приказов.

Весной и летом 1943 г. главные удары АДД направлялись по ж. д. узлам центрального и южного участков фронтов и важным объектам прифронтовой полосы.

При налетах на Восточную Пруссию и другие города Германии преследовалась цель морального воздействия на гражданское население, а не нарушение коммуникаций.

Направление главных ударов АДД выбиралось исходя из данных фронтальной разведки. Ударам подверга-



лись места сосредоточения мотомехвойск, установленные разведкой, и в первую очередь на тех участках фронта, где ожидалась наступательная операция противника. Для повышения эффективности ударов налеты проводились, как правило, в одном главном направлении.

В особо важных и решающих налетах все руководство операцией брал на себя лично командующий генерал-полковник Голованов (как, например, зимой 1942 г. в районе Сталинграда).

АДД производит боевые действия в трех различных сферах:

1) Действия по переднему краю обороны противника и по целям в прифронтовой полосе.

2) Действия по тылам оккупированных областей.

3) Действия по объектам Германии и других стран.

а) Боевые действия по объектам прифронтовой полосы

Действия в прифронтовой полосе направляются в первую очередь

по ж.д. узлам, аэродромам, складам, а также местам сосредоточения войск. Операции в прифронтовой полосе проводятся в тесном взаимодействии с одной воздушной армией ВВС.

Все ночные действия русской авиации, за исключением ночных ближайших налетов (У-2 и Р-5), проводились исключительно соединениями АДД, что позволило знать масштабы действий АДД.

Ночная разведка велась также самолетами АДД.

б) Действия по тылам оккупированных областей

По целям, расположенным на оккупированной территории, действовали как отдельные самолеты, так и целые соединения. Удары направлялись главным образом по ж.д. узлам.

Выброску агенты и снабжение партизан производила в основном 1-я транспортная дивизия ГВФ (Внуково), АДД же привлекалась для выполнения этих задач в меньшей степени.

в) Действия по объектам Германии и других стран

Военные действия по Германии и другим странам велись не с точки зрения ведения оперативной воздушной войны, а преследовали в первую очередь цель деморализации гражданского населения.

Ввиду увеличения численности самолетов в АДД, необходимо рассчитывать, что налеты будут аналогичны англо-американским.

Наибольшая глубина вторжения — 1400 км — была достигнута осенью 1942 г. при налете на Будапешт.

г) Использование соединений АДД, для дальних транспортных перевозок. Во время тяжелых для русских наступательных боев летом 1943 г. соединения АДД привлекались для выполнения чисто транспортных задач.

Соединения АДД, многократно привлекались для переброски из района Москвы на важнейшие участки фронта специального воо-





▲ Командир полка Голованов А.Е. первый справа

ружения, боеприпасов и отборных войск. Особенно решающее влияние оказали войска, переброшенные соединениями АДД в район Орла, Курска и Харькова.

Как чисто транспортное соединение дальнего действия до сих пор известна только 1-я дивизия АДД, состоящая из 101, 102 и 103-го транспортных авиаполков. Соединения, предназначенные для транспортных перевозок, не называются «транспортными соединениями», а носят название «соединение АДД», так как они выполняют и боевые задачи.

1-я дивизия АДД была временно подчинена отделу перевозок ВВС КА. По показаниям военнопленных, наличие одной или двух таких дивизий очевидно. Эти соединения выполняют задачи по снабжению боевых соединений АДД боеприпасами, продовольствием и т. д., а также при-

влекаются для сбрасывания листовок в прифронтовой полосе.

Все полки 1-й дивизии вооружены самолетами ПС-84. В других соединениях в качестве транспортного самолета применяются также четырехмоторные самолеты устаревшего типа ТБ-3.

Экипажи этих дивизий частично комплектуются из экипажей разбитых полков, большей же частью они комплектуются из летного состава ГВФ, который сразу же после начала войны был поставлен на службу ВВС (первоначально — как московская авиагруппа особого назначения при штабе РККА). [...]

11. Контроль результатов бомбардирования

Для проверки боевых донесений экипажей и в целях пропаганды результаты ночных действий АДД контролируются с начала 1943 г. фотогра-

фированием. Значение этого контроля за боевыми действиями подчеркнуто приказом маршала Голованова.

Для целей воздушного фотографирования применяется аэрофотоаппарат АФА-13. Перед съемкой сбрасывается магниевая аэрофотобомба ФОТАБ-40. Эта бомба служит для мгновенного освещения цели, для чего имеет специальную конструкцию. Вес такой бомбы 20 кг. Она разрывается примерно в 600 м от земли и освещает в течение доли секунды район ярко-белым светом.

Такой способ аэрофотосъемки дает благоприятные результаты. Для экипажей она является средством подтверждения своего успеха.

12. Потери

В противоположность истребителям и штурмовикам потери АДД сравнительно незначительны. В русских авиационных кругах говорят об АДД,



как об «институте страхования жизни». Все данные говорят о том, что после проведенной реорганизации потери АДД стали еще менее значительны. При этом потери от средств ПВО противника менее значительны, чем потери, которые являются результатом оглошностей, плохой метеоситуации и технических причин.

Чаще всего потери вызываются плохой метеоситуацией. Другими причинами потерь являются отказы материальной части, особенно моторов. Потерь из-за недостаточной подготовки экипажей почти нет, так как молодые экипажи всегда имеют на борту опытного летчика. Потери при ночных действиях к прочим потерям выражаются соотношением 1:4.

Из действующих самолетов АДД больший процент потерь падает на американский самолет Б-25С. Донесение о потерях 16-го АП за период с 1 января по 1 апреля 1943 г. гласит: «7 Б-25 полностью или частично разбиты при вынужденных посадках на своей территории».

Эти потери частично зависят от недостаточного владения техникой пилотирования этого самолета.

Потерь от средств ПВО противника не было.

Потери двух других гв. АП за период апрель — июль 1943 г. составляют 5 самолетов. Как исключение было донесение о потерях 8-го гв. АП в апреле 1943 г.:

1-й боевой вылет — 1 Ил-4
2-й боевой вылет — 3 Ил-4
3-й боевой вылет — потерь нет
4-й боевой вылет — 2 Ил-4
5-й боевой вылет — 2 Ил-4
Всего за 15 дней: 8 самолетов

14. Русская самокритика

Русский человек имеет особенно выраженное влечение к самокритике.

На русских летчиков эта склонность ни в коем случае не действует отрицательно или разлагающе, а наоборот, она спланирует их и служит в целом задачам общего дела.

Эта положительная «критика» служит не только для цели войны,

как это многие считают.

Русские летчики воспитываются в рамках солдатской дисциплины, в строгой критике к самим себе, и при этом на первый план выступает «сомнение в себе». [...]

VII. Система подготовки и обучения личного состава АДД.

1. Общие положения

С признанием русским командованием большого значения создания «оперативного воздушного флота дальнего действия» подготовке кадров АДД, уделяется особенное внимание. Подготовка кадров АДД совершенно независима от ВВС.

Многие данные говорят о том, что училища и резервные полки АДД являются «особым коньком» маршала Голованова. Благодаря личной инспекции, подбору способного преподавательского состава и хорошей организации обучения производи-



▲ Экипаж бомбардировщика Ил-4 получает боевую задачу перед вылетом





▲ Штаб Дальней бомбардировочной авиации

тельность школ сильно возросла, так что до сих пор существовавшая слабая сторона АДД — недостаток в квалифицированных летчиках, штурманах и наблюдателях — в ближайшее время будет устранена.

Еще не так давно подготовка в школах была настолько недостаточной, что приходившие оттуда кадры должны были, по крайней мере, в течение трех месяцев продолжать обучение в полках. В результате проведенной в начале 1943 г. инспекции качество подготовки кадров в школах было улучшено, а количество учебно-летных часов увеличено.

2. Летные школы

До сих пор известны 2 авиашколы АДД:

- а) училище в Мары (Средняя Азия);
- б) училище в Тарши.

Училище в Мары готовит укомплектованные экипажи. После окончания училища экипажи направляются в распоряжение отдела кадров штаба АДД.

3. Подготовка в частях и соединениях

Многообразие задач АДД заставляет тренировать молодые экипажи, особенно летчиков и штурманов, в частях, для чего они должны иметь 100 часов налета по ближним целям. После этого экипажи привлекаются для выполнения боевых задач по дальним целям.

При первых боевых вылетах к молодому летчику приставляется опытный штурман, или наоборот. После прохождения дополнительной подготовки молодые экипажи выполняют боевые задачи самостоятельно.

Подготовка в частях большей частью производится старым летным составом ГВФ (например, 45-я АД). Пополнение летным составом частей производится регулярно и без задержек. Каждая потеря тотчас же восполняется.

Подготовка в частях большей частью производится старым летным составом ГВФ (например, 45-я АД). Пополнение летным составом частей производится регулярно и без задержек. Каждая потеря тотчас же восполняется.

Подготовка в частях большей частью производится старым летным составом ГВФ (например, 45-я АД). Пополнение летным составом частей производится регулярно и без задержек. Каждая потеря тотчас же восполняется.



▲ Федор Добыш





▲ Чекист Голованов



▲ Пилот Аэрофлота

Вывода соединений АДД для переформирования и пополнения не наблюдалось. Так, например, 21-й АП с начала войны все время участвует в боевых действиях. Этот полк в течение 1942 г. только один месяц не участвовал в боях ввиду того, что перевооружался на самолеты Ил-4 и переучивался для ночных действий.

Отношение опытного и неопытного летного состава выражается 1:1.

Наибольший процент летного состава составляет молодежь (18–30 лет). Меньший процент — летчики в возрасте от 30 до 40 лет, которые были призваны в основном из ГВФ как летчики-миллионеры. [...]

5. Снабжение ГСМ

Имеются сведения, что соединения АДД не испытывают недостатков в ГСМ. Снабжение ГСМ идет без задержек.

При занятии немецкими войсками Сталинграда и Кавказа осенью

1942 г. вышло генеральное указание Сталина всем летным соединениям ВВС КА о максимальной экономии горючего. Практически этих указаний АДД никогда не придерживалась. По многочисленным показаниям военнопленных, для «оперативного воздушного флота» СССР «всегда и в любом количестве есть все». [...]

XI. Заключение

Значительным качеством АДД является возможность эластичного и быстрого перенесения направлений своих главных ударов.

Военнопленные говорят о подготовке к массированным налетам по Германии, которые будут аналогичны англо-американским.

Организация корпусов рассчитана на дальнейшую реорганизацию соединений АДД.

Важен тот факт, что месячные пополнения значительно превышают потери, т. е. месячные пополнения

материальной частью самолетов значительно больше потерь.

Ударная сила АДД несомненно растет. АДД подготавливает самолеты и экипажи, для того чтобы осуществить массированный ночной налет на восточную часть Германии 300–500 самолетами. В настоящее время возможно стягивание для налетов на Германию, Венгрию и Румынию до 300 самолетов. Этому пока что противоречит недостаточная летная подготовка экипажей и недостаточная дальность полета основного самолета АДД — Ил-4.

Рассчитывать на то, что для осуществления массированных налетов будет привлекаться летный состав ВВС КА, нельзя, так как эти оба рода авиации имеют принципиально различные особенности действий.

В случае введения на вооружение самолета Ил-6 необходимость переподготовки летного состава очевидна, а это может значительно оттянуть ввод в строй этого самолета.





▲ Дальний стратегический бомбардировщик

Действия АДД по Германии во второй половине 1943 г. пока что исключаются.

Есть вероятность, что высшее руководство Советского Союза, при соглашении с западными союзниками, произведет распределение задач на 1943 г. таким образом, что союзники СССР будут производить массированные налеты на Германию, в то время как Сталин использует свои соединения АДД для поддержки операций наземных войск, чтобы тем самым в боях лета и осени достигнуть решающего прорыва фронта.

Об этой возможности говорит и психологическая точка зрения, так как действия АДД по Германии продолжают оставаться еще в тени по сравнению с мощными налетами англо-американских соединений и представляют больше «демонстрации», чем «ведение оперативной воздушной войны».

Но так или иначе можно рассчитывать на появление соединений АДД над Германией осенью-зимой 1943–1944 гг., причем ясные январские ночи будут создавать хорошие условия для выполнения этих налетов.

Вышеследующая разработка должна была установить в рамках наших знаний в этих вопросах наибольшие возможности АДД и границы ее действий.

Нашей ПВО нужно дать необходимые сведения.

Перевод с немецкого. Из личного архива А. Е. Голованова ■



▲ Надгробие могилы Голованова А.Е.



МИХАИЛ ВЕРШИНИН, фронтовой журналист

МАРШАЛ КОНЕВ



▲ Накануне Берлинской операции

«Крылатые слова А. В. Суворова «Каждый воин должен знать свой маневр» обрели новое содержание в Великую Отечественную войну. Наш воин понимал не только свой маневр на поле боя, но и боевую задачу, поставленную перед ним его генералом. В этом выражались взаимное доверие, непоколебимое единство начальника и солдата. Они оба, отдавая все свои силы и умение, выполняли приказ Родины. Вот почему советский солдат на поле боя инициативен, готов идти на подвиг, преодолевать любые трудности и опасности, вот почему он превосходит противника в воинском мастерстве. Победа далась нам нелегко. Враг был силен и коварен. Тем большей славы достоин советский солдат — чудо-богатырь. Он был храбр в бою, суров и великодушен. Ему мы обязаны нашей победой».

Конев И.С.



**Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев**

— прославленный советский полководец, посвятивший всю свою жизнь делу вооруженной защиты социалистической Родины, мирного труда советского народа.

Родился Иван Степанович 28 декабря 1897 года в деревне Лодейно, ныне Подосиновского района Кировской области, в бедной крестьянской семье. В I мировую войну был призван в армию и после окончания учебной команды унтер-офицеров направлен на Юго-Западный фронт. Здесь под влиянием большевиков участвует в революционном движении солдатских масс. После Октябрьской революции 1917 года ведет активную работу по установлению Советской власти у себя на родине, где избирается членом Никольского уездного исполкома, работает уездным военным комиссаром.

В 1918 году добровольно вступает в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В годы Гражданской войны был комиссаром бронепоезда, затем стрелковой бригады, дивизии, штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Сражался на Восточном фронте против колчаковцев, белогвардейских банд и японских интервентов. Будучи делегатом 5-го Всероссийского съезда Советов и 10-го съезда РКП(б), участ-

ствует в подавлении мятежа левых эсеров в Москве в 1918 году и белогвардейского мятежа в Кронштадте в 1921 году.

Особенно ярко полководческий талант И.С. Конева раскрылся в Великую Отечественную войну. Он последовательно командует войсками 19-й армии, Западного, Калининского, Северо-Западного, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов. Войска, возглавляемые И.С. Коневым, успешно провели ряд крупных операций по разгрому немецко-фашистских захватчиков под Калинином, на Украине, на территории Польши и Чехословакии, на Одере и в Берлине. В годы войны И.С. Коневу были присвоены высокие воинские звания генерал-полковника (11 сентября 1941 года), генерала армии (26 августа 1943 года) и Маршала Советского Союза (20 февраля 1944 года).

После войны И.С. Конев активно участвует в строительстве Вооруженных Сил Советского Союза. Он занимает посту главнокомандующего Центральной группой войск и верховного комиссара по Австрии (1945-1946 годы), главнокомандующего Сухопутными войсками — заместителя Министра Вооруженных Сил СССР (1946-1950 годы), главного инспектора Советской Армии — заместителя военного министра СССР (1950-1951 годы), первого заместителя Министра обороны и главнокомандующего Сухопутными войсками (1955-1956 годы), первого заместителя Министра обороны (1956-1960 годы). С 1955 по 1960 год И.С. Конев — главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора.

Заслуги И.С. Конева высоко оценены Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза (29 июля 1944 года и 1 июня 1945 года), награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1 степени, двумя орденами Кутузова 1 степени, орденом Красной Звезды и Почетным оружием. В числе первых И.С. Конев награжден высшим полководческим орденом «Победа». Он удостоен также звания Героя Чехословацкой Социалистической Республики и Героя Монгольской Народной Республики, награжден многими орденами и медалями ряда социалистических стран и других государств.



СЛОВО О БОЕВОМ ТОВАРИЩЕ

«Иван Степанович, будучи по натуре вспыльчивым человеком, порой круто обходился с провинившимися: мог накричать, допустить резкость, по поводу которой сам же потом очень сожалел. Но я не помню случая, чтобы он, поддавшись минутному настроению, смещал бы офицеров с должностей или же ходатайствовал об их замене. Если командующий убеждался, что провинившийся не потерянный человек и может исправиться, то он горой стоял за подчиненного. А вот безвольных, трусливых людей он терпеть не мог...»

Генерал-полковник К. В. Крайнюков

«Зная его по работе на фронте, должен, прежде всего, сказать, что он любил много бывать в войсках. Обычно, как только примет решение на проведение операции, тотчас же отправляется в армии, корпуса и дивизии и там, используя свой богатейший опыт, готовит войска к боевым действиям...»

Маршал А. М. Василевский

В один из майских дней 1973 года Иван Степанович позвонил из больницы. Приближался День Победы, а Конев плохо чувствовал себя после тяжелой операции, и это угнетало его.

— Как сегодня самочувствие? — спросил я.

— Плохо, — кратко ответил Конев, обычно никогда не склонный к разговору о болезнях. — Оборона моя прорвана на всех направлениях. Отстаиваю последние редуты...

— Но есть еще второй эшелон, третий, четвертый...

Конев на мгновение примолк, потом тяжело произнес:

— Все резервы исчерпаны...

Он и о здоровье говорил, как солдат: оборона, резервы, редуты... Сколько их было в его жизни — этих сражений, какие это были бои!

Пожалуй, лучше многих о полководческом почерке И. С. Конева сказал известный советский писатель Борис Полевой: «У хороших полководцев, как и у хороших писателей, есть свой творческий почерк... Был

свой особый почерк и у маршала Конева. Очень индивидуальный, ярко выраженный почерк, который можно проследить во всех проведенных им операциях.

Западный, Калининский, Степной, 2-й Украинский, 1- Украинский фронты. Сотни боев, десятки сражений, оборонительных и наступательных операций, главным образом наступательных, провел он в дни Великой Отечественной войны... Ни одна из операций в сущности не походит на другую. Каждая развертывалась в особых условиях. Но во всех этих операциях можно найти сходные черты. И это, прежде всего, тщательное изучение сил противника в намеченном месте прорыва. Детальнейшая разведка. Разведка войсковая, воздушная, агентурная и, наконец, командирская разведка на местности...

— Изучение противника и плацдарма будущего наступления надо проводить не отвлеченно, а визуально, — учил он подчиненных. — Все надо предварительно осматривать и заранее прикидывать в уме. Все возможные варианты, которые могут возникнуть в ходе боя. Не-

даром говорят: «Не зная броду, не суйся в воду...» Полководец должен не стесняться ползать на брюхе по передовой...»

Из рассказа маршала Якубовского: «Был трудный, многодневный бой на Сандомирском плацдарме в августе 1944-го. Немцы ожесточенно сопротивлялись, встав на пути нашей танковой бригады. За ними была господствующая высота. Мой НП находился совсем рядом с передним краем. На чердаке сарая. Немцы били по сараю, должно быть, догадались, что здесь кто-то есть. Видимость и для них, и для нас была плохая. Туман. Отсюда и недолеты, и перелеты. Неожиданно в зоне обстрела показались машины. Кто бы это мог быть, думаю. В самое пекло пожаловали. И вдруг ко мне на чердак поднимается Конев.

— Товарищ маршал, — изумился я. И слышу в ответ:

— Что вы тут топчетесь третьи сутки? Где противник? Показывай скорее, — и он поднял к глазам бинокль...

— Местность плохая, — заметил я, — плохо видно.

— Не местность плохая, — отрубил Конев. — А комбат у тебя плохой, выбрать местность не сумел. Мы вот с тобой ничего не видим, а нас отлично наблюдают, всю удаль нашу...

И надо же, в тот момент снаряд врезался в угол сарая. Все, кто был рядом бросились на пол. А я стоял перед Коневым, который отчитывал меня, как ни в чем не бывало.

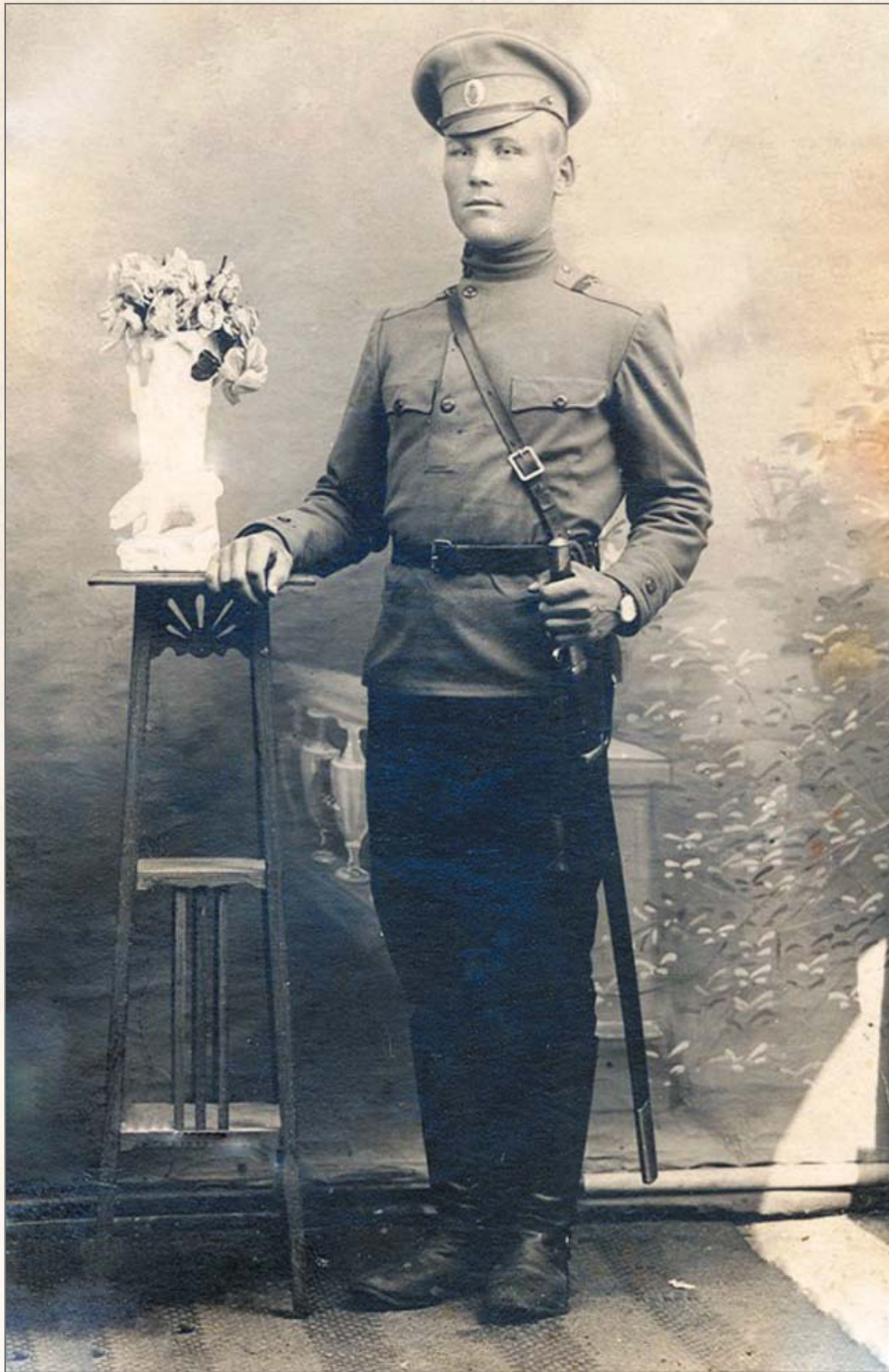
— Какой леший тебя сюда вынес? Кому нужна такая храбрость...

И уже спокойнее:

— Вот что, товарищ Якубовский. Храбрость — это хорошо. Если только она не единственное достоинство командира. Самое главное — это уметь управлять боем».

Наверное, особое полководческое умение — не принимать решения сгоряча, не поддаваться волнению даже в самых критических ситуациях. Борис Полевой рассказал случай (а сколько их было за годы войны), свидетельствующий, я бы сказал, о мудром хладнокровии Ивана Степановича.





▲ 1916 год, унтер-офицер императорской армии Иван Конев

Когда осенью 1941 года сложилось опасное положение на Калининском направлении, туда с чрезвычайными полномочиями был направлен И. С. Конев в сопровождении двух офицеров, шифровальщика и подвижной радиостанции. Приехали в Калининский военкомат. Однако у военкома не было ясности об обстановке. Было лишь известно,

что немцы прошли город Зубцов. Конев прикинул, что противник может быть в городе дня через два-три.

Во дворе военкомата собралось много людей: жены военнослужащих, дети. Кругом атмосфера нервозности, паника. А надо было заниматься делом. Конев решил пойти на хитрость, которую когда-то вычитал в книге о Суворове. Сказал военкому: «Рас-

порядитесь принести в ваш кабинет койку. Мне надо отдохнуть с дороги». Принесли койку. Конев снял сапоги, не раздеваясь, лег на неё, прикрылся шинелью. Пронесся слух: заместитель командующего фронтом отдыхает. Люди как-то сразу успокоились. Двор опустел, народ разошелся по домам. А Конев немедленно занялся организацией обороны.

Маршальские погоны И. С. Конев получил 20 февраля 1944 года после блестящего завершения Корсунь-Шевченковской операции. Судите сами: потери противника составили 55 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 18 тысяч пленных, в качестве трофеев взято большое количество боевой техники и вооружения.

И вот глубокой ночью в доме командующего 2-го Украинского фронта в деревне Толстое раздался звонок высокочастотного телефона.

«Сталин: Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршал Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?»

Конев: Благодарю, товарищ Сталин.

Сталин: Ну, хорошо, отдыхайте, устали, наверное?»

А на следующий день к вечеру из Москвы прилетел самолет: заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков прислал Ивану Степановичу маршальские погоны.

Вспоминает писатель Савва Дангулов: «Он стоял, чуть сощурив глаза, легко раскачиваясь, охватив кожу ремня большими руками, будто подбоченясь. Широконосый, чуть сутулый, с остро глядящими, улыбчивыми и хитроватыми глазами. Конев пребывал в отличном состоянии духа и не хотел скрывать этого — в конце концов трудных дней и раньше было предостаточно.

— Корсунь даст нам такую силу разбега, какую мы давно не имели, — произнес он и посмотрел в окно, казалось, он видел уже движение армий. — Именно разбега,



а это в наступлении важно... — Он протянул руку корреспонденту английской «Таймс». Рука у него была жестковатой, ощутимо твердой, в руке была энергия действия. Да, он так и сказал: «Корсунь даст нам... силу разбега...» — и, надев кожанку, пошел через заснеженный двор к танку, что, казалось, стоял наготове, ожидая его».

2-й Украинский шел на запад.

Часто в действующей армии слышал я от военных такое выражение: «Коневский характер». Попытался разобраться, что за этим стоит. Спрашивал.

Командир 6-го гвардейского кавкорпуса, генерал И. Ф. Куц: «Коневский характер — это знание, решительность и убежденность».

Вот один из примеров коневской убежденности.

...В двадцатых числах июня 1944 года Конев, недавно назначенный командующим 1-м Украинским фронтом, был вызван в Москву. Встреча с Верховным состоялась 23 июня в Кремле.

Здесь же, в кабинете Сталина, находились члены ГКО, Политбюро ЦК

ВКП (б), представители Ставки и Генштаба.

Конев доложил замысел операции, указав на карте, как войска фронта двумя мощными ударами на Львовском и Рава-Русском направлениях должны рассечь группу гитлеровских армий «Северная Украина», окружить и уничтожить врага в районе Броды.

— А почему два удара? — зажимая трубку и разгоняя рукой сизый дымок, спросил Сталин. — Может быть, два удара и не стоит наносить? Пусть вместо двух ударов будет один мощный, сокрушительный.

И. С. Конев убедительно и обоснованно доказывал, что конкретная обстановка требует нанесения именно двух ударов. Он отметил, что один удар, пусть даже очень мощный, будет выталкивать противника, а не уничтожать его. В этом случае у немецко-фашистского командования окажется больше возможностей для маневра и парирования наших усилий.

— Прошу вас, товарищ Сталин, — заявил Конев, — взять за основу оперативный план фрон-

та и утвердить его. Фронт — крупное войсковое объединение. И мы в силах самостоятельно решать большие задачи.

Вспоминает член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковник К. В. Крайнюков: «Мне казалось, что Сталин вот-вот возразит Коневу, пожурит его за напористость и поступит по-своему. Однако нет! И. В. Сталин по-прежнему размеренно ходил по кабинету, о чем-то размышляя. Без тени раздражения он внимательно слушал доводы Конева, продолжавшего утверждать, что два концентрированных удара сулят нам больше оперативных выгод, нежели один.

Потом вдруг Сталин остановился возле Ивана Степановича, пытливо посмотрел на него и с характерным акцентом бросил: — Вы очень упрямы! — После некоторой паузы, пряча усмешку в усы, добавил: — Что ж, может быть, это и неплохо. Когда человек так решительно отстаивает свое мнение, значит, он убежден в своей правоте...»

План операции с сохранением двух ударов Ставкой был утвержден.





▲ Разговор с Верховным Главнокомандующим

Когда войска 1-го Украинского фронта форсировали Вислу и расширяли плацдармы, И. С. Коневу стало известно о Якове Джугашвили. Разговор со Сталиным он начал без всяких вступлений: — товарищ Сталин, не знаю, как и начать. Тут такое дело. Речь идет о вашем сыне Якове. Один наш пленный офицер долгое время сидел с ним вместе в лагере. Потом бежал. Был ранен тяжело и умер в пути. Но успел передать своему попутчику всё, что сказал ему Яков. Теперь из партизанского отряда доносят: ваш сын остался тверд и всё, что пишут о нем немцы, — враньё. Он не изменял и никогда не изменит Родине...

В телефонную трубку слышалось тяжелое дыхание Сталина. Наконец он отозвался: — спасибо, товарищ Конев, Красная Армия идет вперед, освобождая советских людей, попавших в руки врага. Надеюсь, что вместе с тысячами других несчастных она освободит и моего сына. Вместе с тысячами...

С 16 апреля 1945 года войска 1-го Украинского фронта (командующий Маршал Советского Союза И. С. Конев), войска 1-го Белорусского фронта (командующий Маршал Советского Союза Г. К. Жуков) и войска 2-го Белорусского фронта (командующий

Сталин заметил, что операция должна пройти безупречно и принести желаемый результат.

— Нам нужен успех в этом районе, — сказал Сталин. — Непременно нужен...

Позднее маршал Конев заметил по этому поводу:

— Скажу откровенно, не упрямство владело мною, а убежденность в своей правоте. Мне был вверен фронт, насчитывающий более миллиона человеческих жизней, и я отвечал не только за выполнение плана предстоящей операции, но и за жизнь людей, которых пошлю в бой. Я ставил вопрос открыто и прямо и не мог, не имея права утаивать свои мысли... Кстати, Сталин понимал людей, которые твердо и открыто отстаивали свое мнение в принципиальных вопросах...

Подтверждением правоты маршала Конева стал блестящий результат Львовско-Сандомирской опера-

ции, достигнутый войсками фронта. 32 гитлеровские дивизии из группы «Северная Украина» были разгромлены, 8 — полностью уничтожены.



маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский) начали завершающую наступательную стратегическую Берлинскую операцию. Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. В. Сталин сказал: «Кто первым ворвется — тот пусть и берет Берлин».

На Берлинском направлении, как это было впоследствии установлено, у противника находилось не менее миллиона человек, более 10 тысяч орудий и минометов, 1 500 танков и штурмовых орудий, 3 300 боевых самолетов, а в самом Берлине спешно формировался двухсоттысячный гарнизон.

Из фронтовых записей Бориса Полевого: «Приходилось ли кому-нибудь из военачальников этой или другой войны решать более сложную задачу, более важную задачу, чем та, которую предстоит сейчас решать Маршалам Советского Союза Г. К. Жукову и И. С. Коневу в этом сражении, втянувшем в себя несколько миллионов солдат, десятки тысяч орудий, танков, самолетов?»

А между тем лицо Конева спокойно. Я бы даже сказал, обыденно. И вот опять из-за канала послана очередь, где-то у самых ног маршала цвиркнула пуля и, взвизгнув, отрикошетила, или, как говорят солдаты, ушла за молоком. Он только посмотрел к её сторону и продолжал телефонный разговор с командармом Лелюшенко, передавая какой-то приказ, связанный с боями в Потсдаме...»

Из рассказа маршала Конева: «Второго мая в Берлине раздался телефонный звонок из Москвы. Знакомый глуховатый голос Сталина по ВЧ:

— Здравствуйте, товарищ Конев!

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Поздравляю вас в Первом мая!

— И вас поздравляю, товарищ Конев! Ну как вы там празднуете в Берлине?

— Празднуем, товарищ Сталин! Все празднуют! Хороший Первомай!

— Молодцы! — послышалось в трубке.

Пауза. И снова голос Сталина:

— Слушай, Конев! А Прагу ты думаешь взять?!

— Конечно, думаю, товарищ Сталин!

— Я хотел, чтобы именно ты её взял! Понял?

— Понял, товарищ Сталин! Малиновскому дальше, чем нам...

— При чем тут Малиновский? — послышалось в трубке...

— Понял, товарищ Сталин! — сказал я так, чтобы Сталин убедился, что я его понял. Речь шла, конечно, не о Малиновском, а о союзниках, которые подходили к Чехословакии на кратчайшее расстояние от Праги.

— Жду от тебя план операции по освобождению Праги...

План родился в течение нескольких часов и на следующий день был в Москве. Сталин позвонил в пол-

ночь, сообщил, что план принимается.

— Готов? — спросил Сталин.

— Готов! — ответил я, окрыленный тем, что наступили последние дни войны и нам предстоит завершить её — разгромом последней гитлеровской группировки Шернера.

— Ну, с богом, начинай! — напутствовал товарищ Сталин.

Памятное напутствие. С Богом, так с Богом! Хотя с чертом, лишь бы освободить Прагу и поставить точку на освобождении Европы от фашизма. Сталин предупредил, что придется действовать осмотрительно, чтобы спасти от разрушения древнюю Прагу. Поэтому город не бомбить. Ни в коем случае...»





Тогда я видел, как сотни тысяч пражан приветствовали на Вацлавской площади маршала Конева. Его машина еле пробивалась через этот кордон счастья и всенародного ликования. В гостинице «Алькрон» на Штепанской улице маршала ждали чехословацкие товарищи, доставленные самолетом из Кошиц. Среди них были Готвальд, Свобода, Фирлингер...

Из рассказа маршала Конева: «9 мая после освобождения Праги состоялся новый разговор с товарищем Сталиным по телефону. Первый день мира.

— Поздравляю вас, товарищ Сталин, с нашей победой!

— И вас поздравляю, товарищ Конев! Хорошая победа! Очень хорошая победа! — донесся по ВЧ голос Сталина, хотя и глухой, но отчетливый... — Как с Прагой?

— Прага спасена...

— Ну, вот и прекрасно! Мы выполнили свой братский долг. Это — главное. Передайте мои дружеские

чувства чехословацкому народу и благодарность всему личному составу фронта».

Летом 1945 года маршал Конев был уже в Австрии. И мне довелось несколько раз встречаться с ним, видеть его на большом политическом посту во главе Союзного Контрольного Совета.

Его отношение к освобожденной Австрии было преисполнено заботы о скорейшей нормализации жизни в этой стране, одной из первых ставшей жертвой гитлеровских захватчиков.

Никогда не забуду замечательный день 28-й годовщины Советской Армии и торжественное чествование наших воинов в венском Хофбурге. На приеме советских военачальников окружали гости — генерал Кларк и другие союзнические представители в Австрии, президент Реннер, бургомистр Кернер, были и гости из СССР, мастера искусств.

В своем выступлении на приеме в честь годовщины Советской Армии президент Австрии Реннер особо отметил заслугу маршала Конева в помощи населению Вены, спасенному от голода и перебоев в снабжении. Напомню читателю, что 23 июля 1945 года на Потсдамской конференции Трумэн и Черчилль обратились к Сталину с просьбой, чтобы СССР взял на себя снабжение продуктами население западных зон Вены, так как из-за отсутствия транспортных средств США и Великобритании не могут этого сделать.

— Разрешите мне переговорить с маршалом Коневым, — сказал Сталин.

Проблема была сложнейшая, так как в англо-американских секторах проживало 875 тысяч жителей.

На другой день Сталин сообщил, что переговорил с маршалом Коневым в Вене.

— Конев не прекращал выдачи пайков населению Вены независимо от зон, — сообщил Сталин Тру-



▲ Прага 9 мая 1945





▲ Парад Победы 24 июня 1945

мэну и Черчиллю. — И не прекратит до того момента, пока американцы и англичане не найдут возможности что-либо предпринять.

— Австрия никогда этого не забудет, — говорил на приеме Реннер. — Красная Армия нас не только освободила, но помогает нам встать на ноги, господин маршал!

Американский генерал Кларк пробовал пошутить. Поднимая тост за маршала Конева, он посетовал, что у Конева сильная воля, он говорит все время голосом старшего начальника.

Конев улыбнулся:

— Верно! Товарищ Сталин меня всегда укорял, мол, ты, Конев, хороший солдат, но плохой дипломат. Что поделать! На меня, вам, господин Кларк, обижаться нечего. Обижайтесь на своего президента за то, что он не произвел вас в маршалы. Мы тут ни при чем. Пока же я здесь старший по званию, а с этим при-

ято считается в армиях всего мира и во все времена...

Кларк не мог не рассмеяться:

— О, маршал Конев, вы отличный дипломат! С вами трудно спорить...

...Миновали десятилетия.

В 1965 году заслуженному полководу подрастающая юность присвоила новое звание — «Комсомольский маршал». Для молодежи он снова стал старшим по званию. Миллионы юношей и девушек нашей страны начали под командованием маршала Конева замечательный поход поколений по местам боевой и трудовой славы советского народа. Эстафетой подвига назвал его Иван Степанович Конев. «Глядя в глаза юности, мы и сами молодеем», — любил повторять маршал. Каждая встреча с молодежью делала его счастливым. А молодежь, в свою очередь, училась у него беззаветно любить и свято беречь нашу Советскую Родину.

Вспоминается встреча с Коневым в большом зале Политехнического музея в Москве. Аудитория собралась разная: ветераны войны, ученые, молодежь. Когда слово представили Коневу, все притихли. О чем будет говорить прославленный маршал? О своих сражениях, победах? Но речь пошла о другом — о духовном облике человека.

- Нас, военных людей, военачальников, иногда представляют уж слишком однобоко. С одной стороны, как огрубевших в годы суровой службы солдат. С другой стороны — людей сугубо профессиональных. То есть мало что знающих, кроме своей военной профессии. Я считаю это глубоким заблуждением. При всем том, что мы разного происхождения, кто из рабочих, кто из крестьян, все мы, пришедшие в Красную Армию с Великим Октябрем, одухотворены революцией. И это выше всех раз-





личий. Идеи Маркса, идеи Ленина вошли в плоть и кровь каждого из нас. И ленинский призыв учиться, учиться и учиться стал для нас законом жизни.

Никто не ожидал от Конева этого разговора. А он приводил один за другим многочисленные примеры из произведений Льва Толстого, Клаузевица, Фрунзе, размышлял о духовном мире Кутузова, Багратиона, Дениса Давыдова...

Борис Полевой так охарактеризовал маршала в беседе с английским писателем Александром Вертом: «Очень любит читать, поэтому возит всегда с собой целую библиотеку. Увлекается чтением Ливия, а также наших классиков, которых любит цитировать в разговоре, — то тут, то там ввернет что-либо из Гоголя, или Пушкина, или же из «Войны и мира»... Он очень аскетичен в своих привычках, не пьет и терпеть

не может, когда кто-нибудь напивается. Очень требователен к самому себе и к другим... Он прекрасный стрелок. Ну что еще можно сказать о нем? Он прилично знает английский язык и довольно легко читает по-английски».

Читал Конев очень много, жадно интересовался проблемами литературы как художественной, так и общественно-политической. Любил поэзию Маяковского, Твардовского, Багрицкого, Светлова.

Помню, как однажды вступился он за Маяковского в полемике с одним из известных поэтов.

— Писать надо надолго, на века, — горячо убеждал поэт. — Плакаты, отклики на злобу дня, которые делал Маяковский, это мотыльки, однодневки.

— Тут я тебе не союзник, — возразил Конев. — С Маяковским и без нас ясно: его стихи для всех поколе-

ний и для всех народов. Маяковский как-то сказал, что Великая Октябрьская революция бессмертна, а он её певец! Всё тут верно. Это ведь у кого какой голос, — рассмеялся Иван Степанович. — У кого клекот орлиный, а кто кудахчет, как курица.

Поэт, помню, обиделся, но Конев и не подумал «сглаживать» ситуацию: в своих оценках он был всегда прямодушен и не терпел комплементов. После войны мы как-то разговорились о литературе.

— Ваши любимые стихотворные строки?

И. С. Конев: «А он мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой».

— Ваше любимое произведение? — Горьковский «Буревестник».

Вступив в 20 лет в партию большевиков, он прожил жизнь борца — очень счастливую, как он говорил, жизнь. ■



**КОНЕВ
ИВАН
СТЕПАНОВИЧ,
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

**«МЫ, ФРОНТОВИКИ,
НЕ ЗРЯ ПРОЖИЛИ ЖИЗНЬ,
МЫ СУМЕЛИ РАЗГРОМИТЬ ФАШИЗМ
И ВСЕЛИТЬ ВЕРУ В ТОРЖЕСТВО
НАШЕГО ОБЩЕГО ДЕЛА.**

**ТАК ПУСТЬ ЖЕ
КАЖДЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
ПОМНИТ И ЧТИТ
ЗАВОЕВАНИЯ ОТЦОВ И ДЕДОВ,
ВСЕГО СОВЕТСКОГО НАРОДА».**



К 100-летию со дня основания

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННЫЙ КЛИНИЧЕСКИЙ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ ИМ. П.В. МАНДРЫКА

КРАЙНЮКОВ П. Е., Начальник Центрального военного клинического госпиталя им. П. В. Мандрыка МО РФ, д.м.н., доцент, генерал-майор медицинской службы.

СИМОНЕНКО В. Б., д.м.н. Член-корреспондент РАН, генерал-майор медицинской службы. Врач консультативного отдела ЦВКГ им. П. В. Мандрыка. Заслуженный врач РСФСР. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

АБАШИН В. Г., д.м.н. профессор, полковник медицинской службы в отставке. Врач консультативного отдела ЦВКГ им. П. В. Мандрыка. Заслуженный врач Российской Федерации.



▲ Малый Знаменский переулок д. 3. Усадьба Лопухиных XVII века. Вид со стороны двора. 2013 г. Фото В.Г. Абашина.



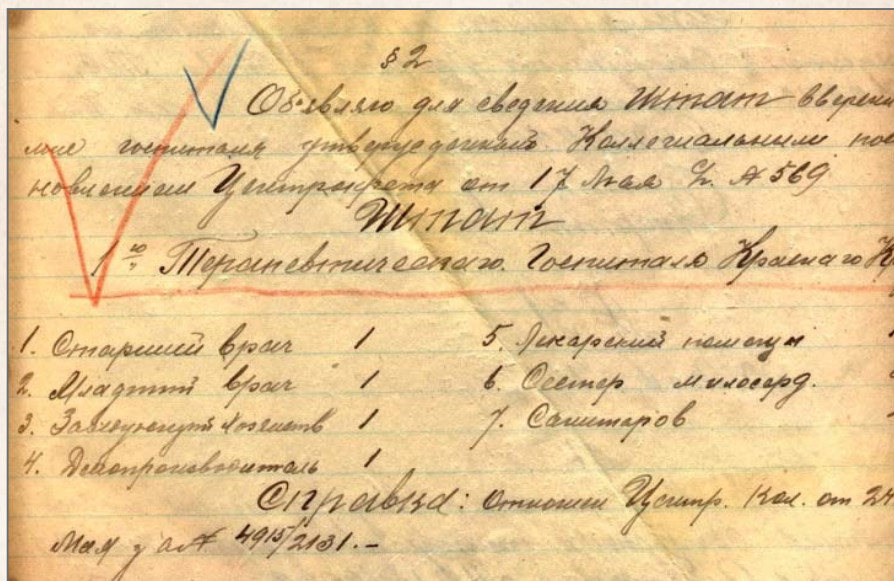


«Если позволено будет провести параллель между историей народа и историей какого-либо учреждения, то учреждение может претендовать на свою историю только тогда, когда оно играло свою роль в общей жизни своей страны и в культуре своего народа, недостаточно только просуществовать сто, двести, триста или более лет».

А.Н. Алелеков, 1907 [1].

Свою историю Центральный Военный Клинический госпиталь им. П.В. Мандрыка начинает с небольшого госпиталя Российского Общества Красного Креста (РОКК), который был создан в 1919 г. Госпиталь формировался для отправки в тыловые районы Действующей Армии. Первоначально он был дислоцирован в г. Серпухов в 100 км к югу от Москвы. В госпитале на 50 коек было развернуто 2 отделения: терапевтическое и «заразное». Кроме того, функционировала аптека и администрация (делопроизводство) [1, 2, 3].

17.05.1919 г. Госпиталь Красного Креста был официально передан для медицинского обеспечения личного состава Полевого штаба Реввоенсовета Республики («Р.В.С.Р.»).



▲ Приказ по госпиталю от 28.05.19 г. №35 г. Серпухов. Архив Госпиталя.

ПРИКАЗ ПО ГОСПИТАЛЮ ОТ 28.05.19 Г. №35 Г. СЕРПУХОВ

«§2. Объявляю для сведения штат вверенного мне госпиталя утвержденный Коллегиальным постановлением Центрокреста от 17 мая сг №569.

ШТАТ

1-го Терапевтического Госпиталя Красного Креста

1. Старший врач	1	5. Лекарский помощник	1
2. Младший врач	1	6. Сестер милосердия	8
3. Заведующий хозяйством	1	7. Санитаров	20
4. Делопроизводитель	1		

Справка: Отношение Центр. Кол. от 24 мая за №4915\2131.
Старший врач А. Любушин».

По новому штату, утвержденному Коллегиальным Постановлением «Центрокреста», он был рассчитан на 100 коек и получил название «1-й

Терапевтический Госпиталь Красного Креста». Первым Старшим врачом госпиталя был назначен Александр Алексеевич Любушин.

В июле 1919 г. начался Московский поход Вооруженных Сил Юга России. Белые войска приближались к Москве. В связи с этим было при-



нято решение о переводе Полевого Штаба. Вместе с ним в Москву последовал и госпиталь. Он был развернут в Малом Знаменском пер. д. №3 («Усадьба Лопухиных»).

С этого момента самой судьбой Госпиталю было предписано следовать за командным составом Красной Армии.

«Усадьба двух эпох...»

В основном здании усадьбы были развернуты терапевтическое и «заразное» отделения, было выделено помещение для перевязочной (а впоследствии и операционной). В полуподвальном помещении разместились кухня. Во флигеле разместились администрация госпиталя, хозяйственные службы и общежитие сотрудников. По новому штату в госпитале было уже 4 врачебные должности: Старший врач (А. А. Любушин) и 3 ординатора (Я. Ю. Кацнельсон, М. В. Михайлова, М. Г. Гулевич). Была организована работа госпитальной аптеки. Появился штат хозяйственных работников — дворник, рабочий по двору, истопник, кастелянша, прачка, слесарь и плотник, была введена должность «пильщик и подносчик дров» [1, 2, 3].



▲ Старший врач Госпиталя Архипов Александр Михайлович.



▲ Малый Знаменский переулоч д. 3. Усадьба Петрово-Соловово Марии Михайловны с 1915 г. Фасад здания по Малому Знаменскому пер. Центр-Музей имени Н.К. Рериха. 2013 г. Фото В.Г. Абашина.

1.11.1919 г. на должность Старшего врача назначен Александр Михайлович Архипов. При нем (с 14.05.1920 г.) госпиталь выводится из состава РОКК и реформируется в «936 Полевой Запасной Госпиталь при Полевом Штабе Р.В.С.Р» на 210 коек.

Объем оказываемой в госпитале помощи расширяется: 1.11.19 г. в госпитале создаются «заразное», хирургическое, терапевтическое и гинекологическое отделения; 20.10.1920 г. на работу приняты первые «зубные врачи». Госпиталь постепенно становится многопрофильным.

В конце 1920 г. на должность Старшего врача назначен Михаил Яковлевич Сапаров. Госпиталь был передислоцирован в здание «Хирургической лечебницы С. М. Руднева» (Филиал «Лит. «Б», Серебряный пер., д. 4/10) и в Большой Ржевский переулке дом. 11 (Филиал «Лит. «А»). В здание «Лит. «А» переместили терапевтическое и «заразное» отделения.



▲ Серебряный пер. дом 4/10. «Хирургическая лечебница С. М. Руднева» — Филиал Госпиталя «Лит. «Б». Вид по Кривоникольскому переулку. Архив Госпиталя.





▲ Большой Ржевский переулоч дом №11. Филиал Госпиталя «Лит. «А».

Часть помещений было отведено под общежитие сотрудников госпиталя, аптеку и клуб. В филиале госпиталя «Лит. «Б» развернули хирургическое (мужское и женское) и гинекологическое отделения, разместили операционные, перевязочные, лабораторию; были выделены помещения для амбулаторного приема. Палаты для больных разместили на 2 и 3 этажах. На этажах были ванные комнаты и санузлы. В цокольном этаже (его считали за 1-й этаж) расположилась канцелярия, приемное отделение и было определено место под рентгеновский кабинет [1, 2, 3].

В здание «Лит. «А» в Большом Ржевском переулочке переместили терапевтическое и «заразное» отделения. Часть помещений было отведено под общежитие сотрудников госпиталя. Кухня была оборудована в цокольном помещении. Здесь же расположили аптеку и клуб.

В мае 1921 г. Госпиталь расширяется за счет вновь созданного санатория. Госпиталю передаются 4 здания двух усадеб (усадыбы Кеслера и усадыбы Преферанцева) в Новых Горках на станции Болшево. Полу-



▲ Корпуса санатория. Слева-направо: лечебный (спальный) корпус, переход-галерея (кинозал, бильярдная и т.д.), столовая.



▲ Первый лечебный корпус санатория.

ченный Госпиталем подмосковный участок местности отличался красивым хвойным лесом и исключительно чистым воздухом.

20.10.1921 г. на службу в госпиталь (к тому времени — «Московский Военный Госпиталь №5 Штаба РККА» на 300 коек) прибывает Петр Васильевич Мандрыка.

В начале 1923 г. филиал госпиталя в Большом Ржевском пер. был за-

крыт. С этого момента госпиталь развернут в здании лечебницы доктора С.М. Руднева по Серебряному пер., дом 4/10. Хирургическое отделение (мужское и женское) на 45 коек осталось на 3-м этаже, а терапевтическое на 30 коек — на 2-м этаже.

6.03.1923 г. Петр Васильевич Мандрыка назначен Главным врачом МВГ №5. С назначением П.В. Мандрыка на должность меняется систе-





▲ Надпись на обороте: «Группа врачей Госпиталя. 1931 г. Слева-направо: Стоят: Соболянов Г. А, Лодочников С. И., Григорович К. А., Филатов С. С., Сергеев А. К. Сидят: Кагаловский Л. О., Филиппович С. Г., Рейтлингер М. Ф., Мандрыка П. В., Герасимчук Д. И., Шувалов Д. Ф.».

ма организации оказания специализированной помощи.

Штатный состав хирургического и терапевтического отделений (по 2-3 врача) не мог оказать должного уровня помощи по всем направлениям хирургии (абдоминальная, «костная», нейрохирургия, урология, онкология и т. д.) и терапии (пульмонология, гастроэнтерология и т. д.). Для оказания помощи больным Петр Васильевич приглашает консультантов. Для консультаций П. В. Мандрыка привлекал ведущих специалистов города и страны: хирургов (проф. А. В. Мартынов, проф. С. П. Федоров, проф. П. А. Герцен и др.) и терапевтов (проф. М. П. Кончаловский, проф. М. И. Певзнер, проф. В. Л. Эйнис и др.). Эта система была наиболее приемлема для организации специализированной помощи в небольшом многопрофильном Госпитале. Опе-

рируя вместе с профессорами и консультируя у них больных, П. В. Мандрыка и врачи отделений постоянно повышали свою квалификацию [4].

С августа 1931 г. госпиталь закрывается на капитальный ремонт (реконструкцию), который будет продолжаться до февраля 1932 г. В результате реконструкции в здании госпиталя были надстроены 3 и 4 этаж. Оба надстроенных этажа были запланированы для работы терапевтических отделений: на 4 этаже — отделение на 30 коек, на 5 этаже — мужская и женская терапия на 35 коек.

25.07.34 г. Госпиталь был переименован в Центральный Военный Госпиталь Народного Комиссариата Обороны СССР.

Врачи госпиталя принимали непосредственное участие в военных действиях конца 1930-х годов: Гражданская война в Испании (хирург

В. А. Чистов, 1937-1938 гг.), бои на р. Халхин-Гол и оз. Хасан (зав. лабораторией В. Ф. Шувалов, 1939 г.), Советско-финская война (хирург С. С. Филатов, 1939-1940 гг.).

К 1941 г. в госпитале были развернуты: 1-е и 2-е хирургические отделения, 1-е и 2-е терапевтические отделения и Санаторное отделение (Болшево). 14.05.1941 г. была создана Поликлиника госпиталя, а в его состав были включены поликлиники 1-го Дома НКО, 2-го Дома НКО, отделение поликлиники в Покровском-Стрешнево, медпункты в п. Лосиноостровское и п. Салтыковка.

С началом Великой Отечественной войны госпиталь сформировал:

Филиал ЦВГ НКО (поликлиника) на станции Далматово Челябинской области (Начальник поликлиники военврач 2 ранга Данилов Николай Николаевич);





▲ Мандрыка Петр Васильевич

Медицинские пункты на базе поликлиник при 1-м и 2-м Домах НКО (для обеспечения офицеров, оставшихся в Москве с Верховным Главнокомандующим);

Объект формирования медицинских подразделений для фронта («Объект №1» в школе №73, Серебряный пер., д. 2; Начальник объекта формирования военврач 2 ранга Лихтер И. Л.);

Поликлинику Центральных Управлений НКО (г. Куйбышев; Начальник поликлиники военврач 1 ранга Рябов Григорий Захарович);

Филиал ЦВГ НКО в г. Свердловск.

Госпиталь обеспечивал медицинское сопровождение эшелонов с эвакуированными членами семей начсостава НКО в Челябинскую обл., в дом отдыха «Чебаркуль» и на станцию Далматово.

Многие врачи госпиталя были направлены в Действующую армию: врач-хирург Голубенцев Н. А. (29.06.41 г.), военврач 2 ранга Федотов А. Ф. (25.06.41 г.), военврач 1 ранга Л. В. Фрунзе-Боголюбова (15.10.41 г., в распоряжения начальника Санотдела САВО), Бригврач Чистов В. А. (18.08.41 г. назначен хирургом 29-й Армии), военврач 1 ранга Шелагинов С. Т. (17.06.41 г., в распоряжение НачСанУпра КА) [1, 2, 3].

С 30.01.1942 г. ЦВГ НКО закрыл некоторые филиалы и продолжил работу в Москве на основной базе.

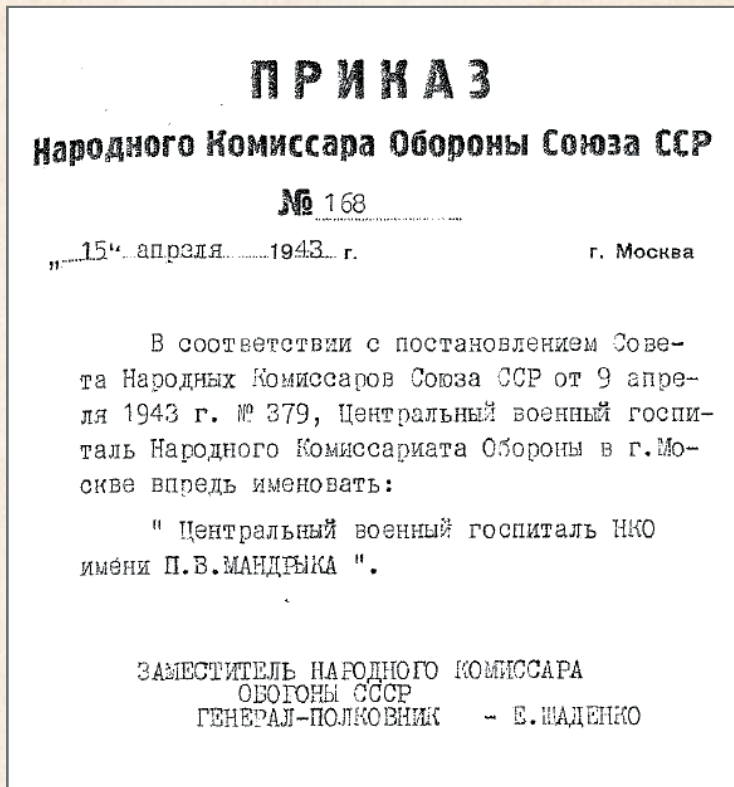
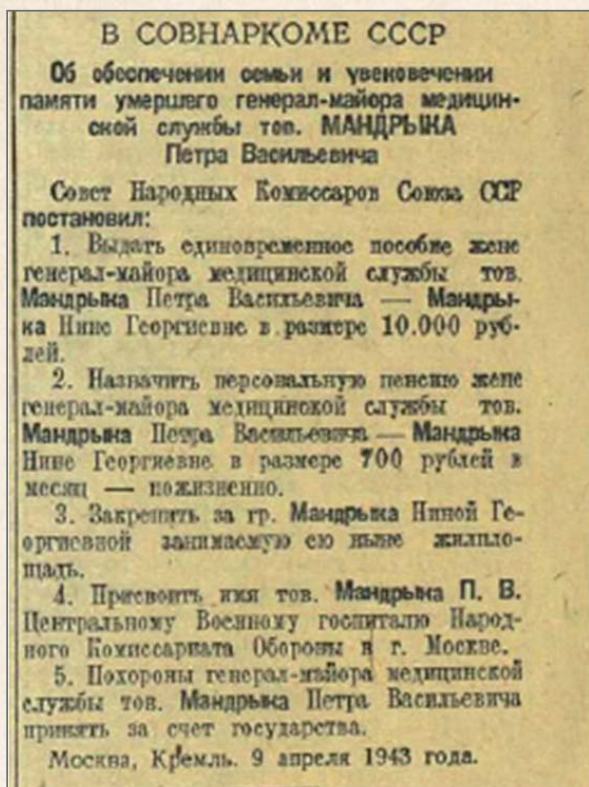
С сентября 1942 г. в штат госпиталя было включено детское отделение, переданы 4 детских сада и детская комната при приемной Наркомата Обороны.

8.04.1943 г. в своем рабочем кабинете умер Начальник ЦВГ НКО генерал-майор медицинской службы Петр Васильевич Мандрыка. Уже на следующий день 9.04.1943 г. следует Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР №379 «О присвоении ЦВГ НКО имени П. В. Мандрыка» и «Об обеспечении и увековечении памяти умершего генерал-майора медицинской службы тов. Мандрыка Петра Васильевича». Сообщения о смерти П. В. Мандрыка и Некрологи были опубликованы в газетах «Правда» и «Красная Звезда» за 10.04.1943 г. Под ними стояли подписи: «Ворошилов, Жуков, Василевский, Буденный, Воронов, Хрулев, Городовиков, Говоров, Тюленев...» и др.

Начальником госпиталя назначается генерал-майор медицинской службы Коровай Владимир Артемьевич.

17.05.1944 г., в связи с 25-летием, Центральный Военный Госпиталь поздравил Верховный Главнокомандующий И. Сталин. Госпиталю был вручен Орден «Красного Знамени». Более 50 сотрудников были награждены орденами и медалями. Указ о награждении Госпиталя и поздравление И. В. Сталина были опубликованы в газете «Красная Звезда» №116 от 17.05.1944 г. Приказом Начальника Тыла Красной Армии от 4.06.1944 г. за №109 Госпиталь был переименован в «Центральный





▲ Из Газеты «Красная Звезда» от 10 апреля 1943 года.

▲ Приказ о «Присвоении Центральному воен-
 ному госпиталю имени П. В. Мандрыка».

Военный Краснознаменный Госпи-
 таль имени П. В. Мандрыка».

В первые послевоенные годы (1946-1956 гг.) значительное внима-
 ние уделяется организации меди-
 цинской помощи военнослужащим
 и вольнонаемному персоналу Цен-
 трального аппарата ИКО. Совершен-
 ствуется работа уже существующих
 поликлиник, и создаются новые по-
 дразделения.

В 1948 г. для обследования офи-
 церов и генералов руководящего со-
 става Центральных и Главных Управ-
 лений Министерства Вооружённых
 Сил СССР в ЦВКГ и поликлиниках
 при 1-м и 2-м Доме МВС создаются
 «Диспансерные отделения». На вра-
 чей отделений была возложена за-
 дача постоянного диспансерного
 обеспечения этой группы. Для вы-
 полнения указанных мероприятий
 недостаточно однократного «углу-
 бленного» обследования. Врач дол-
 жен постоянно находиться в контакте
 с наблюдаемым, быть осведомлен-
 ным об изменениях в его служебной

нагрузке и своевременно коррек-
 тировать рекомендуемые лечеб-
 но-профилактические назначения.
 Диспансерное отделение госпиталя
 имело в своем штате начальника
 (полковника медицинской службы),
 8 врачей (служащих) и 2-х фельдше-
 ров (служащих). Первым Начальни-
 ком Диспансерного отделения был
 назначен полковник медицинской
 службы Белкин Сергей Петрович.
 В августе 1950 г. из Медицинского
 отдела ХОЗУ был получен первый
 список (109 человек) прикрепленных
 к отделению офицеров [4].

С 1946 г. в Госпитале создается ин-
 ститут штатных Консультантов по от-
 дельным специальностям: Кутырин
 Михаил Михайлович (терапевт), Пе-
 взнер Михаил Яковлевич (диетолог),
 Власов Константин Федорович (тера-
 певт), Левит Владимира Семеновича
 (хирург), Лаврентьев Николай Ивано-
 вич (невролог), Фрунзе-Боголюбова
 Людмила Васильевна (терапевт).

В начале 1948 г. Начальником Го-
 спиталю был назначен генерал-май-

ор медицинской службы Николай
 Михайлович Невский.

В начале 1950-х годов Госпиталь
 являлся крупным медицинским объ-
 единением по медицинскому обес-
 печению Центрального аппарата
 Военного Министерства. Он включал
 в себя 10 центральных поликлиник
 и 4 медицинских пункта. В начале
 1951 г. часть Центральных военных
 поликлиник передается в подчине-
 ние ГВГ им. Н.Н. Бурденко.

В 1952 г. были разработаны пла-
 ны расширения Госпиталю за счет
 расположенных рядом с ним домов,
 составлены сметы, расселены семьи,
 живущие в этих домах. В июле все
 отделения были закрыты. Госпиталь
 был подготовлен к ремонту. К се-
 редине 1955 г. ремонтные работы,
 в основном, были закончены. Была
 выполнена реконструкция здания
 Госпиталю и поэтажное объединение
 с соседними домами (бывшим «До-
 ходным домом С. М. Руднева» и «До-
 ходным домом А. Р. Ледницкого»).
 В результате реконструкции в Госпи-





тале было открыто 2 хирургических, 4 терапевтических и неврологическое отделения.

В соответствии с Приказом Министра обороны СССР № 68 от 11.05.1956 г. Центральный Военный Краснознаменный Госпиталь им. П. В. Мандрыка с 1.07.1956 г. был объединен с Главным Военным Госпиталем им. Бурденко и стал именоваться «Краснознаменным Филиалом №1 им. П. В. Мандрыка Главного Военного Госпиталя им. Н. Н. Бурденко». Руководителем объединения был назначен Н. М. Невский.

Однако, в соответствии с Приказом МО СССР с 1.10.1958 г. Центральный Военный Краснознаменный Госпиталь им. П. В. Мандрыка был восстановлен, как самостоятельное военное учреждение, в зданиях в Серебряном пер. 4/10 во главе с Н. М. Невским.

К началу 60-х годов помещений для работы госпиталя стало снова не хватать. Спрос на госпитализацию стал значительно превышать его возможности. Вновь был поднят вопрос о строительстве нового современного корпуса. Было определено место строительства на опушке соснового бора, на территории 39 га в 2 км от санатория «Архангельское». В начале 1964 г. вышло Постановление Совета Министров СССР о строительстве нового комплекса госпиталя на 600 коек в Красногорске. Строительством руководил Н. М. Невский. Оно велось усиленными темпами и 20.06.1968 г. состоялось торжественное открытие нового ЦВКГ им. П. В. Мандрыка. Основная база госпиталя размещалась в Красногорске, Филиал №1 на Арбате, Филиал №2 — в Болшево.

В 11-ти этажном лечебном корпусе были развернуты 18 специализированных отделений: хирургические, 3 кардиологических, пульмонологическое, эндокринологическое, гастроэнтерологическое, неврологическое, хирургическое (женской хирургии), проктологическое и др. В двух 4-этажных зданиях размещались 7 диагностических и вспомогательных отделений (приёмно-диагностическое, рентгенологическое,



▲ Комплекс госпитальных зданий в Красногорске при открытии Госпиталя им. П. В. Мандрыка.

лабораторное, функциональной диагностики, физиотерапевтическое, радиоизотопной диагностики, лечебной физкультуры, в отдельном здании — патологоанатомическая лаборатория).

Структура Госпиталя с основной базой в Красногорске и двумя филиалами просуществовала недолго. По Приказу МО СССР № 61-1970 г. ЦВКГ им. П. В. Мандрыка был вновь восстановлен в комплексе зданий госпиталя в Серебряном пер. д. 4/10.

Госпиталь в Красногорске с 1971 г. получил самостоятельность и новое штатное наименование — «3 Центральный военный клинический госпиталь», а впоследствии — «3 ЦВКГ им. А. А. Вишневого».

В 1970-х гг. вновь встал вопрос о строительстве нового госпитального комплекса для ЦВКГ им. П. В. Мандрыка. В 1977 г. вышло постановление Совета Министров СССР о строительстве основной базы Госпиталя в Сокольниках. С 1981 г. Военно-Строительное Управление г. Москвы приступило к работам по строительству Госпиталя. Строительством комплекса руководил Начальник госпиталя генерал-майор медицинской службы Алексей Максимович Капитаненко.

Госпитальный комплекс в Сокольниках был введен в строй в 1989 г. Первая очередь включала: неврологическое, кардиологическое, урологическое и гинекологическое отделения, диагностические и вспомогательные подразделения. Начальником госпиталя с 1990 г. был назначен генерал-майор медицинской службы Александр Борисович Антипов [1, 2].

С 1994 г. ЦВКГ им. П. В. Мандрыка руководил генерал-майор медицинской службы Владимир Борисович Симоненко. При нем госпиталь получил дальнейшее клиническое развитие. Был открыт кардиохирургический Центр и травматологическое отделение, созданы новые лечебные отделения. В госпитале начали выполняться сложные кардиохирургические вмешательства по поводу пороков сердца, аневризм сердца и сосудов, при поражениях коронарных сосудов и аритмиях. Была выполнена капитальная реконструкция реабилитационного центра («Клиники восстановительного лечения») в п. Болшево.

В 2010 г. в состав ЦВКГ им. П. В. Мандрыка вошел Лечебно-диагностический Центр Генерального штаба ВС РФ. В 2011 г., в результате реорганизации и объединения ЦВКГ





▲ Госпиталь в Сокольниках. Окончание основного этапа строительства.

им. П.В. Мандрыка и Государственного института усовершенствования врачей МО РФ был создан «Медицинский учебно-научный клинический центр имени П.В. Мандрыка МО РФ».

С августа 2014 г. «Центральный военный клинический госпиталь имени П.В. Мандрыка» Минобороны России возглавляет доктор меди-

цинских наук, генерал-майор медицинской службы Крайнюков Павел Евгеньевич.

15 мая 2015 г. Приказом МО РФ №260 Госпиталь восстановлен в своем прежнем статусе: **«Центральный военный клинический госпиталь имени П.В. Мандрыка»** Министерства Обороны Российской Федерации.

В настоящее время ЦВКГ им. П.В. Мандрыка МО РФ — многопрофильное лечебно-профилактическое учреждение, предназначенное для лечения и медицинской реабилитации лиц высшего руководящего состава Вооруженных сил России, состоящее из 3-х клинических баз, включающих в себя более 70 лечебных и диагностических отделений и кабинетов, где оказывается специализированная врачебная помощь на современном уровне медицинской науки.

Литература:

История медицинского учебно-научного клинического центра имени П.В. Мандрыка. Том I. История Центрального Военного Краснознаменного Госпиталя им. П.В. Мандрыка (1919-1958 гг.) / Под ред. В.Б. Симоненко. — М. 2014. — 330 стр.

История Центрального военного клинического краснознаменного госпиталя имени П.В. Мандрыка. 1919-1999. / Под редакцией проф. В.Б. Симоненко. — М. Вооружение. Политика, 1999. — 202 с. 105 ил.

Книги Приказов по госпиталю с 1919 г. по 1969 г. (Архив ЦВКГ им. П.В. Мандрыка).

Невский Н.М. История Центрального клинического краснознаменного госпиталя им. П.В. Мандрыка. 1919-1969. ЦТ МО СССР. Москва. 1969. — 179 с.

Приложение 1

История изменений названия Госпиталя

Названия госпиталя	Дата изменения
1-й Терапевтический Госпиталь Красного Креста на 100 коек при Полевом Штабе Реввоенсовета Республики	с 17.05.1919 г.
1-й Госпиталь Российского Общества Красного Креста при Полевом Штабе Реввоенсовета Республики	с 12.07.1919 г.
936 Полевой Запасной Госпиталь	с 14.05.1920 г.
Московский Военный Госпиталь №5 Штаба РККА	с 17.09.1921 г.
Московский Военный Госпиталь №3 Штаба РККА	с 7.03.1925 г.
Московский Военный Госпиталь №3 Штаба РККА III класса на 150 коек, с санаторным отделением.	с 18.08.1928 г.
Центральный Военный Госпиталь НКВМ	с 3.06.1931 г.
Центральный Военный госпиталь НКО	с 25.07.1934 г.
Центральный Военный госпиталь НКО имени П.В. Мандрыка	с 15.04.1943 г.
Центральный военный Краснознаменный Госпиталь имени П.В. Мандрыка	с 16.05.1944 г.
Краснознаменный Филиал №1 имени П.В. Мандрыка Главного Военного Госпиталя имени Н.Н. Бурденко	с 11.05.1956 г.
Центральный военный Краснознаменный Госпиталь имени П.В. Мандрыка	с 18.08.1958 г.





Названия госпиталя	Дата изменения
Центральный военный клинический госпиталь имени П. В. Мандрыка (г. Красногорск)	с 20.06.1968 г.
Центральный военный клинический Госпиталь имени П. В. Мандрыка (г. Москва)	с 24.03.1970 г.
2-й Центральный военный клинический госпиталь имени П. В. Мандрыка	1972 г.
Медицинский учебно-научный Центр имени П. В. Мандрыка МО РФ	с 14.10.2011 г.
Центральный военный клинический госпиталь имени П. В. Мандрыка МО РФ	с 15.05.2015 г.

Приложение 2

Командование Госпиталя

Должность	Дата назначения	Воинское звание	Фамилия, имя, отчество	Дата сдачи дел
Старший врач	17.05.19 г.		Любушин Александр Алексеевич	До 01.11.19 г.
	назначен 24.10.19 г. вступил в должность 01.11.19 г.		Архипов Александр Михайлович	
Главный врач	14.05.20 г.		Архипов Александр Михайлович	До 12.11.20 г.
	12.11.20 г.		Сапаров Михаил Яковлевич	До 05.03.23 г.
	назначен 30.03.23 г. вступил в должность 6.03.23 г.		Мандрыка Петр Васильевич	
Начальник госпиталя	05.07.31 г.	Диввврач	Мандрыка Петр Васильевич	
	21.12.35 г.	Генерал-майор м\с	Мандрыка Петр Васильевич	Умер 08.04.43 г.
	28.04.43 г.	Генерал-майор м\с	Коровай Владимир Артемьевич	До 09.04.48 г.
	3.07.48 г.	Генерал-майор м\с	Невский Николай Михайлович	До 11.05.56 г.
<i>Период с 1956 по 1958 гг.: «Краснознаменный Филиал №1 имени П. В. Мандрыка» в составе «Главного Военного Госпиталя имени Н. Н. Бурденко». Начальник Главного Военного Госпиталя имени Н. Н. Бурденко Генерал-майор м\с Невский Николай Михайлович. Начальник Филиала №1 Полковник м\с Власов Константин Федорович.</i>				
Начальник госпиталя	06.09.58 г.	Генерал-майор м\с	Невский Николай Михайлович	До 06.01.68 г.
	06.01.68 г.	Генерал-майор м\с	Поздняков Сергей Иванович	До 27.04.73 г.
	1973 г.	Генерал-майор м\с	Митрофанов Леонид Васильевич	До 1975 г.
	1975 г.	Генерал-майор м\с	Капитаненко Алексей Максимович	До 1990 г.
	1990 г.	Генерал-майор м\с	Антипов Александр Борисович	До 1994 г.
	16.11.94 г.	Генерал-майор м\с	Симоненко Владимир Борисович	До 2012 г.
Начальник МУНКЦ	2012 г.	Генерал-майор м\с	Симоненко Владимир Борисович	До 2014 г.
Начальник МУНКЦ	20.08.14 г.	Полковник м\с	Крайнюков Павел Евгеньевич	До 2015 г.
Начальник госпиталя	2015 г.	Генерал-майор м\с	Крайнюков Павел Евгеньевич	По настоящее время



МИХАИЛ КОРШУНОВ

ВОЕННОЕ ДЕЛО В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

В Древней Руси ее Вооруженные силы состояли из княжеской дружины и земского ополчения. Дружины располагались в стольных и областных городах и были вполне обеспечены княжеским содержанием. Земское ополчение созывалось в случае большой войны и распускалось по ее окончании. Командовали теми и другими воинскими контингентами воеводы, которым подчинялись тысяцкие, сотники и десятники. До Святослава I

Игоревича русские не имели собственной конницы и нанимали ее у хорватов, угров и печенегов. Как Святослав, так и его сын Владимир в походах на волжско-камских болгар и под Корсунь, перевозили пехоту водой, в ладьях, а конницу отправляли берегом; на днепровских порогах суда перетаскивались и переносились на руках и затем снова спускались на воду.

С приходом на Русь христианства варяжские дружины постепенно

заменялись русским войском, дворянами из отроков и мечников. Каждый город также имел своих ратных людей. Народное ополчение по-прежнему собиралось лишь в чрезвычайных случаях. Походы совершались большей частью зимой, чтобы не отвлекать ратников от сельскохозяйственных работ. Оружие выдавалось перед самым походом, а после его окончания отбиралось и хранилось в княжеском арсенале. Войско делилось на копейщиков и стрель-



▲ Сторожевая застава





▲ Дальний разведчик

цов (стрелки из луков); в поле они ограждали себя плетнями и кольями (острогом), а в походе, на марше двигались, имея впереди и по бокам сторожу (походное охранение).

На Руси в XII веке появляется специальное копьё — рогатина. Рогатина — это чисто русское изобретение. Ничего подобного в других странах на сегодняшний день, согласно археологическим находкам не обнаружено.

Рогатина предназначалась для пешего рукопашного боя. Этим грозным оружием пешие вои (воины-пешцы) боролись с конным противником. Один конец ратовища упирался в землю, а острие — «рожон» направлялось на коня налетающего всадника, поэтому ратовище было толстым, чтобы не сломиться под тяжестью налегавшего тела. На вооружении русской армии рогатина находилась до начала XVIII века, перейдя затем в разряд охотничьего оружия.

У пеших воинов основным метательным оружием был лук. В истории человечества свою господствующую роль лук сохранял многие тысячелетия. Даже, когда было изо-

бретено огнестрельное оружие, лук и стрелы не уступали ему и долго с ним соперничали.

Сохранившиеся письменные источники свидетельствуют: «луки, бывшие в употреблении у славян, а также у арабов, персов, турок, монголо-татар и других народов Востока, далеко превосходили западноевропейские — скандинавские, немецкие, английские и иные — как по уровню своего технического совершенства, так и по боевой эффективности». Простые луки по дальности стрельбы значительно уступали сложным лукам.

В Западной Европе использовался лук, который ученые — оружейеды справедливо называют «простым». Делается он из одного куска дерева определенной породы: вяз, тисс, ясень, орешник, должным образом выдержанного и обработанного. На Востоке и в Древней Руси использовали другой тип лука «сложный». Сложным он называется из-за того, что изготавливался из нескольких кусков древесины разных пород. Древнерусский сложный лук состоял из двух деревянных

планок продольно склеенных между собой. С внутренней стороны лука (обращенной к стрелку) находилась хорошо отшлифованная можжевельниковая планка. Там, где она прилегала к внешней планке (березовой или ильмовой) делались три узких продольных желобка для заполнения их рыбьим клеем, чтобы соединение получилось более прочным. Начиная с XIV века, русские луки стали усиливать еще и роговыми полосами — «подзорами».

О прочности соединения говорит тот факт, что, пролежав в земле восемь веков, лук не развалился, клей крепко держал планки.

Сложный лук пришел в Восточную Европу вместе со скифами, и сразу получил широкое распространение, будучи по достоинству оценен тогдашними воинами и охотниками.

К VIII-IX векам сложным луком пользовались повсеместно на всей европейской части современной России.

Летописи донесли до нас свидетельства, что стрелой, выпущенной из боевого лука, пробивали насквозь боевых коней, а всадник оказывался не только пробитым насквозь стрелой, но и пригвожденным к лошади.

Стрелы, пущенные с расстояния около 250 метров, свободно пробивали дубовые доски толщиной пять сантиметров. Закованных в стальные доспехи рыцарей на расстоянии 100 метров стрела, пущенная из боевого лука, пробивала насквозь. Скорострельность была высокой и доходила до 20 выстрелов в минуту.

В Западной Европе получили широкое распространение самострелы — арбалеты, особенно после крестовых походов в XII-XV веках. И на Руси в это же время самострел был тоже известен, но широкого боевого применения не получил, так как не выдерживал конкуренции с мощным сложным луком ни по эффективности стрельбы, ни по скорострельности.

Для Западной Европы же с ее простыми луками арбалет, возмож-



но и был шагом вперед. На Руси самострелы — арбалеты использовали не воины, а мирные горожане, которые вынуждены были защищать свои усадьбы.

В 1252 году в столкновении с войсками Миндовга литовского, у которого были немецкие наемники с арбалетами, наши стрельцы из луков не только разогнали немцев арбалетчиков, но согласно летописи, играючи их перестреляли, гоняя по полю.

Превосходство славянских сложных луков над арбалетами признают и западные хронисты Средневековья.

Во время осады городов русская рать старалась прервать их сообщения с внешним миром, для чего строились свои остроги. Стены городов пробивали пороками, рвы засыпали землей, по которой и восходили на стены.

Острог представлял из себя постоянный или временный (для размещения ратников) населенный укрепленный пункт, обнесенный деревянной оградой из дубовых бревен, заостренных сверху (отсюда — «острог»). Остроги появились на Руси еще до XII века. Особенно получили распространение в XIV-VII веках на окраинах государства, а в конце XVI-XVII веков — в Сибири. В летописях упоминаются также передвижные «острожки», которые использовались для осады и штурма городов. В отличие от городов остроги первоначально представляли собой пункты второстепенного значения. Они делились на жилые и стоялые. По способу постройки, были стоячими (бревна вкопаны вертикально) и косыми (бревна наклонены внутрь). Многие остроги впоследствии переросли в города.

Время монголо-татарского ига весьма существенно отразилось на общем устройстве русского войска. Кроме полков правой и левой руки, появились большой, сторожевой, передовой, ертаульный и засадный полки.

Полк на Руси с X по XVII век являлся войсковой частью или ополчением, выставлявшимся каждым

городом во время войны, а с XIII века — одна из частей боевого порядка действовавшего войска, которое делилось на 5-7 полков: Сторожевой полк; Передовой полк; Большой полк; полк Правой руки; полклевой руки; Ертаульский полк; Засадный полк.

Сторожевой полк (XI-XVII вв.), преимущественно конный, имел задачей прикрывать на походе основные силы, разведывать пути для своего войска и расположение противника. С завязкой боя сторожевой полк нередко отводился в резерв, а при отходе составлял арьергард.

Передовой полк (XIII-XVII вв.) обычно состоял из конной рати со средним вооружением. В походе выполнял задачи авангарда (разведка пути, охранения главных сил), при развертывании войска для боя и составлял первую линию, принимал на себя первый удар противника, обеспечивая выгодные условия для вступления в бой главных сил. Формировался с началом похода на сборном пункте. С начала XVI века, когда из передового полка выделялся особый легкоконный отряд — ертаул, на передовой полк стали возлагать полностью задачи



▲ Сторожи-дозорные





▲ Стрелковое оружие русской армии

авангарда русского войска. Численность передового полка зависела от цели и задач похода. В походе Василия III на Казань (1524 год) передовой полк имел состав до восьми тысяч человек. Назначение воеводами в этот полк считалось за честь.

Большой полк (начало XV-XVII вв.), создавался на период войны или для несения береговой (сторожевой, станичной) и полевой службы на границах русского государства. В походе Большой полк представлял собой главные силы войска, в бою — основу (центр) его боевого порядка. Каждая рать, следовавшая самостоятельной колонной, могла иметь свой Большой полк. При формировании единого войска создавался один Большой полк. Комплектовался он служилыми людьми Московского великого князя (царя) и подчиненных ему князей (бояре, дети боярские, слуги княжеского двора, дворяне). Начиная с царство-

вания Ивана IV Грозного, Большой полк обычно усиливался стрельцами и полковым «нарядом» (артиллерией). Исходя из целей и задач похода или сражения, численный состав Большого полка колебался, мог достигать многих тысяч ратников. Организационно он делился на тысячи, сотни, полусотни и десятки, во главе которых, соответственно, стояли: тысяцкие (воеводы), головы, сотники, пятидесятники, десятники. Общее командование Большим полком поручалось 1-3 воеводам, преимущественно из родовых бояр. В крупных военных походах Большим полком управляли 3-5 воевод. Первый из них — большой воевода, считавшийся старше всех (за исключением дворцового воеводы), и при отсутствии великого князя (царя) одновременно являлся командующим всем русским войском.

Полк правой (левой) руки в XI-XIV веках был тактической единицей

русской рати. В XV-XVII веках являлся организационной и тактической единицей русского поместного войска. Создавался на период похода или сражения и входил в главные силы войска. В бою составлял правое (левое) крыло его боевого порядка. Полки формировались на сборном пункте русского войска из нескольких городских (сформированных в городах) полков и организационно делились на тысячи, сотни, полусотни, десятки. Управлялись одним — двумя воеводами. На походе, при разделении русского войска (рати) на три полка (Большой, Правой илевой руки), впереди колонны обычно следовал полк Правой руки, за ним Большой полк, замыкал колонну полклевой руки. Каждый полк мог двигаться и по отдельной дороге, параллельно движению колонны Большого полка, прикрывая его с фланга. Полки могли также действовать самосто-





В середине XVI века существовали полки разного состава (в каждом 5-10 сотен) из поместного дворянства (детей боярских) и стрельцов (учреждены Иваном IV Васильевичем в 1550 году), имевшие по два орудия; городовые, казачьи полки, полки ополчения. В это же время казацкое войско Запорожской Сечи делилось на полки, последние на сотни и десятки.

Конница начала составлять преобладающую часть войска, переняв от татар и образ действия: сначала выпускать (выстреливать) на скаку массу стрел и метать сулицы. Сулицы были боевыми и охотничьими. Боевые имели узкие, прочные наконечники, способные пробить доспех, охотничьи, наоборот, имели широкие лезвия. Сулица представляет собой короткое метательное копьё и относится к числу древних образцов метательного оружия. Сулица применялась в коннице с XV и до конца XVII века. Длина ее была 1-1,5 м. Термин «сулица» происходит от древнеславянского слова «судлица», имевшим значение «метать копьё». Первые сообщения о сулице мы находим в «Слове о полку Игореве».

Пехота предназначалась для захвата городов и острогов, сдерживания натиска неприятеля.

Согласно историческим хроникам, китайцам принадлежит изобретение пороха. Китайцы первыми применили порох в военном деле. Первое упоминание применения огнестрельного оружия относится к XIII веку.

Во время завоевания Северного Китая полчищами Чингисхана, китайцы, осажденные монголами в 1232 году в Кай-Фэнг-Фу стреляли из пушек в осаждавших захватчиков каменными ядрами, разрывными бомбами.

Из Китая в XIII-XIV веках огнестрельное оружие появилось у арабов и мавров. От них оно попало в Испанию, а затем уже в армии европейских государств. В 1308 году при осаде Гибралтара Фердинанд Кастильский применил бомбарды. В 1327 году английский король

ательно, на одном из направлений боевых действий русского войска.

Ертаульский полк, артоул, ертоул (от татарского *jortayul* — конный отряд, посылаемый для угона скота и вообще для добычи или грабежа), легкоконный отряд русского поместного войска XVI-XVII веков, выполнявший задачи разведки противника и пути движения главных сил, а также охранения войска в походе. Ертаул появился в начале XVI века, выделившись из передового полка. Создавался на период похода (войны) и управлялся ертаульным или разъездным воеводой. В походе Ивана IV Грозного на Казань в 1552 году

ертаул имел численность около пяти тысяч человек.

Засадный полк, часть войск в боевом порядке русской армии в XIII-XVII веках, предназначавшаяся для внезапного нападения на противника. Засадный полк располагался обычно в укрытии, на одном из флангов боевого порядка. Выполнял функции общего резерва и вводился в кульминационный момент сражения. Засады — способ боевых действий, они чаще всего применялись при отходе войск, в разведке и при подвижных формах боя, особенно на сильно пересеченной местности.





до 600 метров, мортиры до 500 м, тюфяки — до 150–200 м. Скорострельность большого наряда была весьма низкой: в XVI веке из крупных орудий можно было сделать всего от 2 до 8 выстрелов в день. Снаряды для наряда были нескольких видов: сплошные (каменные и железные), разрывные (кувшины с зельем, то есть порохом), зажигательные (каменные ядра, облепленные горючим составом), светящиеся. В XVI веке начали изготавливать чугунные ядра. С 1555 года стали применять кружало для калибровки ядер. Иногда стреляли ядрами, облитыми свинцом, что повышало баллистические свойства орудия. При орудиях всегда имелись банники (для чистки стволов от нагара), пыжевники, пробойники, кружки, совки (для засыпки пороха), «размерный прут» (шкала), кружало, прицельные приспособления типа простейшего квадранта с отвесом, пальник, а также клин, служивший подъемным механизмом.

При Иване III Васильевиче в 1479 году, в Москве была построена Пушечная изба, послужившая толчком к бурному развитию артиллерии. Центры пушечного литья на Руси в XVI–XVII веках назывались пушечными дворами. Находились в Москве, Новгороде Великом и Пскове. В Москве Пушечный двор, располагавшийся на реке Неглинная, вырос из Пушечной избы. Древнейшая дошедшая до нас пушка, отлитая на пушечном дворе мастером Яковом, датирована 1484 годом. Московский пушечный двор был одним из самых передовых в техническом отношении производств своего времени. Уже в конце XV века здесь отливались медные пушки без швов с раструбом в дульной части, что позволяло увеличить заряд пороха и явилось последним словом артиллерийской техники того времени. В конце XVI века изготавливались казнозарядные орудия с клиновидным затвором, которые в Западной Европе появились намного позднее. В начале XVII века была сделана первая нарезная пищаль (в Западной Европе появление первых нарезных орудий относится к концу

Эдуард III применил, изготовленные в 1314 году бельгийцами в Генте, бомбарды против шотландцев.

Появление огнестрельного оружия на Руси относят к княжению Дмитрия Ивановича Донского, когда впервые упоминаются ружья и пушки (в связи с защитой Москвы от хана Тохтамыша в 1382 году). Пушки были завезены тогда в Москву из Германии через Новгород Великий.

Термин «артиллерия» в русском языке стал применяться с 1695 года, до этого использовалось слово «наряд». Термин «артиллерия» происходит от латинских слов *orgus* (лук) и *tellum* (стрела) или *ars* (искусство) и *tollendi* (метание).

В XV–XVII веках в русской армии «нарядом» называли артиллерию. По своему тактическому назначению она делилась на «большой наряд» (крепостная и осадная артиллерия) и «полковой наряд», в состав которого входила полевая и собственно полковая артиллерия. Орудия большого калибра наряда имели крупные калибры (до 25 см). Полковой наряд составляли легкие подвижные 6–8 фунтовые (калибр 9–10 см) орудия. В конце XVI века наряд в русской армии насчитывал до 3,5 тысяч орудий. Крупнокалиберные орудия стреляли до 3 верст, практическая же дальность их стрельбы составляла 600–800 м; пушки малого калибра стреляли



XVII века). Кроме мастера Якова, известны «Ваня да Васюк, ученики Яковлевы», «Игнатий», «русский мастер Богдан», «Богданов ученик Пятой», а также Степан Петров, Первой Кузьмин, Никита Тупицын, Проня Федоров и другие.

Во второй половине XVI — начале XVII века на Пушечном дворе (более 60 лет) работал знаменитый мастер пушечного литья Андрей Чохов. Он в 1586 году отлил гигантскую, поражающую своими огромными размерами и грозным видом иностранных послов, входивших в Кремль, легендарную Царь-пушку, с массой ствола в 40 тонн, калибра 890 мм. Царь-пушка предназначалась для обороны Московского Кремля. В 1577 году им же была отлита пушка «Инрог» (Единорог) весом около 7 тонн. Орудия, сделанные Чеховым на пушечном дворе, а их было множество, отличались точностью расчета, красотой отделки, совершенством техники литья. Каждое из них отливало по особой восковой модели и получало обычно собственное имя по украшавшему орудие изображению («Лев», «Обезьяна», «Ахиллес», «Лисица», «Волк», «Аспид» и другие). Орудия Чехова являлись выдающимися достижениями современной ему артиллерийской техники. Отличались долговечностью: некоторые из них применялись даже в Северной войне 1700-1721 гг. Кроме пушек, мастер лил еще и колокола («Реут» в 2 000 пудов — около 32 тонн — для колокольни «Иван Великий»). Андрей Чохов обучил своему мастерству многочисленных учеников. Умер в 1629 году.

На Московском пушечном дворе лили стенобитные и полевые орудия — пищали, верховые пушки-мортиры, а также колокола и паникадила.

В центре территории Пушечного двора, в особом большом круглом каменном здании размещались плавильные печи, из которых расплавленный металл поступал по специальным каналам в литейные формы. В качестве топлива использовался преимущественно древесный уголь.

По организации производства пушечный двор представлял собой мануфактуру. Здесь работали мастера-пушечники, литцы (ведавшие, очевидно, самим процессом литья) и кузнецы. Все мастера и их ученики являлись служилыми людьми, получали денежное и хлебное жалование, землю под строение.

Артиллеристы именовались пушкарями (с конца XV века), относились к категории «служилых людей по прибору» и находились в ведении Пушкарского приказа. Служба пушкарей была пожизненной и переходила по наследству от отца к сыну. В начале становления пушкарей в них набирались вольные, не тяглые люди всех сословий. В мирное время пушкари несли разного рода гарнизонную и крепостную службу. Получали хлебное жалование, занимались торговлей и ремеслами, имели в городах свои дома в специальных слободах, повсеместно называемых обычно Пушкарскими.

Пушкарский приказ — центральное правительственное учреждение на Руси. Впервые упоминается при царе Иване IV Васильевиче под именем Пушкарской избы. В нем заседали боярин и два дьяка, которые заведовали пушечными дворами в Москве и в городах, пороховыми заводами, артиллерией, постройкой крепостей. Деньги на расходы по содержанию этих подразделений Пушкарским приказом шли из Приказа Большой казны.

При Иване Грозном оборона «городков» была возложена главным образом на артиллерию. С 1552 года полевая армия маневрировала уже всегда с артиллерией. «Городовое и острожное дело» из-за особого внимания правительства к обороне границ, рано достигло относительно высокой степени развития. Довольствие войск в мирное и военное время обеспечивалось главным образом запасами натурой. Из-за случайности и неопределенности законодательных мер по этому поводу происходила масса злоупотреблений, и войско нередко оставалось без хлеба и денег.

При Иване III Васильевиче в Русском государстве появляются поместные войска. Совершенно особняком при этом стояли пешие и конные даточные люди.

Даточные люди это пожизненные военнообязанные, выставлявшиеся тягловым городским и сельским населением Русского государства в конце XV-XVII веков. Назывались также посошными людьми или посошной ратью, а сама повинность — посохой. Первоначально даточные люди поставлялись по одному человеку с каждых ста четвертей (50 десятин) «доброй земли в поле». Вызывались даточные люди в поход указом великого князя, а затем царя и должны были являться на сборный пункт с конем, оружием и снаряжением. Поставка даточных людей была одной из самых тяжелых повинностей, ложившихся на крестьян и посадских людей. В соответствии с Уложением 1555 года даточные люди поставлялись землевладельцами, которые не несли лично военной службы или, служа сами, имели излишки надела — «дачи», а также черными волостями, дворцовыми селами, церковными и монастырскими вотчинами. Количество даточных людей в армии иногда было весьма значительным. Так, во время Полоцкого похода 1563 года их было около 80 000. Недостатки плохо вооруженного и необученного ополчения привели в XVII веке к необходимости замены даточных людей регулярным войском.

Поместное войско было главным видом русских вооруженных сил в московский период. Общественное и политическое устройство Русского государства в XVI веке определили состав русского войска и особенности его комплектования и организации. Возникшая в XV веке поместная система окончательно сложилась к середине XVI века, когда она была закреплена законодательно указом Ивана IV Васильевича. В 1550 году 1071 детей боярских, «лучших» слуг было «испомещено» вокруг Москвы на расстоянии 60-70 верст от нее. «Избранная тысяча» дворян московских составила ос-





▲ Артиллерия Ивана Грозного

новные командные кадры и была высшим разрядом дворянства в отличие от «городовых» дворян, то есть дворян, владевших поместьями вдали от Москвы.

В 1555 году было издано «Уложение о службе», которое уравнивало вотчины и поместья, объявляло военную службу вотчинников и дворян обязательной и наследственной, определяло служебные обязанности в зависимости от размера земельных владений. За службу давался земельный надел размером от 150 до 3 000 га. Кроме земельного надела, полагалось денежное жалование в зависимости от разряда — от 4 до 1 200 рублей, которые выдавались или при выступлении в поход или через два года на третий. С каждых 100 четей (около 50 га) доброй земли должен был выступить

в поход один воин «на коне и в доспехе полном», а в дальний поход «о двух конях». Кто выводил воинов сверх «поверстанных», тому увеличивалось денежное довольствие. «Нетчики», то есть уклонившиеся от службы, строго наказывались.

Поместье переходило от отца к сыну. До 15-летнего возраста дворянин числился недорослем. Когда ему исполнялось 15 лет, его записывали в десятню (служилый список) и он становился новиком. Для учета и проверки служилых дворян периодически проводились смотры, уточнявшие десятню, которая по существу являлась организационно-административной единицей, объединявшей дворян, приписанных к одному городу.

Поместная дворянская конница составляла теперь значительную

часть русского войска. В конце XVI века было не более 23–25 тысяч детей боярских и дворян, числившихся в разрядных книгах. Лучшей частью поместной конницы был царский полк, в котором, по сообщению источников, насчитывалось около 10 000 «избранных воинов». К поместным войскам относилась татарская знать, перешедшая на службу к московскому государю и получившая от него поместья. Это тоже была конница. Городовые казаки стали получать на границах поместья, за что обязаны были нести службу.

Служилые люди это общее наименование лиц, находившихся на государственной службе в России XV–XVII веках. Большинство служилых людей состояло из дворян и владело землей при условии несения службы. К служилым лю-



дям относилась и княжеско-боярская знать. Служилые люди делились на несколько групп. Высшую, из них составляли думные чины: бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки — должностные лица, принимавшие участие в заседаниях Боярской думы. Ниже этой группы располагались путные бояре — бояре, стоявшие во главе путей — отдельных отраслей в дворцовом хозяйстве (конюшие, ловчие, столники, чашники и др.). К следующей группе относились чины московские — дворяне, несшие службу при дворе великих князей московских и царей, а также в приказах. Последней группой служилых людей — дворян были чины уездные, состоявшие из дворян городских (провинциальных дворян) и детей боярских, составлявших основную массу дворянского ополчения.

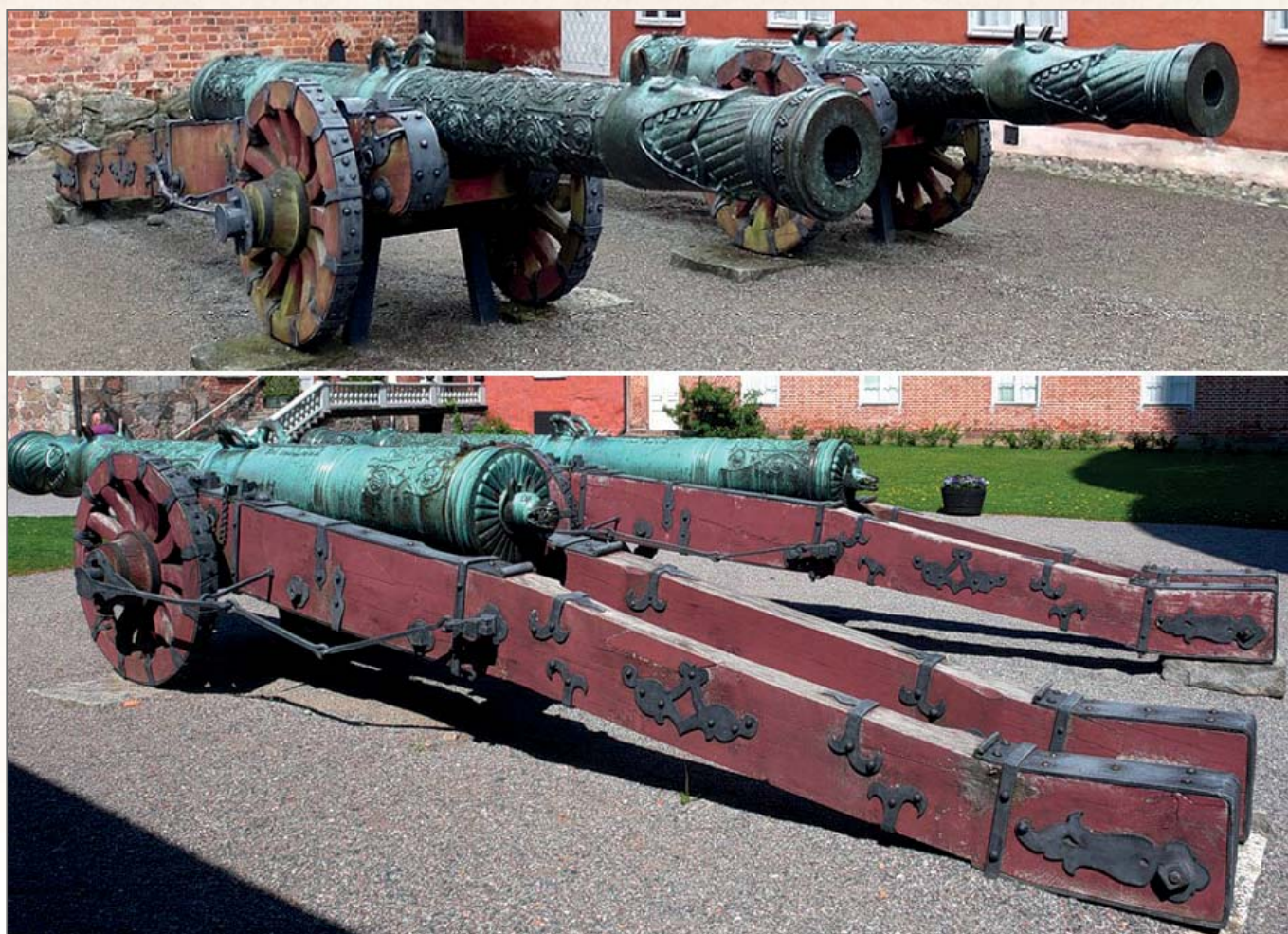
Все эти категории, их служба, как правило, переходили от отца к сыну. Кроме этого, были служилые люди «по прибору», которых набирали из людей разных сословий (пушкарри, стрельцы и прочие). Служилые люди «по прибору» не были феодалными собственниками, а получали денежное и хлебное жалованье и лишь в редких случаях земельные наделы.

Образ войны был по большей части наступательным, чтобы «не дать недругу войти в свои города, чтобы его встретить в его земле».

Что касается кавалерии, конницы, то это был один из подвижных родов войск в Средневековой Руси. В войске Киевской Руси, которое было организовано в виде феодального ополчения, ядром его были конные дружины киевского князя и местных князей, но основную мас-

су составляла пехота — ополчение из смердов и ремесленников. На вооружении конницы были мечи, луки со стрелами, копья и щиты. С течением времени конница становится более многочисленной, повышается ее роль в сражениях. В X веке на вооружении конницы появилась сабля, что свидетельствует о развитии в этот период легкой конницы. В сражениях конница применялась главным образом на флангах боевого порядка. Русские князья часто одерживали победу над врагом, нанося удар на флангах «стены» (боевой порядок того времени) своей конной дружиной.

С ростом значения конницы в государстве появились специальные должностные лица — «воеводы конюшие», ответственные за обеспечение войска конским составом. Служба в коннице, однако, была до-



▲ Пушки А. Чохова





ступной лишь состоятельным людям. Значительную роль играла конница в войске Александра Ярославича Невского; она показала высокое мастерство и большую ударную силу (например, в Ледовом побоище 1242 года). Засадный конный полк решил исход всей Куликовской битвы в 1380 году.

В XV и в первой половине XVI веков основу русских войск составляла поместная конница. Бояре и дворяне, получавшие поместья, обязаны были являться на войну «конно, людно и оружно». Служилые люди объединялись в отдельные конные полки, носившие название своего города. Поместная система комплектования армии Московского государства давала возможность иметь многочисленную дворянскую конницу.

При Иване IV Васильевиче Грозном конница была ведущим родом войск. Особый многочисленный разряд конницы составляли казахи

войска, окончательно сложившиеся в XVI-XVII веках. Казацкая конница обладала большой маневренностью, умением вести бой в сложных условиях и была всегда лучшей русской конницей. Основным оружием у казаков были сабли и пики.

Как создавались — строились укрепленные города — крепости в Русском государстве можно проследить на примере создания Царева (Царева-Борисова). Крепость на Северском Донце (в пределах современной Харьковской области) была создана по повелению царя Бориса Годунова. Царский указ об основании «города Борисова на Донце» был выдан 30 июня 1599 года, а уже осенью готовый Царев был сдан воеводам для обжития. Основанию Царева предшествовал осмотр местности и выбор подходящего места. Такое место головы Ф. Чулков и И. Михнев нашли недалеко от впадения реки Оскол в Северский Донец. Они сня-

ли план местности и привезли его в Москву. Место для крепости оказалось весьма удачным и удобным для последующего продвижения России в сторону владений крымского хана и для закрепления русского присутствия в верховьях Северского Донца и Оскола. Строили Царев сосланный сюда подальше от двора мятежный окольный Б. Я. Бельский и воевода С. Р. Олферьев. Даточных людей и материалы по рекам Северский Донец и Оскол поставлялись из уже построенных ранее городов Белгород и Оскол (Старый). Смотр воинских и работных людей, выделенных для строительства, был произведен в Ливнах. Закладке города должно было предшествовать его освящение: «...Да тотчас пять молебн освятя воду велети город обложить по чертежу и по росписи каков им чертеж и роспись даны...» Далее в наказе говорилось: «И велети плотником город рубить и делати



▲ Крепость





▲ Засечная черта

наспех, а делати им город образцом как пригоже, то государь... положил на окольничем и воевода на Богдане Яковлевиче... Меж нового города и меж лесов и рек крепости учинить чтобы татарам приходу не было...»

Воеводам предлагалось привлечь на службу в новой крепости вольных донских и оскольских казаков, причем они могли и впредь «по своим юртом жить и угоды всякими владеть безданно и безоброшно». Царев наказ Бельскому и Олферьеву предполагал изгнание с берегов Северского Донца и Оскола переселившихся туда из Речи Посполитой «черкас», то есть запорожских казаков. Их следовало «искать и государевым делом над ними промышлять, чтобы черкас с Донца и Оскола и со всех речек згонить». Непосредственно «городовым делом», то есть строительством деревянных стен и башен ведал «городовой мастер Михайло Кирдешов». Для устройства потайного подземного хода и колодцев были привезены два «подкопщика»: русский пушкар Пospel Неклюдов и «немчин Юшко Аммон».

Царев-Борисов стал мощной русской крепостью на Поле, в непосредственной близости от Крымского ханства. С устройством на Поле

новых и реконструкцией старых крепостей функции управления сторожевой и станичной службой полностью перешли к новым городам, в том числе и Царев-Борисова, поскольку оперативно управлять ею из Москвы стало уже невозможно.

В Смутное время (1611-1612 гг.) Царев-Борисов сгорел, был восстановлен, но затем опять был сожжен и лишь к середине 50-х годов XVII отстроен заново.

Внешние, обычно деревянные оборонительные ограды вокруг городов на Руси назывались кромями — город кромный, окольный, охабень. Часто упоминавшийся в летописи под 1147 годом город Кромь, в разрядных книгах XVI века упоминается как Кромское городище, к которому из Орла и Карачева высылались стража. В 1595 году здесь был построен острог для защиты южной границы Русского государства от крымских татар.

В Русском государстве в XVI-XVII веках строительством крепостей, оборонительных сооружений, гражданским строительством руководили инженеры, именуемые розмыслами. В официальное употребление слово «розмысл» вошло во второй половине XVI века. Розмыслы являлись проектировщиками и организаторами работ, зачастую

обладая универсальной подготовкой в области военного и гражданского строительства. Наиболее известными розмыслами в XVI веке были: дьяк И.Г. Выродков и Ф.С. Конь.

Иван Григорьевич Выродков — дьяк и розмысл (военный инженер), впервые упоминался в 1538 году. В декабре 1548 года ходил в поход к Казани «с нарядом». Участвовал в походах под Казань в 1551 году, построив там за 28 дней деревянную крепость Свяжск, послужившую опорным пунктом для взятия города; ее стены, башни, ворота были срублены заранее и бревнами перевезены на ладьях и плотах по Волге к месту закладки Свяжска. В 1552 году при штурме Казани руководил фортификационными работами и соорудил 13-метровую осадную башню (изготовлена она была заранее и собрана на месте за одну ночь. В июне 1556 года участвовал в царском походе к Серпухову. Некоторое время стоял во главе Разрядной избы (приказа); под его руководством этот приказ начал превращаться в постоянно действующее учреждение, своего рода генеральный штаб войска, что улучшало связь между полками, управление ими и увеличивало скорость принятия оперативных решений. В 1557 году по указанию царя, по-





строил крепость и гавань в устье реки Нарова и крепость в Галиче (Костромском). В 1563 году участвовал в победоносном походе на Полоцк, командуя посолскими людьми «у наряду».

Федор Савельевич Конь — московский купец и архитектор. Происходил из крепостных Смоленщины. Строитель мощных крепостных сооружений: каменных стен и башен Белого (Царева) города Москвы (по линии современного бульварного кольца) в 1585-1602 годах. Стена была протяжением около девяти километров, имела 28 башен, из них 10 проездных. В 1596-1602 годах Федор Конь руководил возведением кремля в Смоленске — оборонительной каменной стены протяжением 6,5 км, 5 метров толщины и 14 метров высоты с 38 башнями. Конструкции его отличались ясностью и продуманностью форм. В 1605 году был деятельным аген-

том князя В. И. Шуйского, возбуждая в народе ненависть к самозванцу Лжедмитрию I.

Для защиты от набегов татар, а также в качестве баз при наступлении на Крымское и Казанское ханства в XVI-XVII веках на южных и юго-восточных рубежах Русского государства была создана система оборонительных сооружений, получившая название Засечная черта (иначе засечная линия).

Наиболее известна Большая засечная черта Московского государства, входившая в общую систему обороны страны и состоявшая из сторожевой и станичной службы, поселений служилых казаков, укрепленных городов-крепостей (в начале XVII века их насчитывалось около сорока), из Засечной черты в полосе между Мещерскими и Брянскими лесами и тыловой линии по течению реки Ока, называемой в разрядных документах «берегом».

Первые сведения о засеках встречаются в Новгородской (за 1138-1139 гг.) и Троицкой (за 1216 г.) летописях. Новгородцы, псковичи, ярославцы и др. устраивали засеки на путях движения врага. О засеках упоминается также в Сибирской летописи при описании борьбы Ермака Тимофеевича с ханом Кучумом. В XIII веке на южных границах Руси стали применять для обороны засечные черты, которые представляли уже довольно сложную оборонительную систему на путях движения монголо-татар. Засечные линии состояли из засек в лесах и земляных валов на открытых местах с острожками или городками-крепостцами.

Строительство Большой Засечной черты было закончено в 1566 году. Оборонительные сооружения создавались из лесных завалов-засек, чередовавшихся с частиками-частоколами, надолбами,





▲ Памятник князю Воротынскому М.И.

земляными валами и рвами в безлесных промежутках, и местами достигали в глубину 20-30 км. Для Засечной черты использовались также местные естественные препятствия: реки, озера, болота, овраги. На лесных дорогах ставились укрепления-крепостцы, башни, которые были

вооружены пушками. Здесь же селились и ратные люди. Оборона засек возлагалась на пограничную засечную стражу, состоявшую из жителей, собираемых по одному человеку (ополчение) насчитывала во второй половине XVI века до 35 тысяч чело-

век. Засеками ведали засечные приказчики, воеводы, головы, которым подчинялись поместные и приписные сторожа. Всей Засечной чертой управлял Разрядный приказ. Для покрытия расходов на укрепление Засечной черты с населения России собирались специальные подати — засечные деньги.

Лесистые участки засек были более удобны для обороны и являлись надежным убежищем для населения при нападении кочевников. Засеки назывались по месту их расположения, например, Тульская, Каширская, Лихвинская, Шацкая и др. В лесах, где проходила Засечная черта, запрещалась рубка леса и прокладывание новых дорог и троп. За порчу засечных сооружений и рубку леса взимался крупный штраф. Население проходило через Засечную черту только в определенных местах — засечных воротах.

Засечная черта служила не только для пассивной обороны и являлась рубежом, к которому стягивались войска из укрепленных городков и тыла страны. В районе Засечной черты располагалась и постоянная подвижная армия, размещавшаяся в Переяславле-Рязанском, Михайлове, Пронске, Веневе, Туле, Дедилове, Крапивне, Одоеве, Новосиле и Мценске. В начале XVII века штаб Засечной черты находился в Туле, а передовой полк — в Мценске. В 1616 году в подвижной армии было 6 279 человек, а в 1636 году — 17 005 человек.

Создателем сторожевой и станичной службы Русского государства был князь-пограничник Михаил Иванович Воротынский.

М.И. Воротынский 30 лет прослужил на южной границе Московского царства, был наместником и воеводой в Беяеве, Калуге, Коломне, Одоеве, Рязани, Туле, Дедилове и Серпухове. Царским указом от 1 января 1571 года он был назначен начальником сторожевой и станичной службы. Иван Грозный поручил М.И. Воротынскому руководство пограничной службой не только в сторожевом, но и в оборонительно-фортификационном





значении, и князь выполнил эту огромную работу. Находясь постоянно при войсках, командуя многие годы московскими полками на засечных линиях по «крымской украине», князь М.И. Воротынский на основе долготлетней боевой практики разработал первый в России свод положений и правил, мер и задач охраны и обороны южного порубежья Московии. Это был первый в России воинский устав, определяющий структуру и функции пограничной службы, получивший наименование «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе». 16 февраля 1571 года Иван IV Грозный его утвердил.

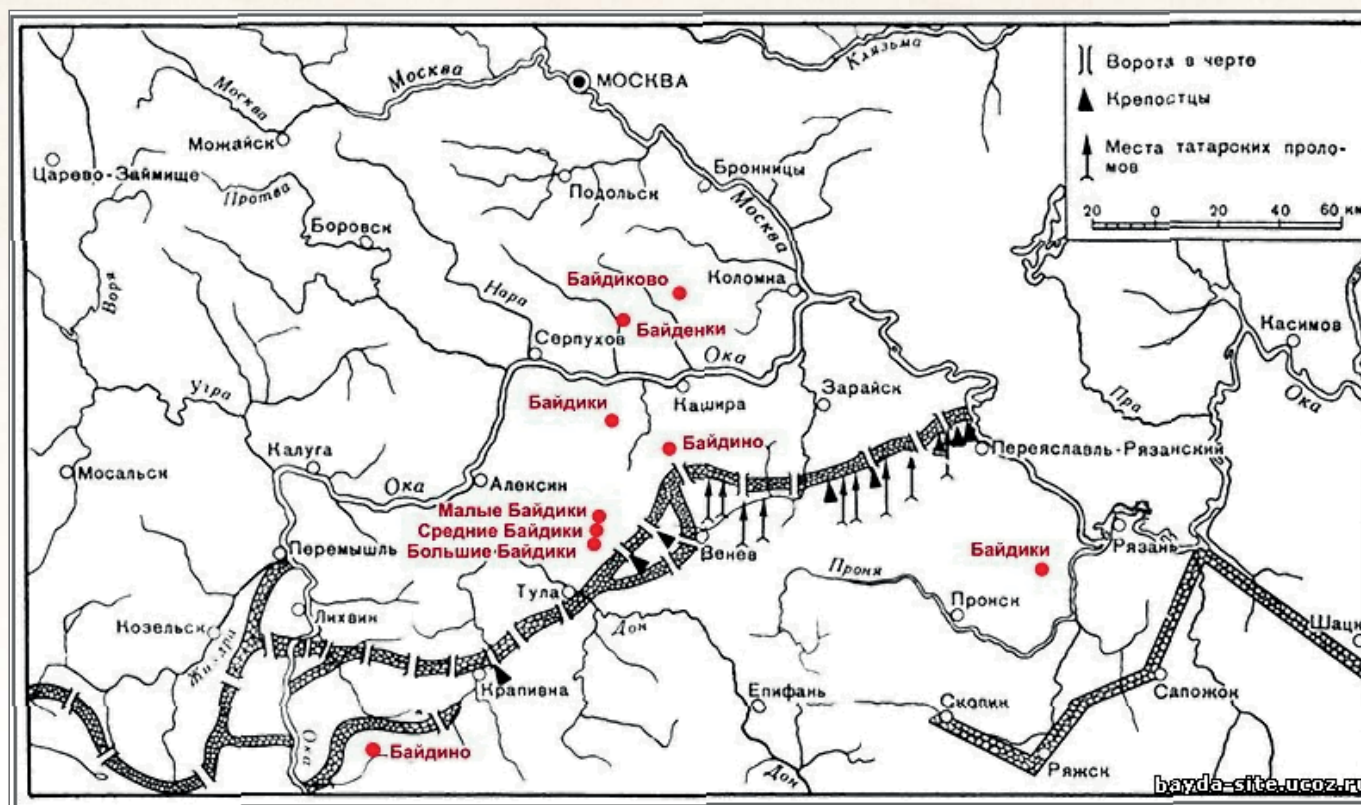
Следует отметить, что сторожевая служба на Руси зародилась задолго до князя М.И. Воротынского. Нашим пращурам от разбойных нападений коварных и диких кочевников Великой степи приходилось постоянно защищаться, создавая посты и заставы для своевременного оповещения о набеге врага. О существовании сторожевой службы мы находим сведения в летописях

времен Дмитрия Ивановича Донского, казацки сторожи городовых казаков, стерегущих украины Московского княжества, а еще раньше, порубежные заставы Владимира Мономаха, как и богатырские заставы Мстислава Владимировича Удалого и Владимира Святославовича (крестителя Руси). Но именно князь М.И. Воротынский дал сторожевой службе дальнейшее развитие и точную регламентацию.

Князь начал с того, что велел созвать станичных воевод и сторожей (дозорных), «которые ездят.. в станицах на поле к разным урочищам и преж сего еживали лет за десять и за пятнадцать». Вызвали и старых, и увечных ратников, имевших, однако, богатый опыт в несении сторожевой службы, — всего 2 000 человек, все они прибыли в Москву. При их помощи и выработывался «Приговор».

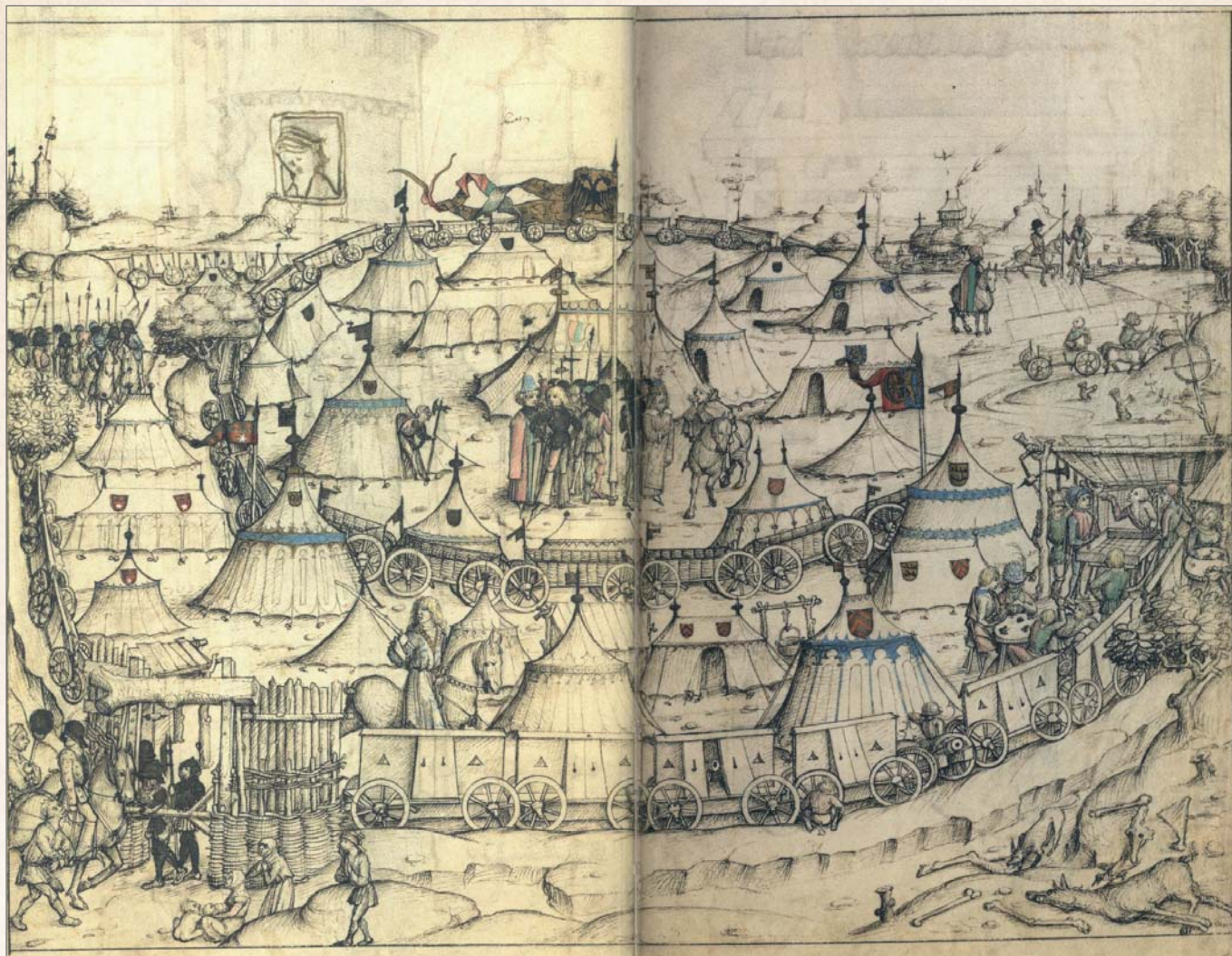
Сторожевая служба, согласно «Приговору», начиналась 1 апреля и заканчивалась 1 декабря. Воеводам городов и головам сторожей предписывалось посылать в до-

зор людей на лучших лошадях и не в одиночку. Первая статья устава обязывала дозорных находиться в таких местах, из которых они могли бы видеть противника, но сами оставаться незамеченными. Как правило, эти разъезды (станции 60-100 человек) заезжали по прямой до 500 км вглубь «Дикого поля», осматривали «сакмы» — дороги, по которым обычно двигались полчища степняков. Дозорные, которые совершали постоянные объезды определенных участков от 20 до 40 км по периметру порубежья, назывались сторожами. Они вели непрерывное наблюдение: «А стояти сторожем (дозорным) на сторожах, с конь не сседаая, переменяясь направо и налево по 2 человека... (объезд начинался из середины района в обе стороны до встречи с другими разъездами у «памяти» — приметы: ручей, ключ, дерево на холме). А останов им не делати, а огня класти не в одном месте; коли каша сварити и тогда огни



▲ Заокская засечная черта





▲ Гуляй-город

в одном месте не класть дважды; а в коем месте кто полдничал, и в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полдничать. А в лесах им не ставится, а ставится в таких местах, где б было усторожливо» (то есть не углубляться в чащобу лесных массивов, из которых трудно следить за степью).

Обнаружив противника, от станицы или сторожи обязаны были немедля мчаться гонцы к станичным и сторожевым головам (группе дозорных в составе 6-10 человек, расположенных в определенных местах, чаще всего на поросших лесом или кустарником холмах). От них срочно отправлялись гонцы в ближайший город-крепость к воеводе. Затем

оставшиеся дозорные рассредоточивались и вели разведку, идя параллельно с войском противника или позади него. Собранные новые сведения, они снова отсылали гонцов с уточнениями, причем в те города, по направлению к которым двигались основные силы неприятеля.

Устав предусматривал строгие наказания за нарушение службы: «Тем сторожам, которые, не дождавсь смены, покинут сторожи, бытии казненными смертию».

Приговор заканчивался расписанием порядка смены станиц и сторож. Первые дозоры (по 4-6 человек в каждом) выезжали 1 апреля, спустя 15 дней — следующие и так далее — всего 8 смен. Через четыре месяца —

1 августа все повторялось. Подобная ротация шла до 1 декабря. Но если еще не выпадал снег — сторожевая служба продолжалась.

Для проверки исполнения и отыскания мест для расстановки дозорных выделялись воеводы и дьяки, хорошо знавшие степи на окраинах Русского государства. Следует отметить, что первый пограничный устав не ограничивал в некоторых случаях действие сторожи, полагался на инициативу дозорных: «ехати... которомы мesty пригоже», или поступать «посмотря по делу и по ходу».

Задача пограничной службы сводилась к определению численности и направления движения противника. Русские войска





▲ Царю Ивану IV вручают трофеи, взятые у Девлет-Гирея князем Воротынским после сражения при Молодях

не растягивались в кордон, а сосредоточивались в опорных пунктах. Это позволяло брать в кольцо прорвавшихся степняков и ликвидировать набег.

Вся южная граница протяженностью 1 200 км делилась на 12 сторожевых районов и 73 сторожевых участка: 7 донецких, 7 путивльских, 2 рыльские, 14 сторож по рекам Сосне, Мечи и Дону, епифанская сторожа по Непрядве, 5 дедиловских, 11 новосильских,

4 мценских, 13 орловских и карачевских сторож, 4 мещерские, 2 шацкие и 3 ряжские сторожи. Подвижные заставы (разъезды) выдвигались непосредственно к владениям Крымского ханства. По плану М. И. Воротынского на границе намечалось иметь 25-тысячное войско. Это на первый взгляд и не такая уж сильная группировка. Но большая доля ответственности за охрану границ возлагалась на разведку. От достоверности ее

сведений зависел успех действий русских ратей.

За вторую половину XVI века на Московское государство было совершено 48 набегов крымских татар, к ним нужно добавить еще и несколько десятков ногайских. Набеги совершались не только ханом, но и крымскими беками и мурзами по собственной инициативе. Крымчаки и ногайцы жили за счет разбоев. Древнейшим путем из Крыма вглубь русских



земель был Муравский шлях, тянувшийся от Перекопа по гребню водораздела Днепра и Дона, через Ворсклу, Северный Донец, Быструю Сосну, Упу и заканчивавшийся у Тулы.

После того, как набеги по этому шляху были закрыты русскими заставами. Татарские набеги на Москву проходили по боковым веткам Муравского шляха — по Калмиускому шляху через Воронеж, по Изюмскому шляху, отходившему от Муравского у истоков реки Орели и по Крымскому или Чумацкому шляху, проходившему от Перекопа по запорожским степям вдоль левого берега Днепра и у реки Волчьи Воды соединявшемся с Муравским шляхом. Существовал еще один путь, по которому совершали набеги ногайские татары — на Рязань, через притоки реки Воронежа, Козлов, Ряжск и Шацк. Он носил название Ногайская дорога — Ногайский шлях. Это был один из основных путей набегов кочевников на русские земли в XIII-XVII веках. Свое название она получила в начале XVI века, когда ногайские феодалы использовали ее главным образом для перегона скота и лошадей на русский рынок. Ногайская дорога начиналась от низовьев Волги и имела два направления: правобережье Дона, через урочище Казар, «где ныне город Воронеж», далее на Рязань и Коломну, от Царицынского перевоза на Дону на междуречье Хопра и Суры, далее, пересекая верховья Цны, Польного Воронежа и Лесного Воронежа, на «Ряжские, Рязанские и Шацкие места». Для предотвращения нападений этими путями русские основали в 1586 году Воронеж и другие города-крепости.

На пути, где должен был проходить конный неприятель разбрасывали рагульки, так назывались в старину на Руси железные шарики или пластинки с длинными острыми спицами, зубцами и зазубринами, наподобие небольшого якоря. Вонзаясь в подошвы копыт лошадям, рагульки производили

смятение и беспорядок в коннице. От 1644 года есть известие, что из Москвы было послано чугуевскому воеводе 20 000 железных рагулек для разбрасывания их по пути следования крымских татар. Рагульки известны также под именем чеснок железный или троицала; последнее название дано монахами Троице-Сергиевой лавры во время осады ее поляками. В лавре хранились долгое время несколько таких рагулек. По их разнообразию, шероховатости и неровности можно предположить, что они выковывались, а не выливались.

Московское государство защищалось от крымско-татарских и ногайских набегов укрепленными линиями, образованными цепочками больших и малых городов-крепостей — «засечными чертами». Обычно это были стометровые полосы поваленных вершинами на юг деревьев, укрепленных валами. По всей черте находились дозорные вышки и укрепленные пункты-остроги.

Самой ранней была пятисоткилометровая «Большая засечная черта», созданная в середине XVI века от Рязани до Тулы — по реке Оке, от Белева и Перемышля через Одоев, Крапивну, Тулу и Венев до Переяславля-Рязанского и от Скопина через Ряжск и Сапожок до Шацка. В опасных местах укрепленные крепости были построены в несколько линий — между Тулой и Веневаем, между Белевом и Лихвином, между Белевом и Перемышлем. Укрепления были обращены на восток, юг и запад.

Эти пограничные крепости с военными поселениями детей боярских, переведенных туда из центральных областей страны, стали опорными пунктами при борьбе с татарскими набегам. В случае прорыва к месту стягивались крупные силы воевод, те брали отряды татар в кольцо и ликвидировали их. Причем прилагались все усилия, чтобы не выпустить противника обратно. Постепенно города-крепости становились промышленными и земледельческими центрами,

вокруг которых расселялось русское население, приходящее из центральных областей России. Не имея возможности уничтожить Крымское ханство, московское правительство, организуя все новые и новые пограничные линии, значительно сокращало районы татарских набегов и, занимая южные степи, подготавливало окончательное покорение Крыма. В 60-х годах XVI века создававшаяся десятилетиями «засечная черта» сомкнулась, образовав связную и сплошную пограничную охранную линию, содержащуюся практически всем населением Московского государства, с которого стали брать особые засечные деньги, собиравшиеся на расходы по поддержанию и укреплению черты. В «украинных» городах появились особые служилые воинские люди — городовые казаки, следившие в сторожах за передвижениями татар в «Диком поле», постоянно осматривавшие основные степные дороги-шляхи и появившиеся сакмы, захватывавшие «языков» и доставлявшие полученные сведения воеводам и в Москву.

Основы защиты южных границ, заложенные при активном участии князя М.И. Воротынского, совершенствовались и в дальнейшем. Опорные пункты (города-крепости) засечных черт строились так, чтобы обеспечить круговую оборону. Прекрасное знание местности, учет особенностей рельефа позволяли русским зодчим создавать крепкие сооружения, представлявшие серьезные препятствия для неприятельских конных масс. Эффективная сторожевая служба в сочетании со строительством засечных черт, выдвинувшихся от Оки на 600 км в «Дикое поле», способствовали восстановлению древних городов Воронежа, Курска и охране развивавшихся очагов пашенного земледелия в некогда запустевших лесостепных районах.

Многовековой опыт охраны и обороны русского порубежья постоянно совершенствовался и передавался из поколения в поколение русских сторожей границы. ■





ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

К 76-й годовщине создания СМЕРШ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОНТРАРАЗВЕДКИ СМЕРШ НКО СССР



▲ Отдел СМЕРШ

«Я ДАЛЕКО НЕ ВОСТОРГАЮСЬ ТЕМ, ЧТО ВИЖУ ВОКРУГ СЕБЯ, НО КЛЯНУСЬ ЧЕСТЬЮ, ЧТО НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ Я НЕ ХОТЕЛ БЫ ПЕРЕМЕНИТЬ ОТЕЧЕСТВА, ИЛИ ИМЕТЬ ДРУГУЮ ИСТОРИЮ, КРОМЕ ИСТОРИИ НАШИХ ПРЕДКОВ».

А.С. ПУШКИН



СМЕРШ... Это грозное слово наводило ужас на врагов. Аббревиатура эта была известна каждому. Однако современный читатель судит о работе советской военной контрразведки в годы Великой Отечественной войны в основном по роману Владимира Богомолова «В августе 44-го (Момент истины)» и одноименному фильму, где показан лишь один эпизод той грандиозной тайной войны, которую СМЕРШ вел против опытейших спецслужб третьего Рейха — Абвера и VI управления РСХА.

В этом беспощадном противостоянии сталинские “волкодавы” (так на профессиональном жаргоне звали оперативных сотрудников, участвовавших в силовых акциях и задержаниях) одолели самых матерых “волков” гитлеровской разведки. Блестящие операции СМЕРШ до сих пор остаются образцом контрразведывательных мероприятий, причем не только, по розыску и захвату вражеских диверсантов и шпионов, действовавших в советском тылу, но и по засылке своих агентов в германские разведцентры,

а также по организации легендарных радиоигр — операций по стратегической дезинформации германского верховного командования. Это рассказ об организации Главного управления контрразведки СМЕРШ Народного Комиссариата Обороны СССР в годы Великой Отечественной войны, и послевоенный период, о героической борьбе военных контрразведчиков против Абвера, СД, японских спецслужб и их пособников, об основных операциях СМЕРШ, приближавших нашу Победу.

Граждане России, юные и взрослые, должны знать и помнить героическую историю нашего Великого Государства.

В феврале 1941 года военная контрразведка была выведена из Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) и передана Народному Комиссариату Обороны (НКО). В период нараставшей военной опасности такое решение было оправданным, но проведение столь кардинальной реорганизации непосредственно в предвоенные месяцы

объективно ухудшило работу контрразведки.

17 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны вновь переподчинил контрразведку НКВД, который в силу специфики своей работы более успешно, чем Наркомат Обороны, мог вести борьбу с изменниками, дезертирами, паникерами и распространителями провокационных слухов, наводить порядок в прифронтовой полосе. Был воссоздан единый Народный комиссариат внутренних дел. Реорганизация 3-го Управления НКВМФ прошла позднее — в январе 1942 года. Вертикаль органов военной контрразведки возглавило Управление особых отделов (УОО) НКВД во главе с В. С. Абакумовым. Бывший начальник 3-го Управления НКО СССР Анатолий Николаевич Михеев стал начальником ОО НКВД Юго-Западного фронта.

Начальники особых отделов дивизий и уполномоченные ОО в полках подчинялись военным комиссарам, то есть политическому крылу армии. В прифронтовой полосе в распоряжение особых отделов передавались подразделения войск НКВД.





▲ Задержание агентов

Судьба государства находилась всецело в руках Красной Армии, но при этом широкие полномочия по контролю за ней, включая право внесудебного ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте, получила военная контрразведка.

Подобная модель была характерна и для других государств, ведущих военные действия, и являлась вполне логичной. Но, здесь, видимо, сыграло свою роль и определенное недоверие И. В. Сталина к армейским структурам. История показала, что опасения вождя частично имели под собой основания. Война шла далеко не так, как утверждали партийные пропагандисты. И немало красноармейцев, вынужденных месяц за месяцем отступать под натиском гитлеровцев, а тем более оказавшихся в плену, усомнились в непобедимости РККА и неизбежности советского строя. Естественно, что не всегда подобные настроения приводили к измене, но такие случаи все же имели место.

Вот сухие цифры отчета о результатах деятельности Управления Особых отделов Красной Армии: с начала войны по 1 декабря 1941 года особыми отделами арестовано

35 738 человек, в том числе: шпионов — 2 343, диверсантов — 669, изменников — 4 647, трусов и паникеров — 3 325, дезертиров — 13 887, распространителей провокационных слухов — 4 295, самострельщиков — 2 358, «за бандитизм и мародерство» — 4 214.

Расстреляно по приговорам — 14 473, из них перед строем —

411. По данным НКВД на 8 августа 1942 года, органами госбезопасности с начала войны было арестовано 11 765 агентов противника.

В 1941 году на советско-германском фронте действовало более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд СД и Абвера, функционировало около 60 школ, готовивших агентуру для заброски в тыл Красной Армии.

В оккупированных областях СССР были сформированы четыре территориальных органа немецкой разведки: «Абверштелле-Осланд», «Абверштелле-Украина», «Абверштелле-Юг Украины» и «Абверштелле-Крым». Они выявляли советских разведчиков и подпольщиков, а также людей, просто враждебно относившихся к нацистской Германии, вели борьбу с партизанским движением и готовили агентов для фронтовых команд Абвера. В занятых вермахтом крупных городах, имевших важное стратегическое и промышленное значение, таких, как Таллин, Каунас, Минск, Киев и Днепропетровск, дислоцировались местные отделения контрразведки — абвернебенштелле (АНСТ), а в небольших городах, удобных для заброски агентуры, располагались их филиалы — аусенштелле.

В июне 1941 года для организа-



▲ Допрос пленного



ции разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работы против Советского Союза был создан специальный орган управления «Абвер-заграница» на советско-германском фронте, условно именованный «Штаб «Валли», которому подчинялись Абвер-команды, приданные группам армий «Север», «Центр», «Юг». В подчинении каждой команды имелись от 3 до 8 абвер-групп.

В распоряжении Абвера имелись специальные воинские формирования: дивизия «Бранденбург-800» и полк «Курфюрст», осуществлявшие диверсионно-террористические акты и разведывательную работу в тылу Красной Армии. При выполнении задания диверсанты переодевались в форму военнослужащих Красной Армии, вооружались советским оружием, снабжались документами прикрытия.

В марте 1942 года в Главном управлении имперской безопасности Германии (РСХА) для работы против СССР образован специальный разведывательно-диверсионный орган «Цеппелин». В мае-июне 1944 года в составе РСХА утвержден отряд «Ваффен СС Ягдфербанд» для подготовки и выполнения особо важных заданий по террору, шпионажу и диверсии в расположении Красной Армии.

Ход войны и анализ складывающейся обстановки заставил руководство страны вернуться к практически реализованной в начале 1941 года идее сосредоточения руководства обороной государства и обеспечением безопасности в армии и на флоте в одних руках. Следовало также осуществить перестройку работы армейских чекистов в целях максимального приближения задач военной контрразведки к нуждам фронта.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года в Красной Армии был введен принцип единоначалия: уменьшилась роль политорганов, осуществлявших оперативное руководство особистами на уровне полк-дивизия.

**ПРИКАЗ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛНОГО ЕДИНОНАЧАЛИЯ
И УПРАЗДНЕНИИ ИНСТИТУТА ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ
В КРАСНОЙ АРМИИ**

№ 307

9 октября 1942 г.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 г. «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии»

Приказываю:

1. Освободить от занимаемых должностей комиссаров частей, соединений, штабов, военно-учебных заведений, центральных и главных управлений НКО и других учреждений Красной Армии, а также политруков подразделений и назначить их заместителями соответствующих командиров (начальников) по политической части.

2. Военным советам фронтов и армий в месячный срок присвоить политическим работникам командные воинские звания в пределах предоставленных им прав.

Военным советам фронтов представить в Наркомат обороны не позднее 15 ноября 1942 г. через Главное политическое управление Красной Армии аттестационный материал для присвоения командных воинских званий политическим работникам, начиная со старшего батальонного комиссара и выше.

3. Командирам соединений и военным советам армий и фронтов более решительно выдвигать подготовленных в военном отношении политработников на командные должности, особенно в звене — командир роты, командир батальона.

4. Военным советам фронтов организовать к 20 октября с.г. двухмесячные командные фронтовые курсы, численностью по 150-250 человек, для подготовки командиров рот из наиболее способных к командной работе политработников. Отбор на курсы произвести по согласованию с Главным политическим управлением Красной Армии.

5. Главному управлению кадров Красной Армии создать при курсах «Выстрел» с 1 ноября с.г. двухмесячные курсы по подготовке из наиболее овладевших военным делом комиссаров и политработников для подготовки из них 200 командиров полков и 600 командиров батальонов. Отбор на курсы произвести Главному политическому управлению Красной Армии совместно с Главным управлением кадров.

6. Заместителям командиров (начальников) по политической части, назначенным настоящим приказом, сохранить прежний оклад денежного содержания.

Народный комиссар обороны СССР

И. Сталин





21 апреля 1943 года Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза, Председатель Государственного Комитета Обороны, Народный комиссар обороны И. В. Сталин подписал Постановление ГКО № 3222 (совершенно секретно, особой важности) об утверждении положения о ГУКР «Смерш» НКО СССР.

Текст этого документа состоял всего из одной фразы:

«Утвердить положение о Главном Управлении контрразведки «Смерш» — (Смерть шпионам) и его органах на местах».

Накануне, 19 апреля 1943 года секретным Постановлением Совета народных комиссаров СССР на базе Управления особых отделов Народ-

ного комиссариата внутренних дел СССР было создано Главное управление контрразведки «Смерш» с передачей его в ведение Народного комиссариата обороны СССР. На совещании руководителей разведслужб под председательством И. В. Сталина предлагалось новую контрразведывательную организацию именовать «Смернеш» — от распространенного в годы войны лозунга «Смерть немецким шпионам!». Но И. В. Сталин возразил:

- Почему мы должны иметь в виду только немецких шпионов? Разведывательные службы других стран не действуют против нашей страны? Давайте назовем «Смерть шпионам»... или кратко — Смерш. -

Вместо обтекаемой аббревиатуры ОО «особые отделы» военная контрразведка получила в качестве наименования грозный лозунг Смерш — «Смерть шпионам!»

Таким образом, в Советском Союзе было образовано совершенно новое, качественно отличное от прежних образований — Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны (НКО) СССР — военная контрразведка.

Приложение к документу об утверждении Главного Управления контрразведки «Смерш» подробно раскрывало цели и задачи новой структуры, определяло статус ее сотрудников.

«Начальник Главного Управления контрразведки НКО («Смерш») является заместителем народного комиссара обороны, подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения.

Органы «Смерш» являются централизованной организацией: на фронтах и округах органы «Смерш» (Управления «Смерш» НКО фронтов и отделы «Смерш» НКО армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов и других соединений и учреждений Красной Армии) подчиняются только своим вышестоящим органам.

Органы «Смерш» информируют Военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной Армии по вопросам своей работы: о результатах борьбы с агентурой противника, о проникших в части армии антисоветских элементах, о результатах борьбы с изменой Родине и предательством, дезертирством, членовредительством.

Решаемые задачи:

а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;

б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;

в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;

г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход

на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);

д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;

е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;

ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

Органы «Смерш» освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе.

Органы «Смерш» имеют право:

а) вести агентурно-осведомительную работу;

б) производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты военнослужащих Красной Армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности;

в) производить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или Особого Совещания при Народном комиссариате внутренних дел СССР;

г) применять различные специальные мероприятия, направленные к выявлению преступной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов;

д) вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной Армии.

Органы «Смерш» комплектуются за счет оперативного состава бывшего Управления особых отделов НКВД СССР и специального отбора воен-



нослужащих из числа командно-начальствующего и политического состава Красной Армии. В связи с чем работникам органов «Смерш» присваиваются воинские звания, установленные в Красной Армии,

и работники органов «Смерш» (в целях конспирации, прим. В. С.) носят форму, погоны и другие знаки различия, установленные для соответствующих родов войск Красной Армии».

Отдельным пунктом Положение о ГУКР «Смерш» НКО предусматривало взаимодействие с органами НКГБ и НКВД, межведомственный обмен оперативной информацией и ориентировками по направлению работы.

Сотрудникам военной контрразведки были сохранены оклады денежного содержания и выслуга лет, снабжение и нормы продовольствен-

ных и промышленных пайков, установленные ранее для органов НКВД.

Первым приказом по личному составу ГУКР «Смерш», 29 апреля 1943 года (приказ № 1/сш), Нарком обороны СССР И. В. Сталин установил новый порядок присвоения званий офицерскому составу нового Главка, имевшему преимущественно «чекистские» спецзвания:

Вместе с тем есть достаточно примеров, когда военные контрразведчики — «смершевцы» (особенно это касается старших офицеров) носили персональные звания госбезопасности. Например, подполковник ГБ Г. И. Поляков (звание присвоено 11 февраля 1943 года) с декабря 1943-го по март 1945-го возглавлял отдел контрразведки «Смерш» 109-й стрелковой дивизии. При этом следует помнить, что специальные звания госбезопасности не соответствовали воинским званиям.

19 апреля 1943 года Постановлением СНК СССР № 415-138 сс на базе Управления особых отделов (УОО) Народного комиссариата внутренних дел СССР были образованы:

1. Главное управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата обороны СССР (начальник — комиссар ГБ 2 ранга В. С. Абакумов).

2. Управление контрразведки «Смерш» Народного комиссариата ВМФ СССР (начальник — комиссар ГБ П. А. Гладков).

15 мая 1943 года, в соответствии с упомянутым постановлением СНК для агентурно-оперативного обслуживания пограничных и внутренних войск, милиции и других вооруженных формирований Наркомата приказом НКВД СССР № 00856 был создан Отдел контрразведки (ОКР) «Смерш» НКВД СССР (начальник — комиссар ГБ С. П. Юхимович).

Начальник ГУКР «Смерш» Виктор Семенович Абакумов руководил службой с начала создания и до ее ликвидации (19 апреля 1943 года до 4 мая 1946 года).

Заместителями начальника ГУКР «Смерш» были:

— Комиссар ГБ 3 ранга, с 26 мая 1943 генерал-лейтенант Селивановский Николай Николаевич (19 апреля 1943 — 4 мая 1946), отвечавший за разведку.

«В соответствии с утвержденным Государственным Комитетом Обороны положением о Главном Управлении Контрразведки Народного Комиссариата Обороны «Смерш» и его органах, — Приказываю: 1. Присвоить личному составу органов «Смерш» воинские звания установленные Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР в следующем порядке: НАЧАЛЬСТВУЮЩЕМУ СОСТАВУ ОРГАНОВ «СМЕРШ»: а) имеющим звание мл. лейтенант гос. безопасности — МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ; б) имеющим звание лейтенант гос. безопасности — ЛЕЙТЕНАНТ; в) имеющим звание ст. лейтенант гос. безопасности — СТ. ЛЕЙТЕНАНТ; г) имеющим звание капитан гос. безопасности — КАПИТАН; д) имеющим звание майор гос. безопасности — МАЙОР; е) имеющим звание подполковник гос. безопасности — ПОДПОЛКОВНИК; ё) имеющим звание полковник гос. безопасности — ПОЛКОВНИК. 2. Остальным лицам начальствующего состава, имеющим звание комиссар гос. безопасности и выше, — воинские звания присвоить в персональном порядке».





▲ Абакумов Виктор Семенович

— Комиссар ГБ 3 ранга, с 26 мая 1943 года генерал-лейтенант Бабич Исай Яковлевич (19 апреля 1943 — 4 мая 1946).

— Комиссар ГБ 3 ранга, с 26 мая 1943 года генерал-лейтенант Мешик Павел Яковлевич (19 апреля 1943 — 17 декабря 1945).

— Полковник, с 26 мая 1943 года генерал-майор, с 25 сентября 1944 года генерал-лейтенант Врядий Иван Иванович (26 мая 1943- 4 мая 1946), отвечал за кадры «Смерш».

Кроме заместителей, начальник Главного Управления Контрразведки «Смерш» имел помощников, каждый из которых курировал деятельность



▲ Селивановский Николай Николаевич



▲ Москаленко Иван Иванович

одного из фронтовых Управлений контрразведки «Смерш».

Помощники начальника ГУКР «Смерш»:

— Комиссар ГБ, с 26 мая 1943 года генерал-майор, с 31 июля 1944 года генерал-лейтенант Москаленко Иван Иванович 21 апреля 1943 — май 1946.



— Полковник ГБ, с 26 мая 1943 года генерал-майор Прохоренко Константин Павлович 21 апреля 1943 — 4 октября 1944 скончался.

— Полковник ГБ, с 26 мая 1943 года генерал-майор Мисюрев Александр Петрович 21 апреля 1943 — май 1946.

— Полковник, с 26 мая 1943 года генерал-майор Авсеевич Александр Александрович апрель 1943 — июль 1943.

— Полковник, с 26 мая 1943 года генерал-майор Болотин Григорий Самойлович апрель 1943 — май 1946.

— Полковник, с 26 мая 1943 года генерал-майор Рогов Вячеслав Павлович апрель 1943 — 1945.

— Полковник, с 26 апреля 1943 года генерал-майор Русак Иван Тимофеевич апрель 1943 — май 1946.

— Генерал-майор, с 20 июня 1945 года генерал-лейтенант Тимофеев Петр Петрович сентябрь 1943 — 4 мая 1946. (УКР Смерш Степного с 16 октября 1943 2-го Украинского фронтов).

— Полковник ГБ, с 26 мая 1943 года — генерал-майор Кожевников Сергей Федорович 29 апреля 1943 — 4 мая 1946.

— Полковник, с 31 июля 1944 года — генерал-майор Ширма-

нов Виктор Тимофеевич июль 1943. (УКР Смерш Центрального, с 16 октября 1943 Белорусского фронтов)

В состав ГУКР «Смерш» с апреля 1943 года вошли соответствующие отделы, начальники которых были утверждены приказом №3/сш наркома обороны И.В. Сталина от 29 апреля 1943 года.

1-й отдел, отвечал за агентурно-оперативную работу в центральном аппарате Наркомата обороны. Начальник — полковник ГБ, с 26 мая 1943 года генерал-майор Горгонов Иван Иванович 29 апреля 1943 — май 1946.

2-й отдел, отвечал за работу среди военнопленных, проверку военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену. Начальник — подполковник Карташев Сергей Николаевич 29 апреля 1943 — май 1946.

3-й отдел, занимался борьбой с агентурой, забрасываемой в тыл Красной Армии. Начальник — полковник Утехин Георгий Валентинович 29 апреля 1943 — февраль 1944.

4-й отдел, осуществлял работу на стане противника для выявления агентов, забрасываемых в части Красной Армии. Начальник — полковник Тимофеев Петр Петрович 29 апреля 1943 — февраль 1944.

5-й отдел, осуществлял руководство работой органов «Смерш» в военных округах. Начальник — полковник Зеничев Дмитрий Семенович 29 апреля 1943 — 1944.

6-й отдел, следственный. Начальник — подполковник Леонов Александр Георгиевич 29 апреля 1943.

7-й отдел, проводил оперативный учет и статистику, проверку военной номенклатуры ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ, шифрработников, допуск к совершенно секретной и секретной работе, проверку работников, командируемых за границу. Начальник — полковник Сидоров А. Е. (был назначен после выхода приказа).

8-й отдел, оперативной техники. Начальник — подполковник Шариков Михаил Петрович, с 1943 года полковник 29 апреля 1943 — май 1946.

9-й отдел, осуществлял обыски, аресты, наружное наблюдение. Начальник — подполковник Кочетков Александр Евстафьевич 29 апреля 1943.

10-й отдел, Отдел «С», осуществлял специальные задания. Начальник — майор Збраилов Александр Михайлович 29 апреля 1943.

11-й отдел, шифровальный. Начальник — полковник Чертов Иван Александрович с 23 июля 1945 (29.4.1943-5.1946).



▲ Авсеевич Александр Петрович



▲ Горгонов Иван Иванович



▲ Утехин Григорий Валентинович





▲ **Вадис Александр Анатольевич**

Политотдел ГУКР «Смерш» возглавлял полковник Сидельников Никифор Матвеевич 29 апреля 1943 — май 1946.

Отдел кадров ГУКР «Смерш» возглавлял полковник Врядий Иван Иванович, с 26 мая 1943 года генерал-майор, с 25 сентября 1944 года генерал-лейтенант 26 мая 1943 — май 1946.

Административно-финансово-хозяйственный отдел. Начальник — подполковник Половнев Сергей Андреевич 29 апреля 1943.

Секретариат ГУКР «Смерш» возглавлял полковник Чернов Иван Александрович 29 апреля 1943 — май 1946.

Численность центрального аппарата ГУКР «Смерш» Народного комиссариата обороны составляла 646 человек. Штат Управления контрразведки Смерш фронта колебался от 112 до 130 человек, Отдел контрразведки Смерш армии — 57 человек, Отдел контрразведки Смерш дивизии — 21 человек.

Начальники Управлений контрразведки «СМЕРШ» фронтов:

Белорусский фронт — генерал-майор Вадис Александр Анатольевич 20 октября 1943 — 17 февраля 1944.

1-й Белорусский фронт — генерал-майор, с 25 сентября 1944 года



▲ **Кочетков Александр Евстафьевич**

генерал-лейтенант Вадис Александр Анатольевич 17 февраля 1944 — июнь 1945.

2-й Белорусский фронт — генерал-майор, с 25 сентября 1944 года генерал-лейтенант Едунов Яков Афанасьевич 17 февраля 1944 — июнь 1945.

3-й Белорусский фронт — генерал-лейтенант Зеленин Павел Васильевич 24 апреля 1944 — май 1945.

Брянский фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Железников Николай Иванович 19 апреля 1943 — 10 октября 1943.

Волховский фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Мельников Дмитрий Иванович 19 апреля 1943 — февраль 1944.

Воронежский фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Осетров Николай Алексеевич 19 апреля 1943 — октябрь 1943.

Дальневосточный фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор, с 2 ноября 1944 года генерал-лейтенант Чесноков Александр Николаевич 19 апреля 1943 — август 1945.

1-й Дальневосточный фронт — генерал лейтенант Мельников Дмитрий Иванович июнь — сентябрь 1945.

2-й Дальневосточный фронт — генерал-лейтенант Чесноков Алек-



▲ **Тимофеев Пётр Петрович**

сандр Николаевич август — сентябрь 1945.

Забайкальский фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор, с 2 ноября 1944 года генерал-лейтенант Саломимский Иван Тимофеевич 19 апреля 1943 — июнь 1945; генерал-лейтенант Вадис Александр Анатольевич июнь — сентябрь 1945.

Закавказский фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор, с 2 ноября 1944 года генерал-лейтенант Рухадзе Николай Максимович 19 апреля 1943 — август 1945.

Западный фронт — с 26 мая 1943 года генерал-лейтенант Зеленин Павел Васильевич 19 апреля 1943 — 24 апреля 1944.

Калининский фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Ханников Николай Георгиевич 19 апреля 1943 — 20 октября 1943.

Карельский фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Сиднев Алексей Матвеевич 19 апреля 1943 — апрель 1944, генерал-майор, с 29 мая 1944 года генерал-лейтенант Мельников Дмитрий Иванович апрель 1944 — 15 ноября 1944.

Ленинградский фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор, с 25 сентября 1944 года генерал-лейтенант Быстров Александр Семенович 19 апреля 1943 — июль 1945.





▲ Ивашутин Петр Иванович

Прибалтийский фронт — генерал-майор Железников Николай Иванович 10 октября 1943 — 20 октября 1943.

1-й Прибалтийский фронт — генерал-майор, с 31 июля 1944 года генерал-лейтенант Ханников Николай Георгиевич 20 октября 1943 — май 1945.

2-й Прибалтийский фронт — с 25 сентября 1944 года генерал-майор Железников Николай Иванович 20 октября 1944 — 1 апреля 1945.

3-й Прибалтийский фронт — генерал-майор, с 31 июля 1944 года генерал-лейтенант Белкин Михаил Ильич май 1944 — 16 октября 1944.

Северо-Западный фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Едунов Яков Афанасьевич 19 апреля 1943 — 20 ноября 1943.

Северо-Кавказский фронт — с 25 мая 1943 года генерал-майор Белкин Михаил Ильич 19 апреля 1943 — 20 ноября 1943.

Степной фронт — с 25 мая 1943 года генерал-майор Королев Николай Андрианович 19 июля 1943 — 20 октября 1943.

1-й Украинский фронт — генерал-майор, с 25 сентября 1944 года генерал-лейтенант Осетров Николай Алексеевич 20 октября 1943 — июнь 1945.



▲ Белкин Михаил Ильич

2-й Украинский фронт — генерал-майор, с 31 июля 1944 года генерал-лейтенант Королев Николай Андрианович 20 октября 1943 — июнь 1945.

3-й Украинский фронт — генерал-майор, с 25 июля 1944 года генерал-лейтенант Ивашутин Петр Иванович 20 октября 1943 — июнь 1945.

4-й Украинский фронт — генерал-майор, с 25 сентября 1944 года генерал-лейтенант Ковальчук Николай Кузьмич 20 октября 1943 — июнь 1945.

Центральный фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Вадис Александр Анатольевич 19 апреля 1943 — 20 октября 1943.

Юго-Западный фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Ивашутин Петр Иванович 19 апреля 1943 — 20 октября 1943.

Южный фронт — с 26 мая 1943 года генерал-майор Ковальчук Николай Кузьмич 19 апреля 1943 — 20 октября 1943.

Приморская армия — генерал-майор Белкин Михаил Ильич 20 ноября 1943 — май 1944.

Сотрудникам всех трех ведомств «Смерш» надлежало носить форму одежды и знаки различия воинских частей и соединений, ими обслуживаемых.



▲ Ковальчук Николай Кузьмич

В годы Великой Отечественной войны в Советском Союзе было три контрразведывательные организации, которые назывались «Смерш». Они не подчинялись друг другу, находились в разных ведомствах, это были три независимых контрразведывательных органа: Главное управление контрразведки «Смерш» в Наркомате обороны, которое возглавлял В.С. Абакумов и о котором в настоящее время существует относительно много публикаций. Этот «Смерш» подчинялся наркому обороны, напрямую, Главнокомандующему Вооруженными силами Советского Союза И.В. Сталину.

Второй контрразведывательный орган, который носил также наименование «Смерш» — относился к Управлению контрразведки Наркомата Военно-Морского флота, подчинялся наркому Военно-морского флота адмиралу Н.И. Кузнецову и никому другому.

И наконец, отдел контрразведки «Смерш» в Наркомате внутренних дел, который подчинялся непосредственно Л.П. Берии. Это были три независимых контрразведывательных подразделения в трех силовых ведомствах.

26 мая 1943 года Постановлением СНК СССР № 592 руководящим





работникам органов «Смерш» (НКО и НКВМФ) были присвоены обще генеральские звания. Начальник ГУКР НКО СССР «Смерш» В. С. Абакумов, единственный, «армейский смершевец», несмотря на назначение его, по совместительству, заместителем Наркома обороны, сохранял за собой вплоть до июля 1945 года «чекистское» спецзвание КОМИССАР ГБ 2 ранга.

20 мая 1943 года вышло специальное Постановление ГКО «О заместителях наркома обороны», согласно которому В. С. Абакумов, оставаясь начальником Главного управления контрразведки «Смерш» НКО, был освобожден от должности заместителя наркома (в числе других заместителей Верховного, командующих родов войск и начальников главных управлений). У Сталина в наркомате остались только два заместителя: — маршал Советского Союза Г. К. Жуков, и по Генеральному штабу — маршал Советского Союза А. М. Василевский. Такая реорганиза-

ция в постановлении ГКО мотивировалась тем, что повышение в должности руководителей наркомата ранее было связано с перестройкой ведомства «применительно» к нуждам войны». В данный же момент, констатировал Государственный Комитет Обороны, наркомат «приспособился к нуждам войны, а начальники главных управлений и командующие войск приобрели достаточный опыт и авторитет».

Начальник УКР НКВМФ СССР «Смерш» П. А. Гладков 24.07.1943 года стал генерал-майором береговой службы, а начальник ОКР НКВД СССР «Смерш» С. П. Юхимович — остался до июля 1945 года комиссаром ГБ.

В 1941 году И. В. Сталин подписал постановление ГКО СССР о государственной проверке (филтрации) военнослужащих Красной Армии, бывших в плену или в окружении войск противника. Аналогичная процедура осуществлялась и в отношении оперативного состава органов госбез-

опасности. Филтрация военнослужащих предусматривала выявление среди них изменников, шпионов и дезертиров. Постановлением СНК от 6 января 1945 года при штабах фронтов начали функционировать отделы по делам репатриации, в работе которых принимали участие сотрудники органов «Смерш». Создавались сборно-пересыльные пункты для приема и проверки советских граждан, освобожденных Красной Армией.

В этой ситуации «Смерш» кроме контрразведывательных задач, частично выполнял карательные.

Все, что в последние годы вброшено «демократической пропагандой», начиная с времен начала приснопамятной перестройки, правления алкоголика Ельцина и до сегодняшнего дня, весь этот «шквал объективной критики» в отношении Смерша — есть беспардонная ложь. В современной России, строящей пещерный капитализм, стоит острая необходимость для пятой колонны до-



казать преимущества политического и государственного образования под названием РФ над могучим и великим Советским Союзом, поэтому ложь стала ремеслом политиков, режиссеров, журналистов, общественных деятелей, прочей пишущей челяди. Так изощренно лгут, что даже их западные покровители смущенно замолкают. Возводя крысину ложь в политическую сверхзадачу, подчиняя ей все силы и средства, они одновременно, же скрытно расправляются с инакомыслием.

К преследованию мирного населения ГУКР «Смерш» никакого отношения не имел. Этим смершевцы просто не занимались, у них были другие задачи, а работа с мирным населением — прерогатива территориальных органов НКВД-НКГБ.

Органы «Смерш» не могли приговорить кого-либо к тюремному заключению или расстрелу, они не являлись судебными органами. Приговоры выносил военный трибунал или Особое совещание при НКВД СССР.

Санкцию на аресты среднего командного состава военные контрразведчики должны были получать от Военного совета армии или фронта, а старшего и высшего начальствующего состава — от наркома обороны. Вместе с тем «Смерш» выполнял функцию тайной полиции в войсках, в каждом полку имелся свой особист, который вел дела на солдат и офицеров, имеющих проблемные биографии, и вербовал агентуру. Зачастую агентура «Смерша» проявляла героизм на поле боя, особенно в ситуации паники и отступления.

Оперативники «Смерша» в розыскной практике предпочитали индивидуальное огнестрельное оружие, поскольку офицер-одиночка с автоматом во все времена вызывал любопытство окружающих. Наибольшей популярностью пользовались следующие пистолеты:

— Револьвер системы «Наган» офицерский самовзводный образца 1895 года

— Пистолет ТТ образца 1930-1933 годов

— Walther PPK

— Борхард-Люгер (Парабеллум-08)

— Пистолет Walther P-38

— Пистолет Beretta M-34 калибра 9 мм

— Специальный оперативно-дизайнерский малогабаритный пистолет Lignose, калибра 6,35 мм

— Пистолет MauserHSc

— «Чешская Зброевка» калибра 9 мм

— Браунинг, 14-ти зарядный, образца 1930 года, калибра 9 мм.

Армейские заградительные отряды при органах «Смерш» никогда не создавались, и сотрудники «Смерш» их никогда не возглавляли. В начале Великой Отечественной войны заградительные мероприятия осуществлялись войсками НКВД по охране тыла Действующей армии.

В битве за Москву, несмотря на нечеловеческое противостояние, немецко-фашистским войскам удалось 28 ноября 1941 года форсиро-

вать канал Москва — Волга и 5 декабря выйти к московскому пригороду Химки. Но дальнейшие попытки противника прорваться к Москве были сорваны. И в этом немалая заслуга принадлежит военным контрразведчикам Абакумова. Для укрепления дисциплины и повышения стойкости войск, кроме активизации политической работы на фронте, широко использовались и заградительные отряды, которые действовали на линии фронта и в прифронтовой полосе. Только с начала войны до 10 октября 1941 года заградотряды особых отделов задержали более 650 тыс. отставших от своих частей и оставших фронт военнослужащих. До сих пор по этому поводу можно услышать осуждение, но, к сожалению, без репрессий остановить врага было невозможно.

Еще летом 41-го в распоряжение особых отделов передавались вооруженные отряды войск НКВД по ох-



▲ Матвеев А.И. Нач. ОКР Смерш дивизии





▲ Офицеры ОКР Смерш

ране тыла Действующей армии. При особых отделах фронтов формировались стрелковые батальоны, при особых отделах армий — роты, при особых отделах дивизий и корпусов — взводы. 4 декабря 1941 года НКВД СССР направил в ГКО сведения, полученные из особых отделов Западного, Северо-Западного, Южного, Юго-Западного и Ленинградского фронтов, о переходах военнослужащих на сторону противника, а также данные о предотвращении таких попыток. Согласно документам, с начала войны (по неполным данным) было совершено 102 групповых перехода общей численностью 1944 человека. Одновременно были пресечены намерения перехода на сторону врага 159 групп в составе 1874 военнослужащих и 2773 одиночных попытки совершить такого рода преступления.

Сначала войны по 1 декабря 1941 года особыми отделами НКВД

было арестовано 35 738 чел., в том числе шпионов — 2343, диверсантов — 669, изменников — 4647, трусов и паникеров — 3325, дезертиров — 13 887, распространителей провокационных слухов — 4295, самострельщиков — 2358, за бандитизм и мародерство — 4214; расстреляно по приговорам — 14 473, из них перед строем — 411.

Только на Западном фронте в 1941 году особысты во взаимодействии с войсками НКВД по охране тыла задержали и разоблачили свыше 1000 немецких агентов, на Ленинградском и Южном фронтах — около 650, на Северо-Западном — свыше 300.

Следует отметить, что репрессии коснулись и членов семей военнослужащих. Только по 10 августа 1942 г. к ответственности было привлечено 2688 семей изменников Родины. Из них осуждены — 1292 человека.

Ярый «демократ» перевертыш, бывший главный политрук армии Волкогонов Д. А. писал: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей «упереться», призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары».

В 1942 году по приказу № 227 («Ни шагу назад!») Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина начали создаваться армейские заградительные отряды при каждой армии, находившейся на фронте. Фактически они предназначались для поддержания порядка во время боя. Лишь во главе заградительных отрядов Сталинградского и Донского фронтов в сентябре-декабре 1942 года стояли работники особых отделов НКВД. Но это был особый случай. На карту было поставлено все.



**СПРАВКА ОО НКВД СТВ В УОО НКВД СССР
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАГРАДИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ
СТАЛИНГРАДСКОГО И ДОНСКОГО ФРОНТОВ**

(не ранее 15 октября) 1942 г.

В соответствии с приказом НКО №227 в частях, действующих в Красной Армии по состоянию на 15 октября с.г. сформировано 193 заградительных отряда. Из них в частях Сталинградского фронта сформировано — 16 и Донского — 25, а всего 41 отряд, которые подчинены Особым отделам НКВД армий.

Заградительными отрядами с начала их формирования (с 1 августа по 15 октября с.г.) задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта.

Из числа задержанных: арестовано 3 980 человек, расстреляно 1 189 человек, направлено в штрафные роты 2 776 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека.

Наибольшее число задержаний и арестов произведено заградительными отрядами Донского и Сталинградского фронтов.

По Донскому фронту задержано 36 109 человек, арестовано 736 человек, расстреляно 433 человека, направлено в штрафные роты 1 056 человек, штрафные батальоны 33 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 32 933 человека.

По Сталинградскому фронту задержано 15 649 человек, арестовано 244 человека, расстреляно 278 человек, направлено в штрафные роты 218 человек, в штрафные батальоны 42, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 14 833 человека.

Следует отметить, что заградительные отряды, и особенно отряды на Сталинградском и Донском фронтах (подчиненные особым отделам НКВД армий) в период ожесточенных боев с противником сыграли свою положительную роль в деле наведения порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода с занимаемых ими рубежей, возвращения значительного числа военнослужащих на передовую линию фронта.

29 августа с.г. штаб 29 стр. дивизии 64 армии Сталинградского фронта был окружен прорвавшимися танками противника, части дивизии, потеряв управление, в панике отходили в тыл.

Действующий за боевыми порядками частей дивизии заградотряд (начальник отряда лейтенант госбезопасности Филатов), приняв решительные меры, приостановил отходящих в беспорядке военнослужащих и возвратил их на ранее занимаемые рубежи обороны.

На другом участке этой дивизии противник пытался прорваться в глубь обороны. Заградотряд вступил в бой и задержал продвижение врага.

14 сентября с.г. противник предпринял наступление против частей 399 стр. дивизии 62 армии, несших оборону города Сталинграда. Бойцы и командиры 396 и 472 стр. полков в панике стали отходить, оставляя рубежи.

Начальник заградотряда (мл. лейтенант госбезопасности Ельман) приказал своему отряду открыть огонь над головами отступающих. В результате личный состав этих полков был остановлен и через 2 часа полки заняли прежние рубежи своей обороны.

20 сентября с.г. противник занял восточную окраину Мелеховской. Сводная бригада под натиском противника начала самовольный отход на другой рубеж. Действиями заградотряда 47 армии Черноморской группы войск в бригаде был наведен порядок. Бригада заняла прежние рубежи и по инициативе политрука роты этого же заградотряда Пестова, совместными действиями с бригадой противник был отброшен от Мелеховской.

В критические моменты, когда требовалась поддержка для удержания занимаемых рубежей, заградительные отряды вступали непосредственно в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему потери.

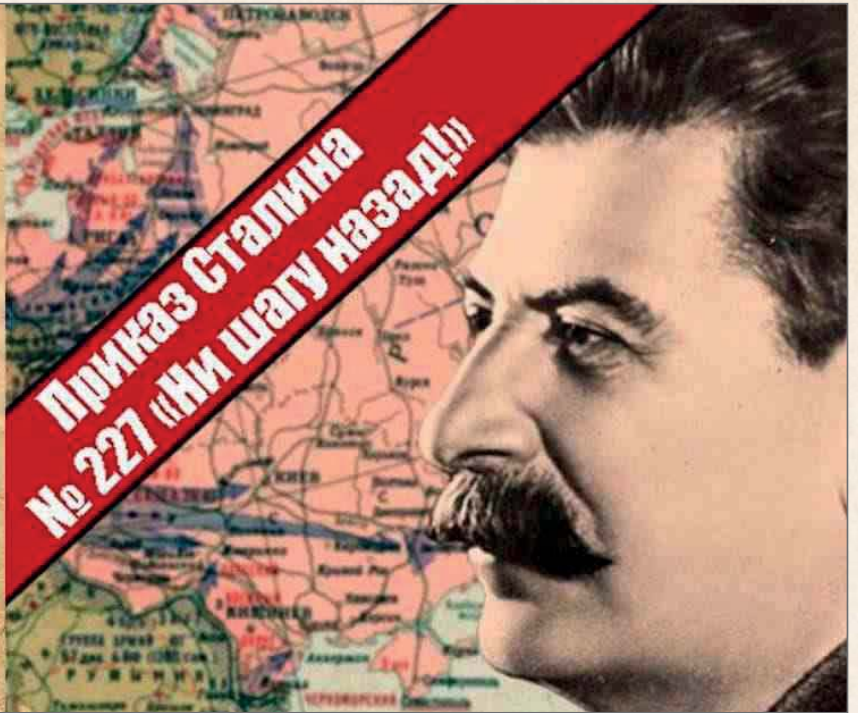
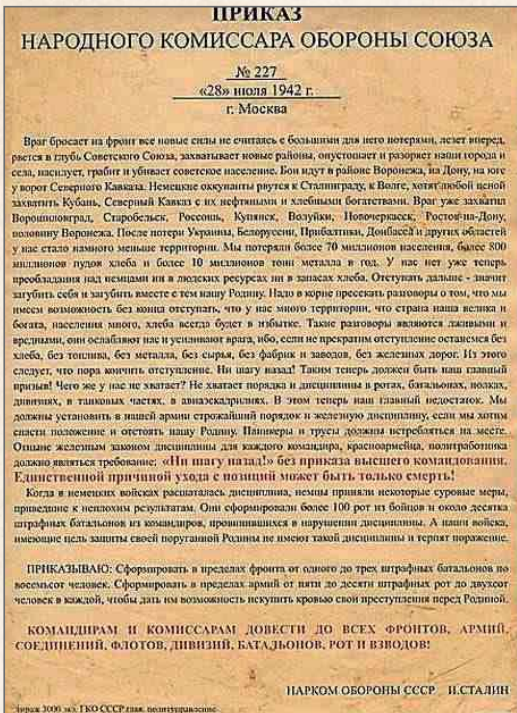
13 сентября сего года 112 стр. дивизия под давлением противника отошла с занимаемого рубежа. Заградотряд 62 армии под руководством начальника отряда (лейтенанта госбезопасности Хлыстова) занял оборону на подступах к важной высоте. В течение 4-х суток бойцы и командиры отряда отражали атаки автоматчиков противника и нанесли им большие потери. Заградотряд удерживал рубеж до подхода воинских частей.

15-16 сентября с.г. заградотряд 62 армии в течение 2-х суток успешно вел бой с превосходящими силами противника в районе ж.д. вокзала г. Сталинграда. Несмотря на свою малочисленность заградотряд не только отбивал атаки противника, но и нападал на него, причинив ему значительные потери в живой силе. Свой рубеж отряд оставил только тогда, когда на смену подошли части 10-й стр. дивизии.

Отмечено ряд фактов, когда заградительные отряды отдельными командирами соединений использовались неправильно. Значительное число заградотрядов направлялось в бой наравне с линейными подразделениями, которые несли потери, вследствие чего отводились на переформирование и служба заграждения не осуществлялась.

19 сентября с.г. командование 240 стр. дивизии Воронежского фронта одной из рот заградотря-





да 38-й армии дало боевое задание очистить рошу от группы немецких автоматчиков. В боях за рошу эта рота потеряла 31 человека, из них убитыми 18 человек.

Заградительный отряд 29-й армии Западного фронта, будучи в оперативном подчинении у командира 246 стр. дивизии, использовался как строевая часть. Принимая участие в одной из атак, отряд из 118 человек личного состава потерял убитыми и ранеными 109 человек, в связи с чем заново формировался.

По 6-й армии Воронежского фронта согласно приказу Военного совета армии 2 заградительных отряда 4-го сентября с.г. были приданы 174 стр. дивизии и введены в бой. В результате заградотряды в бою потеряли до 70 % личного состава,

оставшиеся бойцы этих заградотрядов были переданы названной дивизии и таким образом расформированы. 3-й отряд этой же армии 10 сентября с.г. был поставлен в оборону.

В 1-й гвардейской армии Донского фронта по приказу командующего армией Чистяков и члена Военного совета Абрамова, 2 заградительных отряда неоднократно направлялись в бой, как обыкновенные подразделения. В результате отряды потеряли более 65 % личного состава и впоследствии расформированы.

В связи с этим приказ Военного совета фронта о передаче 5-ти заградительных отрядов в подчинение 24-й армии не выполнен.

Казакевич

Ветеран ОКР Смерш 51-й армии Сталинградского фронта, генерал-майор Леонид Георгиевич Иванов в 1962 году на встрече с личным составом 19 гвардейской Будапештско-Николаевской четырежды орденноносной танковой дивизии Южной группы войск, в бытность его начальником Особого отдела ЮГВ рассказывал: «В середине июля 1942 года немецкие войска заняли Ростов и Новочеркасск. Это стало большим потрясением для армии и страны

в целом. Противник сравнительно легко овладел указанным крупнейшим стратегическим районом.

Дело было в том, что наш фронт на Дону оказался очень слабым и по численности войск и по вооружениям. Помню, как один из руководителей особого отдела дивизии докладывал, что дивизия имеет всего 700 человек личного состава. Многие из солдат и офицеров этого фронта побывали в аду Керченского полуострова, пережили тяжелейшую

трагедию и в моральном отношении не были достаточно устойчивы.

Немецкое командование в районе Константиновки соорудило понтонный мост и пустило по нему танки на левый берег Дона. Некоторые танки были камуфлированы для маскировки нашими надписями по бортам «За Родину», «За Сталина», враг использовал тогда значительное количество заранее собранных и подготовленных трофейных танков Т-34 и БТ. Танковая армада, вырвавшись



на оперативный простор, пошла «гулять» по донским степям, расчлняя и уничтожая отдельные части, лишая их связи друг с другом и с командованием. Отдельные танковые группы противника, сея панику, вышли к Волге и были остановлены за 200-300 км от линии фронта.

После сдачи Ростова и Новочеркаска отступление по бескрайним донским степям проходило беспорядочно. В крови и поту, в жаре и бесконечной пыли по степям бродили какие-то части или даже группы вооруженных людей. Многие не имели никаких указаний: ни куда идти, ни кого искать, ни где закрепляться. Порой встречались какие-то дикие группы солдат. Как цель следования называли почему-то Элисту — столицу Калмыкии. Командование не имело с этими группами никакой связи, порой просто не знало об их существовании.

Однажды мы задержали какого-то одинокого высокого человека, пожилого, интеллигентного вида, одетого в деревенские штаны, рубашку и лапти. В руках он нес висящий на веревочке горшок с водой. Спрашиваем его: кто он такой?

Отвечает:

— Я — такой-то, командир дивизии. Дивизия была разбита в степях под Ростовым, из личного состава многие погибли. Другие разбрелись кто куда.

Спрашиваем:

— Как вы докажете, что являетесь командиром дивизии?

Старик тяжело вздохнул, сел прямо на землю и снял лапоть. Из-под стельки он достал удостоверение личности, партбилет и звезду Героя Советского Союза.

Мы не имели времени заниматься его проверкой, сказали только, чтобы он шел в направлении Ста-

линграда. Снабдили его картой, дали поесть...

Мы практически безостановочно разъезжали по донским степям, направляя группы военнослужащих к Сталинграду. Практически ежедневно происходили встречи с немецкими разведчиками и патрулями, обычно закачивавшиеся перестрелкой, а порой и боем.

В этих тяжелейших условиях, когда над нашей страной нависла смертельная угроза порабощения, был издан знаменитый приказ И. В. Сталина № 227».

Приказ № 227 Народного комиссара обороны Союза ССР И. В. Сталина от 28 июля 1942 года, в Действующей армии в годы Великой Отечественной войны называли приказом «Ни шагу назад!» Это был суровый приказ военного лихолетья, вот его полный текст.

**ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР № 227**

О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций

28 июля 1942 г.
г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа.

Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Ар-

мию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступить на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. Территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы и матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги.

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 80 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год. У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить





вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — **ни шагу назад без приказа высшего командования.**

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники,

отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам.

Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи.

Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи.

Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ПРИКАЗЫВАЕТ:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход



войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

**Народный комиссар обороны
И. СТАЛИН**

Сталин этот приказ писал сам собственноручно, стиль письма Сталина трудно спутать с чьим либо другим.

В ноябре 1942 года в полосе Сталинградского фронта заградотряды и пограничные полки, охранявшие тыл действующей армии, задержали 12 818 военнослужащих, из них на укомплектование частей было направлено 6 728 человек без фильтрации, прошли фильтрацию 6 090, при этом 77 оказались агентами немецкой разведки, 296 изменниками и 61 дезертирами.

В действиях заградительных отрядов в годы Великой Отечественной войны ничего преступного не было. Кого и от чего загоразивали заградительные отряды? В конечном счете, загоразивали страну свою от врагов, трусов и паникеров, которые, впрочем, на фронте тоже враги. К тому же эти жесткие меры диктовала сама война, страшнейшая в истории человечества. Кого и по-

чему это должно шокировать и корить? Тем более что в трагические дни отступлений 1941-1942 годов с трусами и паникерами — жесткими мерами боролись не только бойцы заградительных отрядов. Каждый честный человек считал своим долгом сурово пресекать проявления трусости и паникерства. Случалось, что этим приходилось заниматься людям самых мирных профессий — писателям и поэтам — инженерам человеческих душ.

Известный советский писатель и поэт, лауреат шести Сталинских премий К. М. Симонов так описывает свое нахождение на Западном фронте в первые дни войны.

«Я подошел к самой опушке, где лесная дорога выходила на Минское шоссе. Вдруг в пяти шагах от меня на шоссе выскочил боец с винтовкой с сумасшедшими, вылезавшими из орбит, глазами и закричал сдавленным, срывающимся голосом:

— Бегите! Немцы окружили!

Пропали!

Кто-то из командиров, стоявших рядом со мной, закричал:

- Стреляй в него, в паникера! — и, вытащив револьвер, стал стрелять.

Я тоже вынул наган, который получил час назад, и тоже стал стрелять по бегущему. Сейчас мне кажется, что это был, наверно, сумасшедший человек, с психикой, не выдержавшей страшных испытаний этого дня. Но тогда я об этом не думал, а просто стрелял в него.

Очевидно, мы в него не попали, потому что он побежал дальше. Какой-то капитан выскочил ему наперерез на дорогу и пытался задержать, схватил за винтовку. После борьбы красноармеец вырвал винтовку. Она выстрелила. Еще больше испугавшись этого выстрела, он, как затравленный, оглянулся и кинулся со штыком на капитана. Тот вытащил наган и уложил его. Три или четыре человека молча стащили тело с дороги».





▲ Сотрудники ОКР Смерш 378-й стрелковой дивизии, Волховский фронт, июль 1943 г.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОО НКВД ДФ В УОО НКВД СССР «О РАБОТЕ ОСОБОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ТРУСАМИ И ПАНИКЕРАМИ В ЧАСТЯХ ДОНСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 1 ОКТЯБРЯ 1942 ГОДА ПО 1 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА»

17 февраля 1943 г.

**Зам. наркома внутренних дел Союза ССР
Комиссару государственной безопасности
3 ранга
тов. Абакумову**

За время боевых действий войск Донского фронта массовое бегство военнослужащих с поля боя и отход частей без приказа командования были единичными случаями.

Как установлено, трусость и паника в частях со стороны отдельных военнослужащих, больше всего проявлялась в период напряженных оборонительных боев, а также в период наступления наших войск, когда противник, оказывая упорное

сопротивление, неоднократно переходил в контратаки, пытаясь удержаться на занятых рубежах обороны.

Так, например:

В частях 62 армии, которая вела ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами противника, только в сентябре месяце 1942 года осуждено и расстреляно по постановлениям особорганов 195 военнослужащих, проявивших трусость и бежавших с поля боя.

В декабре месяце прошлого года, в период успешного наступления наших войск, осуждено и расстреляно особорганами перед строем 37 трусов и паникеров.

С началом наступления наших войск, во время контратак и сильного сопротивления противника, в 21 армии только за период с 19 по 30 ноября 1942 года было два случая массового бегства с поля боя и отхода подразделений без приказа командования, тогда как в последующие месяцы успешного наступления случаев массового проявления трусо-



сти и паники в частях не установлено.

Всего за период с 1 октября 1942 года по 1 февраля 1943 года, по неполным данным особорганами фронта арестовано трусов и паникеров, бежавших с поля боя — 203 человека, из них:

а) приговорено к ВМН и расстреляно перед строем 49 ч.

б) осуждено к различным срокам ИТЛ и направлено в штрафные роты и б-ны 139 ч.

Кроме того, расстреляно перед строем по постановлениям особорганов 120 трусов и паникеров.

Данные о количестве осужденных трусов, паникеров военными трибуналами и расстрелянных по постановлениям особорганов за январь месяца 1943 года от Особармов не получены.

Наиболее характерными случаями проявления трусости и паники в частях являются следующие.

24 сентября 1942 года противник прорвал линию обороны 42 отдельной стрелковой бригады и вышел к берегу реки Волга.

Врид. Командира бригады капитан **Унжаков**, врид. Военкома бригады ст. батальонный комиссар **Лукин**, в этой сложной боевой обстановке проявили трусость и в панике бежали с поля боя, самовольно переправившись на левый берег Волги.

В результате части бригады остались без управления, понесли большие потери в людях и технике.

Унжаков, Лукин, Каган особым отделом 62 армии были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. На следствии Лукин показал:

«В напряженной боевой обстановке я не принял решительных мер к военнослужащим, самовольно оставлявшим поле боя, и сам оставил бригаду без приказа командования армии».

Военным трибуналом армии Унжаков и Лукин приговорены к ВМН, Каган к 10 годам ИТЛ.

26 сентября 1942 года, в период наступления немецко-фашистских войск на участке 92 отд. стрелковой бригады, командир бригады подполковник **Тарасов** и военком бригады ст. батальонный комиссар **Андреев** не организовали обороны. А проявив трусость, без приказа командования армии перевели КП бригады с правого берега Волги на остров.

Таким образом, Тарасов и Андреев самоустрашили от руководства боев, в результате части бригады самовольно отошли с занимаемых рубежей.

На допросе, будучи арестованным, Тарасов показал:

«Признаю себя виновным в том, что в напряженной боевой обстановке самовольно, без приказа штаба армии оставил бригаду и переехал на остров».

Тарасов и Андреев военным трибуналом приговорены к ВМН.

В октябре 1942 года особым отделом НКВД 149 стрелковой бригады арестован за проявление трусости и бегство с поля боя командир взвода ПТР, млад. политрук **Шилкин**, который на допросе показал:

«Я признаю в том, что дезертировал с поля боя, оставив бойцов на линии обороны. Дезертировал потому, что не был уверен в силе сопротивления бойцов своего взвода. Мне казалось, что красноармейцы не выдержат напора немцев и побегут, но оказалось по-иному — красноармейцы защищались, а я струсил и сбежал с поля боя».

Шилкин по постановлению особбрига расстрелян перед строем командного состава.

22 октября 1942 года особым отделом НКВД 252 сд были арестованы зам. командира роты 924 стр. полка, мл. политрук **Окулов** Федор Семенович и командир взвода мл. лейтенант **Бородин** Максим Гаврилович, которые после ранения командира роты проявили трусость — бежали с поля боя, и только на другой день возвратились на командный пункт своей роты.

Окулов и Бородин осуждены военным трибуналом к ВМН.

12 января 1943 года особым отделом НКВД 204 сд задержаны красноармейцы 93 отдельн. Саперного батальона **Кульмановский** и **Хасанов**, которые в период напряженных боевых действий полка проявили трусость. Бросили свое оружие — бежали с поля боя.

По постановлению особого отдела дивизии Кульмановский и Хасанов расстреляны перед строем батальона.

Массовое бегство военнослужащих с поля боя, а также отход частей и подразделений с занимаемых рубежей без приказа командования, большею частью происходило в силу проявления трусости и паники командного состава этих частей.

Так, например, 23 октября 1942 года особым отделом НКВД 252 сд был задержан и арестован командир пулеметного взвода 924 стр. полка мл. лейтенант **Литвинов** Александр Никитович, который в момент напряженного боя проявил трусость, бросил свой взвод и бежал в тыл.

После бегства с поля боя Литвинова, во взводе среди бойцов началась паника, воспользовавшись которой, противнику удалось захватить в плен один пулеметный расчет.

Литвинов осужден военным трибуналом дивизии к ВМН.

27 ноября 1942 года командир батальона 206 стр. полка...сд, ст. лейтенант Таиров Иван Евдокимович во время контратаки противника, при





▲ Оперативные сотрудники СМЕРШ

появлении немецких танков броил батальон и бежал с поля боя. В результате батальон, не имея управления, понес большие потери и отступил с занимаемого им рубежа.

29 ноября Таиров был задержан особым отделом НКВД...сд в с. Ерзовка, где он скрывался под видом раненого.

В процессе предварительного следствия установлено, что таиров 24 ноября, во время наступления батальона, также проявил трусость, самоустранился от управления боем.

В результате батальон поставленную задачу не выполнил и понес большие потери в людях и технике.

По постановлению особдива, с согласия коман-

дования дивизии, Таиров расстрелян перед строем командного состава полка.

Для пресечения трусости и паники в частях, были мобилизованы все особорганы действующих соединений, агентурно-осведомительная сеть передовых подразделений, а также привлечены армейские заградотряды и заградбатальоны дивизий, которым через Военные советы армий, была поставлена задача — нести службу заграждения непосредственно за боевыми порядками частей, не допуская паники и массового бегства военнослужащих с поля боя.

Взводы охраны особдивов и роты при Особармах были использованы для несения заградслужбы на главных коммуникациях дивизий и армий, с целью задержания трусов, паникеров, дезертиров и другого преступного элемента, укрывающегося в армейском и фронтовом тылу.

В необходимых случаях в соединения и части, для оказания помощи оперативному составу и заградотрядам, высылались оперативные группы Особармов.

В частности, 15 октября 1942 года, в ходе ожесточенных боев в районе СТЗ, противнику удалось выйти к Волге и отрезать от основных сил 62 армии остатки 112 сд, 115, 124 и 149 отдельных стрелковых бригад.

Военный совет армии принял решение объединить все воинские части под общим руководством командира 124 отдельной стр. бригады полковника **Горохова** и организовать круговую оборону от реки Мокрая Мечетка до северной окраины поселка Рынок.

В период непрерывных напряженных боев, среди руководящего командного состава были неоднократные попытки бросить свои части и переправиться на восточный берег Волги.



Для борьбы с трусами и паникерами Особармом была создана оперативная группа, под руководством ст. оперуполномоченного лейтенанта госбезопасности Игнатенко, которая, объединив остатки взводов особых отделов с личным составом 3-го армейского заградотряда, провела исключительно большую работу по наведению порядка в частях группы полковника Горохова, задержанию дезертиров, трусов и паникеров, пытавшихся под разным предлогом переправиться на левый берег Волги.

В течение 15 дней оперативной группой было задержано и возвращено на поле боя до 800 чел. рядового и командного состава, из них 15 чел. по постановлению особорганов расстреляны перед строем.

Во всех случаях неустойчивости и паники, оперативным составом особорганов принимались самые эффективные меры к предотвращению массового бегства военнослужащих с поля боя и отхода частей и подразделений без приказа командования.

Так, 19 ноября 1942 года, во время наступления частей 304 стр. дивизии, командир 3 б-на 809 стр. полка ст. лейтенант **Суханевич** принял свои танки за танки противника, растерялся и приостановил дальнейшее продвижение батальона, но благодаря принятым мерам ст. оперуполномоченным полка тов. **Педенко**, батальон был поднят в атаку и вместе с другими частями дивизии овладели хутором Мало-Клетский.

29 ноября 1942 года, во время совершения марша частями 293 стр. дивизии, батальон 1034 стр. полка, следовавший в головной походной заставе, был внезапно обстрелян группой автоматчиков противника.

В батальоне началась паника, командир батальона ст. лейтенант **Миков** сбежал с поля боя. Принятыми мерами со стороны оперативного состава полка паника была предотвращена и батальон был приведен в боевой порядок.

За проявленную трусость Миков был отстранен от должности комбата и направлен для искупления вины в штрафной батальон.

В отдельных случаях правильно инструктированная агентура сама расправлялась с трусами и паникерами на месте...

В борьбе с трусами, паникерами и восстановлении порядка в частях, проявивших неустойчивость в боях с противником, исключительно большую роль сыграли армейские заградотряды и заградбатальоны дивизий.

Так, 2 октября 1942 года, во время наступления наших войск, отдельные части 138 стр. дивизии, встреченные мощным артиллерийским и минометным огнем противника, дрогнули и в панике бежали назад через боевые порядки 1 батальона 706 сп, 204 сд, находившиеся во втором эшелоне.

Принятыми мерами командованием и заградбатальоном дивизии положение было восстановлено. 7 трусов и паникеров были расстреляны перед строем, а остальные возвращены на передовую линию фронта.

16 октября 1942 года, во время контратаки противника, группа красноармейцев 781 и 124 стр. дивизий, в количестве 30 человек, проявила трусость и в панике начала бежать с поля боя, увлекая за собой других военнослужащих.

Находившийся на этом участке армейский заградотряд 21 армии, силою оружия ликвидировал панику и восстановил прежнее положение.

19 ноября 1942 года, в период наступления частей 293 стр. дивизии, при контратаке противника, два минометных взвода 1306 сп вместе с командирами взводов, мл. лейтенантами **Бога-тыревым** и **Егоровым**, без приказа командования оставили занимаемый рубеж и в панике, бросая оружие, начали бежать с поля боя.

Находившийся на этом участке взвод автоматчиков армейского заградотряда остановил бегущих и, расстреляв двух паникеров перед строем, возвратил остальных на прежние рубежи, после чего они успешно продвигались вперед.

20 ноября 1942 года, во время контратаки противника, одна из рот 38 стр. дивизии, находившаяся на высоте, не оказав сопротивления противнику, без приказа командования стала беспорядочно отходить с занятого участка.

83 заградотряд 64 армии, неся службу заграждения непосредственно за боевыми порядками частей 38 сд, остановил в панике бегущую роту и возвратил ее обратно на ранее занимаемый участок высоты, после чего личный состав роты проявил исключительную выносливость и упорство в боях с противником.

О всех случаях трусости и паники в частях, нами информировались Военные советы армий, по решению которых предавались суду военного трибунала лица старшего командного состава, проявившие трусость и бежавшие с поля боя.

Казакевич

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 912, л. 325-328

Казакевич В. М. родился в 1908 году. С ноября 1941 по август 1942 года заместитель начальника ОО НКВД Юго-Западного фронта. В августе — октябре 1942 года заместитель начальника ОО НКВД Донского фронта, с октября 1942 по февраль 1943 года заместитель начальника ОО НКВД Центрального фронта. Майор госбезопасности (сентябрь 1941 г.), полковник государственной безопасности (февраль 1943 г.).





Для обеспечения оперативной работы, охранения мест дислокации, конвоирования и охраны арестованных из частей Красной Армии органам военной контрразведки «Смерш» выделялись: для фронтового управления «Смерш» — батальон, для армейского отдела — рота, для отдела корпуса, дивизии и бригады — взвод.

Штат управления «Смерш» фронта, в составе которого было свыше 5 армий, определялся количеством 130 человек, менее пяти — 112, отдела «Смерш» армий — 57, отдела «Смерш» округа — от 102 до 193 (самый большой — в МВО). В июне были утверждены штаты УКР «Смерш» Дальневосточного и Забайкальского фронтов, а также штат отдельного стрелкового батальона при управлениях «Смерш» всех фронтов на Западе и Востоке страны, с вооружением и материальной частью.

Что же касается заградительных отрядов, то заградительные службы активно использовались работниками «Смерш» для розыска агентуры разведки противника. Накануне наступательных операций фронтов большой размах приобретали с участием органов «Смерш» мероприятия по линии заградслужбы. В частности, осуществлялось прочесывание военных гарнизонов, до 500 и более населенных пунктов с прилегающими к ним лесными массивами, производился осмотр нежилых помещений, тысяч заброшенных землянок. В ходе таких «зачисток», как правило, задерживалось большое число лиц без документов, дезертиров, а также военнослужащих, имевших на руках документы, с признаками, указывающими на их изготовление в Абвере.

Военные контрразведчики «Смерш» иногда не только выполняли свои прямые обязанности, но и непосредственно участвовали в боях с гитлеровцами, нередко в критические моменты принимали на себя командование ротами и батальонами, потерявших своих командиров. Немало армейских чекистов погибло при исполнении служебных обязанностей, заданий



▲ Смершевцы в Берлине справа Иванов Леонид Георгиевич

командования Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Защита штабных секретов, принятие неотложных мер по предотвращению хищений или утери секретных документов, по их сохранности или уничтожению

на фронте составляли одну из важнейших задач армейских контрразведчиков.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ АЛЬМАНАХА ■



ГЕВАРА де ла СЕРНА ЭРНЕСТО (ЧЕ)

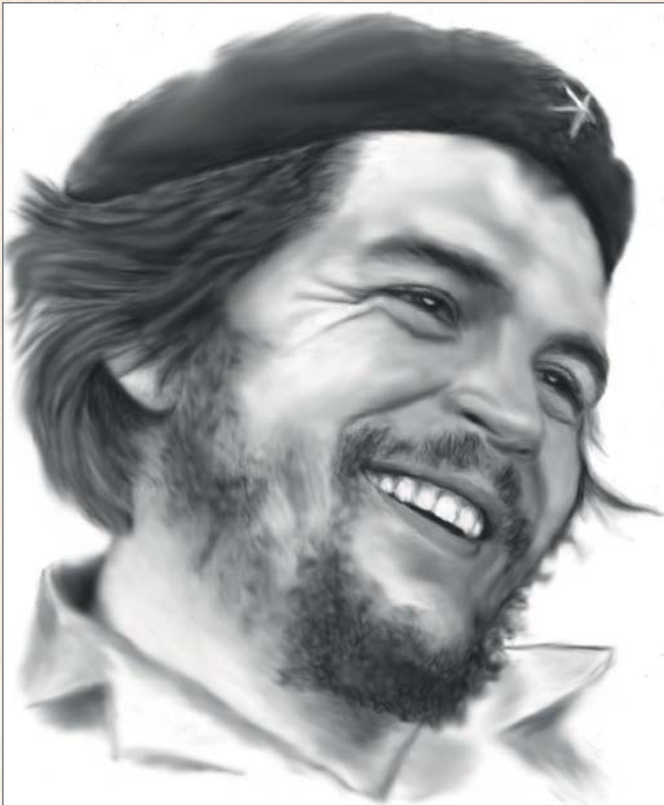
СУЩНОСТЬ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ, ЕЁ ОРГАНИЗАЦИЯ



▲ Фидель, Рауль, Эрнесто Гевара

Победа кубинского народа над диктатурой Батисты была не только триумфом, весть о котором подхватили информационные агентства всего мира, Эта победа опрокинула устаревшие представления о народных массах Латинской Америки, наглядно продемонстрировав способность народа путем партизанской борьбы освободиться от правительства, которое его угнетает.



**Эрнесто Рафаэль Гевара Линч де ла Серна (1928-1967)**

— легендарный лидер кубинской революции, государственный деятель, команданте Революционных Вооруженных Сил Кубы родился 14 июня 1928 года в городе Росарио (Аргентина) в богатой семье: отец Эрнесто Гевара Линч — архитектор, мать Селия де ла Серна — наследница латифундиста.

Семья Гевары проживала в Буэнос-Айресе, где Эрнесто учился на медицинском факультете. Изучал методику лечения прокаженных в лепрозории, путешествовал по странам Латинской Америки, посещая лепрозории. В Гватемале Эрнесто встретился с эмигрантами из Кубы — сторонниками Фиделя Кастро. В сентябре 1954 года Гевара переехал в Мексику, где познакомился с Фиделем Кастро и примкнул к Движению 26 июля. 25 ноября 1956 года группа революционеров в составе 82 человек на шхуне Гранма из Мексики оплыла на Кубу. 2 декабря повстанцы при высадке на берег были обнаружены войсками диктатора Батисты. Под огнем противника большая часть группы погибла. Оставшиеся в живых, просочились в горы Сьерра-Маэстра. Началась партизанская война. К концу 1957 года повстанцы господствовали в Сьерра-Маэстре. С марта

1958 года они перешли к широким наступательным действиям в провинции Орьенте. Началось генеральное наступление, в ходе которого колонне партизан под командованием Че Гевары удалось овладеть серединой острова с ключевым городом Санта Клара. 2 января 1959 года повстанцы вошли в Гавану.

Позже Че Гевара скажет: «После революции работу делают не революционеры. Её делают технократы и бюрократы. А они — контрреволюционеры». В апреле 1965 года, после возвращения на Кубу из длительной зарубежной командировки, Че Гевара пишет письма своим родителям в Аргентину и детям. В письме детям он пишет: «Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и, несомненно, жил согласно своим убеждениям. Будьте всегда способными самым глубоким образом почувствовать любую несправедливость, совершенную, где бы то ни было в мире». В письме Фиделю Кастро Че Гевара писал, что «сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара». Он отказался от кубинского гражданства и всех государственных постов.

Новым революционным очагом в Латинской Америке была выбрана Боливия. Партизанские действия начались 23 марта 1967 года. Глава военной хунты генерал Рене Баррьентос, напуганный известиями о партизанах в своей стране, обратился за помощью к ЦРУ. Против Че Гевары было решено задействовать специально обученные для контрпартизанских действий силы ЦРУ.

Не было человека, которого ЦРУ боялись бы больше чем Че Гевару. Основная угроза, исходившая от Че Гевары, заключалась в том, что он стал «универсальным солдатом» революции: революционер, не связанный догмой, территорией, необходимостью объективных условий революции, классовым подходом и принципами коммунистической революции — всё это делало безграничными возможности экспорта революции.

Партизанский отряд Эрнесто Гевары насчитывал около 50 человек: из них 17 кубинцев (14 из которых погибли в Боливии), боливийцы, перуанцы, чилийцы, аргентинцы. Организаторская партизанская группа действовала как «Армия национального освобождения Боливии». Че Гевару руководство коммунистической партии Боливии не поддержало. В помощь партизанам не прибыли обещанные рекруты от леворадикальных боливийских шахтеров. В довершение всех бед, партизанский авангард, нарушив строгий приказ Че Гевары не ввязываться в боевые столкновения с правительственными войсками, вступил в бой, обнаружив себя



очень рано, когда не были собраны воедино все силы. Около 800 рейнджеров, выпускников американской школы контрпартизанских действий тут же были переброшены в район боливийского местечка Фигуэро, близ которого были обнаружены партизаны.

7 октября 1967 года информатор Сиро Бустос выдал карателям место расположения партизанского отряда Че Гевары в ущелье Кебрада-дель-Юро. Утром 8 октября 650 рейнджеров разбившись на группы вдоль ущелья, заняли выгодные позиции. Одна группа рейнджеров атаковала лагерь партизан. Завязался скоротечный огневой бой. Раненый (винтовка была разбита пулей), отстреливаясь из пистолета, Че Гевара, страдавший астмой, пытался унести на себе тяжело раненого партизана, но был схвачен.

В 12.30 9 октября из Ла-Паса пришла шифрованная радиограмма (приказ президента Боливии) агенту ЦРУ Феликсу Родригесу. «Приступить к уничтожению сеньора Гевара».

Причиной столь скорой расправы над плененным Че Геварой явился большой риск его побега из тюрьмы. Казнь отменяла суд, который бы привлек внимание всего мира к Че Геваре. На суде могли обнаружиться негативные для боливийской военной хунты элементы тесного сотрудничества президента Боливии с ЦРУ и нацистскими военными преступниками, нацистский преступник, эсэсовец Клаус Барбье, известный как «лионский мясник», был советником у боливийских военных. Только со смертью Че Гевары «гориллы» в Ла-Пасе (как и других странах Латинской Америки) и их дрессировщики в Вашингтоне думали обрести уверенность в себе.

Палачом вызвался быть боливийский сержант Марио Теран, выпустивший в Че Гевару девять пуль, последняя пуля попала в горло.

Тело расстрелянного Че Гевары в неизвестной сельской школе в Ла Игере было привязано к полозьям вертолета и доставлено в соседний городок Вальдегранде. Прессе был показан не расстелянный, а «погибший в бою Че Гевара». Военный хирург отсек кисти рук Че Гевары и поместил в сосуд с формалином, с целью подтверждения идентификации отпечатков пальцев убитого. Затем боливийские военные тайно вывезли тело Че Гевары и его погибших соратников в неизвестном направлении.

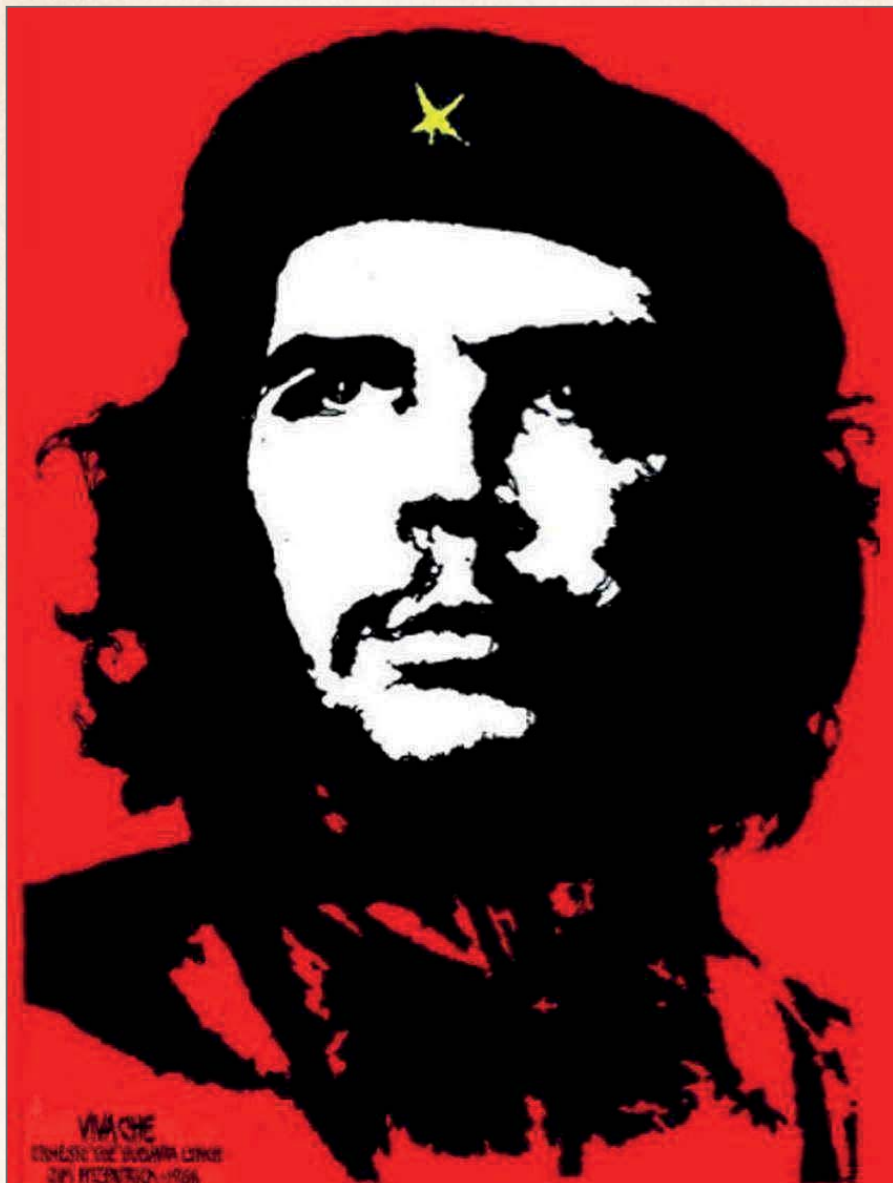
18 октября на митинге, в Гаване выступил Фидель Кастро «Че Гевара жил, боролся и отдал свою жизнь за свободу и счастье народов Латинской Америки. Это был великий человек, отдавший всю свою жизнь, чтобы воплотить идеалы справедливости. Че не принадлежит нашей стране. Он принадлежит Америке».

Смерть Эрнесто Гевары была тяжелым ударом для социалистического революционного движения в Латинской Америке и во всем мире. После гибели для жителей Боливии Че Гевара стал святым человеком, к нему обращались в молитвах, прося о помощи.

Всех, кто был причастен к смерти революционера Эрнесто Гевара, преследовали «проклятья Че Гевары». Президент Боливии Рене Баррьентос в 1969 году погиб в авиакатастрофе при загадочных обстоятельствах. Спустя три месяца убили информатора, выдавшего властям местонахождение партизанского отряда. В 1970 году на шоссе обнаружили обезглавленный труп офицера Лоренцетти, руководившего контрпартизанскими действиями, а капитан боливийских рейнджеров Тарри Прадо, захвативший в плен раненого Че Гевару, был ранен случайной пулей в позвоночник и остался парализованным. Полковник Андреас Селич Шон, избивавший Эрнесто во время допросов, сам был убит в тюрьме, забитый палками. Палач Марио Теран остался жив, но спился и лишился рассудка. Долгое время «проклятие Че Гевары» не карало бывшего министра внутренних дел Боливии Антонио Арбедаса, в присутствии которого Эрнесто отрубили кисти рук. На Арбедаса неоднократно совершали покушения, но он оставался жив. В 2002 году на центральной площади Ла-Паса в руках 72-летнего человека взорвалось взрывное устройство. Этим человеком оказался Антонио Арбедас.

1 июля 1995 года боливийский генерал Марио Варгас сообщил прессе, что он «участвовал в захоронении Эрнесто Гевары. Тело команданте и его друзей закопали в братской могиле рядом с грунтовой взлетно-посадочной полосой за горным городком Вальдегранде в Центральной Боливии». В 1997 году останки тела с ампутированными кистями рук и шесть тел были эксгумированы из захоронения у ВПП Вальдегранде. Тело было идентифицировано, как принадлежащее Эрнесто Геваре, и возвращено на Кубу. 16 октября 1997 года останки Че Гевары и тела шести его товарищей, погибших в последнем бою в Боливии были похоронены с воинскими почестями в специальном мемориальном комплексе Че Гевары в городе Санта Клара, где Эрнесто Гевара выиграл решающую для кубинской революции битву.





ничего не делая для того, чтобы ускорить их созревание. Эти две непреложные в наши дни истины в свое время были предметом обсуждения на Кубе и, возможно, обсуждаются также в других странах Америки. Конечно, когда речь идет об условиях, необходимых для революции, нельзя думать, что они могли быть целиком созданы партизанским центром. Но надо исходить из того, что всегда существует минимум необходимых условий, которые делают возможным создание и укрепление первого партизанского центра. Иными словами, надо ясно показать народу, что борьбу за социальные требования невозможно вести лишь мирными средствами. Ведь мир нарушается именно эксплуататорскими силами, которые незаконно удерживаются у власти.

В этих условиях недовольство народа принимает все более решительные формы и размах и выливается в сопротивление, которое в определенный момент приводит к началу борьбы, вызванной действиями властей.

Там, где правительство пришло к власти более или менее демократическим путем (пусть даже при этом дело и не обошлось без фальсификации) и где поддерживается, по крайней мере, видимость конституционной законности, возникновение партизанского движения исключено, поскольку еще не исчерпаны возможности борьбы мирными средствами.

Третий урок кубинской революции имеет главным образом стратегическое значение и должен привлечь внимание тех, кто намерен, руководствуясь догматической точкой зрения, сконцентрировать борьбу масс в городах, совершенно забывая об огромной роли сельского населения в жизни всех слаборазвитых стран Америки. Это не значит, что нами не принимается во внимание борьба организованных масс пролетариата. Мы просто анализируем реальные возможности ведения вооруженной борьбы в тех

Победа кубинского народа над диктатурой Батисты была не только триумфом, весть о котором подхватили информационные агентства всего мира, Эта победа опрокинула устаревшие представления о народных массах Латинской Америки, наглядно продемонстрировав способность народа путем партизанской борьбы освободиться от правительства, которое его угнетает.

Мы считаем, что из опыта кубинской революции следует извлечь три основных урока для революционного движения на латиноамериканском континенте:

- народные силы могут победить в войне против регулярной ар-

мии; не всегда нужно ждать, пока созреют все условия для революции: повстанческий центр может самих создать; в слаборазвитых странах американского континента вооруженную борьбу нужно вести главным образом в сельской местности. Из этих трех уроков два первых разоблачают пассивную позицию тех революционеров, или, вернее, псевдореволюционеров, которые оправдывают свою бездеятельность разговорами о непобедимости регулярной армии, а также позицию тех, кто намерен ждать, пока все необходимые объективные и субъективные условия для революции создадутся сами собой,



трудных условиях, когда гарантии, которые наши конституции склонны преувеличивать, на деле отменены или не признаются. При таком положении рабочим приходится действовать подпольно, без применения оружия, подвергаясь огромной опасности. Менее сложна обстановка в сельской местности, где жители имеют поддержку вооруженного партизанского отряда, и в местах, недоступных для карательных сил.

В дальнейшем мы сделаем более глубокий анализ этих трех уроков, вытекающих из опыта кубинской революции, а сейчас рассмотрим их основные положения. Партизанская война, являясь основой борьбы народа за свое освобождение, имеет много особенностей, но основная ее особенность всегда

одна и та же — стремление к свободе. Очевидно — и об этом немало писали, — война подчиняется ряду определенных научных законов, и те, кто отрицает это, терпят поражение. Партизанская война как один из этапов обычной войны должна подчиняться тем же законам. Однако в силу своего специфического характера она подчиняется, кроме того, ряду своих законов, которым также необходимо следовать, чтобы действовать успешно. Естественно, что географические и социальные условия страны определяют особый характер и формы, которые примет партизанская борьба в каждом отдельном случае, но основные ее законы действуют постоянно.

Найти основы, на которых бы строилась борьба этого типа, пра-

вила, которым должны следовать народы, стремящиеся к своему освобождению, обосновать уже сделанное, обобщить свой опыт, чтобы его могли использовать все — вот наша сегодняшняя задача.

Прежде всего, необходимо установить, что представляют собой в партизанской войне воюющие стороны.

На одной стороне — горстка угнетателей и их слуга в лице регулярной армии, хорошо вооруженной и дисциплинированной, которая к тому же во многих случаях может рассчитывать на иностранную помощь, а также небольшие бюрократические группы, находящиеся на службе у этой горстки угнетателей. На другой стороне — население той или иной страны либо района. Важ-



▲ Командир партизанской колонны





▲ На партизанской базе

но подчеркнуть, что партизанская борьба — это борьба масс, народная борьба; партизанский отряд как вооруженное ядро является боевым авангардом народа, его главная сила в том и состоит, что он опирается на население. О численном превосходстве противника не может быть речи даже и тогда, когда огневая мощь партизанского отряда ниже, чем у противостоящих ему регулярных войск. Поэтому необходимо прибегать к партизанской войне, когда имеется значительная группа мало-мальски вооруженных людей. Таким образом, партизаны должны располагать всемерной поддержкой местного населения. Таково неременное условие. Это будет понятно, если взять для примера шайку разбойников, орудующую в том или ином районе; такая шайка имеет как будто бы все признаки партизанского отряда: тут и монолитность, и уважение к атаману, и смелость, и зна-

ние местности, а зачастую даже правильное применение тактики. Не хватает ей только поддержки народа, и именно поэтому власти всегда сумеют выловить или уничтожить такую шайку.

Проанализировав характер действий партизан, формы их борьбы и поняв значение масс как основы этой борьбы, нам остается выяснить, за что борется партизан. Мы неизбежно приходим к выводу, что партизан — это преобразователь общества. Он берет в руки оружие, повинувшись гневному протесту народа, выступившего против своих угнетателей, он борется за изменение общественного строя, который обрекает его безоружных братьев на бесправие и нищету. Партизан выступает против существующих в данный момент институтов и, если позволяют условия, со всей решительностью разрушает основу этих институтов. Если мы более глубоко

проанализируем тактику партизанской войны, мы увидим, что партизан обязан в совершенстве знать местность, на которой он действует, пути подхода и отхода войск, должен действовать быстро и, конечно, располагать поддержкой народа, а также знать места, где можно укрыться. Из этого следует, что партизану надо действовать в сельской, малонаселенной местности. А поскольку в сельской местности борьба народа за свои требования ведется в плане изменения существующих порядков землепользования, то и партизан выступает здесь, прежде всего, как борец за аграрные преобразования. Он выражает волю огромных крестьянских масс, желающих стать подлинными хозяевами земли, средств производства, скота — всего того, к чему он стремился в течение многих лет и что составляет основу его жизни.

Говоря о партизанской войне, надо различать два ее типа. Один является формой борьбы, дополняющей операции огромных регулярных армий. Таковы, например, были действия украинских партизанских отрядов в Советском Союзе; но это не входит в наш анализ. Нас интересует другой тип вооруженных отрядов — те, которые успешно борются против существующей колониальной или не колониальной власти и создаются как единственная основа борьбы, ведущейся в сельских районах. В этих случаях, какова бы ни была идея, вдохновляющая борьбу, экономической основой является стремление к получению земли.

В Китае Мао Цзэдун начал борьбу с создания рабочих групп на юге страны, которые были разгромлены и почти полностью уничтожены. Положение стабилизировалось, и успехи начались только после Великого Северного похода, когда борьба переместилась в сельские районы, а в качестве основного лозунга было выдвинуто требование аграрной реформы. Борьба, которую вел в Индокитае Хо Ши Мин, опиралась на крестьян-производителей риса, страдавших под французским колониальным игмом. С их помощью Хо



Ши Мин успешно боролся в течение всего времени вплоть до изгнания колонизаторов. В обоих приведенных случаях патриотическая война велась одновременно и против японских интервентов, но при этом сохранялась экономическая основа — борьба за землю.

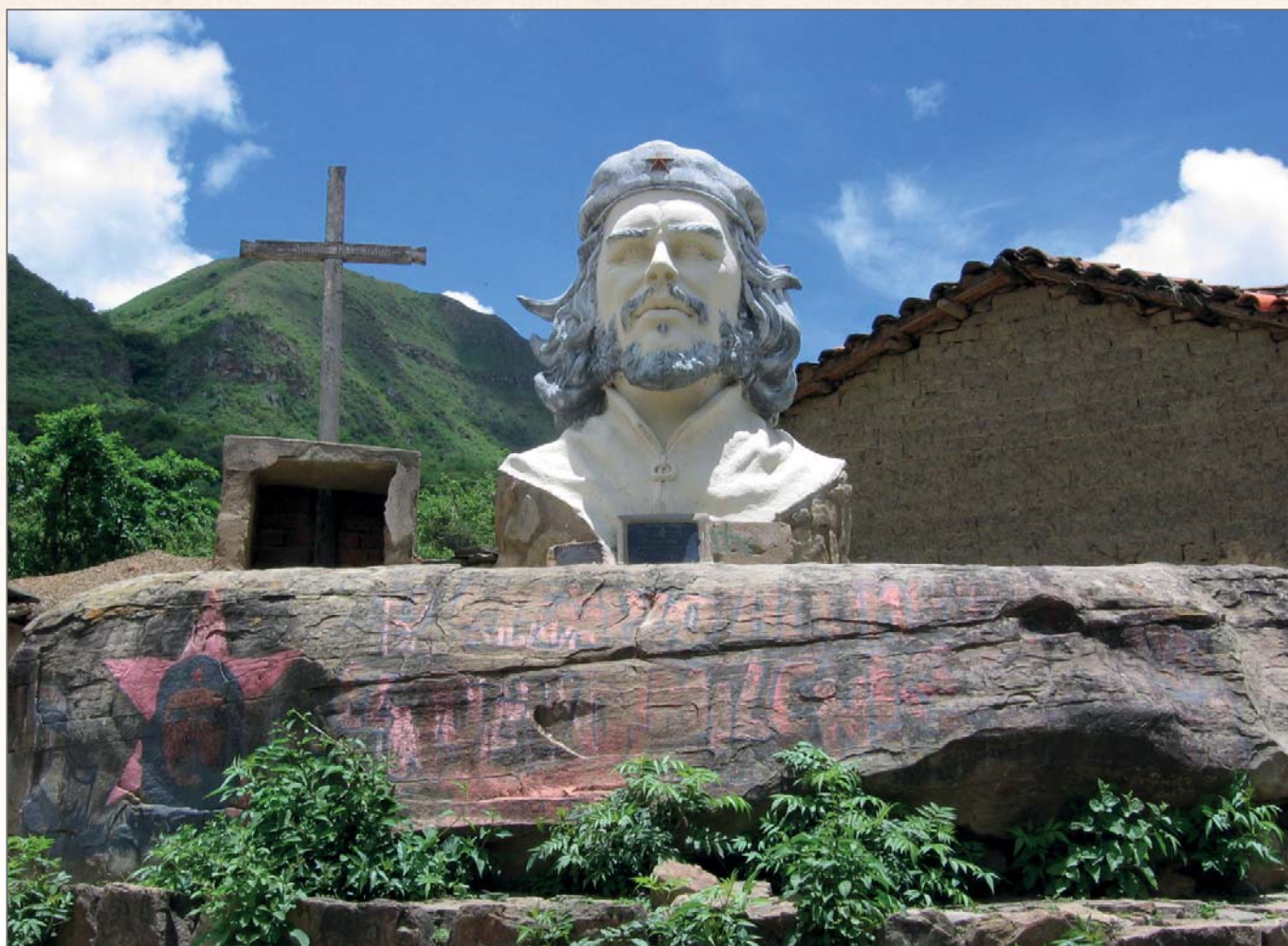
Что касается Алжира, то великая идея арабского национализма экономически обосновывается тем, что почти вся обрабатываемая земля Алжира находится в руках одного миллиона французских колонистов.

В некоторых странах, например в Пуэрто-Рико, где географические особенности не позволили начать партизанскую борьбу, идея национализма, подогреваемая дискриминацией местного населения, зиждется на стремлении крестьян (во многих случаях крестьяне уже превратились

в пролетариев) вернуть землю, отнятую у них американскими захватчиками. Эта же ведущая идея, хотя и по-разному, воодушевляла мелких землевладельцев, крестьян и рабов восточных поместий Кубы, которые в период освободительной войны 30-х годов сомкнули свои ряды, чтобы совместно защищать право на землю.

Несмотря на особые условия всех этих выступлений, придающие им характер военных действий, и принимая во внимание возможности развития партизанской войны, которая с усилением мощи основной действующей группы превращается в позиционную войну, необходимо рассматривать этот вид борьбы как зародыш, как начало войны. Возможности увеличения партизанского отряда и изменения вида боя вплоть до наступления обычной

войны так же велики, как и возможности уничтожения врага в каждом отдельном сражении, бою или небольшом вооруженном столкновении. Поэтому главное заключается в том, чтобы ни в коем случае не начинать военных действий любого масштаба, если заведомо известно, что успех не будет обеспечен. Существует не совсем лестное выражение: «Партизан-иезуит войны». Этим хотя бы сказать, что партизанам присущи такие качества, как дерзость, внезапность, склонность действовать под покровом ночи, которые, по-видимому, являются основными элементами партизанской борьбы. Конечно, это особый иезуитизм, который вызывается обстоятельствами, в силу чего приходится принимать решения, отличные от тех либо романтических, либо спортивных концепций, с помо-



▲ Памятник Че Геваре в ла Игера Боливия





▲ Партизанская операция

стью которых пытаются убедить, что именно так делается война.

Война всегда является борьбой, где каждая из двух сторон стремится уничтожить другую. При этом кроме силы, они прибегают и ко всякого рода уловкам и маневрам, чтобы добиться результата. Военная стратегия и тактика — это выражение целей и задач рассматриваемой военной группировки, а также способов их достижения и решения, с учетом использования всех слабых сторон противника. Если рассмотреть боевые действия каждого подразделения огромной регулярной армии,

можно обнаружить те же самые характерные особенности ведения боя, что и в партизанской войне. Здесь и дерзость, и ночной бой, и внезапность. Если же эти факторы не всегда используются, то причина кроется в том, что не всегда возможно усыпить бдительность противника. Но так как партизанский отряд является отдельной самостоятельной группой и, кроме того, в партизанской войне имеется обширная территория, не контролируемая противником, партизаны всегда могут использовать фактор внезапности, и их долг сделать это.

«Укусит и убежит» — так в пренебрежительном тоне нередко отзываются о действиях партизанского отряда. Да, именно так он действует: укусит, убежит, ждет, подстерегает, снова кусает и снова бежит, не давая покоя врагу. На первый взгляд может показаться, что эта тенденция к отступлению, к уклонению от открытого боя является отрицательной. На самом же деле это просто особенность стратегии партизанской войны, конечная цель которой подобна конечной цели любой другой войны — добиться победы, уничтожить противника. Точно установлено, что партизанская война является лишь этапом обычной войны и поэтому одной партизанской борьбой нельзя добиться конечной победы. Партизанская война является одним из начальных этапов войны, она развивается вплоть до момента, когда постоянно увеличивающаяся партизанская армия приобретает характер армии регулярной. С этого момента она готова нанести решительные удары по врагу и добиться победы. Окончательная победа всегда будет результатом действий регулярной армии, хотя зарождается она в борьбе партизанской армии.

Так же как командир какой-либо дивизии не вправе рисковать своей жизнью для воодушевления своих солдат, так и партизан не должен без нужды рисковать своей жизнью. Он готов отдать свою жизнь, но только самой дорогой ценой. Особенность партизанской войны в том и заключается, что каждый ее участник готов умереть, но умереть не во имя защиты какого-то идеала, а за то, чтобы своей смертью претворить этот идеал в действительность. В этом основа, сущность партизанской борьбы. Этим и объясняется то чудо, что небольшой отряд людей, вооруженный авангард народных масс, которые его поддерживают, всегда идет дальше непосредственной тактической задачи. Он решительно борется за уничтожение старого общества и утверждение нового, короче говоря, за достижение социальной справедливости.



Если помнить об этой конечной цели, то все презрительные слова в адрес партизана теряют отрицательный смысл и приобретают свое подлинное величие. Поэтому говорить о недостойных средствах, к которым мы прибегаем для достижения цели, — значит, исказить истину. Способы ведения борьбы, никогда не ослабевающая стойкость, непреклонность перед лицом огромных трудностей, стоящих на пути к достижению конечной цели — все это говорит только о величии партизана.

В военной терминологии под стратегией подразумевается изучение и определение намеченных задач по ведению войны и военных действий, принимая во внимание общую военную обстановку, и разработка на этой основе общих форм и способов для решения данных задач.

Для правильной оценки стратегии партизанской войны необходимо тщательно проанализировать действия врага. Если говорят, что в войне конечная цель состоит в полном уничтожении сил противника, то гражданская война рассматриваемого типа является тому классиче-

ским примером. Противник будет стремиться, полностью уничтожить каждую партизанскую группу. Поэтому партизаны для достижения своей цели должны хорошо знать средства, которые использует противник. Партизаны должны иметь представление о численном составе противника, о его транспортных средствах, о том, пользуется ли он поддержкой населения, о его вооружении, о способности командования вести боевые действия в соответствии с этим анализом мы и должны строить нашу стратегию, всегда имея в виду конечную цель — уничтожение вражеской армии.

Необходимо изучить следующее: вооружение противника (например, методы применения этого вооружения), значение танков и самолетов в партизанской войне, боеприпасы и особенности действий противника. Необходимо помнить, что поставки оружия партизанам происходят в основном за счет вооружения противника. Если имеется возможность выбора, следует предпочесть такой тип оружия, который применяется противником. Самым страшным бичом для партизанского отряда яв-

ляется отсутствие боеприпасов. Им партизан также должен «обеспечить» противник.

Определив степень важности намеченных задач, и проанализировав их, нужно разработать план мероприятий для достижения конечной цели. При этом необходимо учитывать непредвиденные обстоятельства, которые могут возникнуть в ходе войны.

На первом этапе борьбы главное для партизан заключается в том, чтобы не дать себя уничтожить; день за днем партизанам, объединенным в партизанские отряды, будет все легче приспосабливаться к новому образу жизни. Таким образом, им будет легче скрыться, сбить со следа противника, брошенного на преследование партизанского отряда. После того как данная цель достигнута, нужно занять неприступные для противника позиции и добиваться того, чтобы противник отказался от намерения атаковать отряд, постепенно изматывать, ослаблять его силы, брошенные в первый момент против партизан в места, наиболее близкие к очагам активной борьбы. А затем,



▲ Фидель в Сьерра Маестра





▲ Фидель Кастро и Эрнесто Гевара

проникая в глубь территории противника, совершая налеты на его коммуникации, атакуя, а, также, не давая ему покоя в районах боевых действий на его основных базах, нужно преследовать, насколько позволяют возможности партизан.

Удары должны наноситься непрерывно. Вражескому солдату, находящемуся в районе боевых действий, нужно не давать покоя. Следует систематически нападать на вражеских связных и ликвидировать их. У противника постоянно должно создаваться впечатление, что он попал в окружение, и днем и ночью, и в горно-лесистой местности и на равнинных, легко просматриваемых вражескими патрулями местах. Для всего этого необходимо полное взаимодействие с населением и отличное знание местности. Вот те два условия, которые партизан должен постоянно иметь в виду.

Наряду с созданием органов по изучению нынешних и будущих районов боевых действий нужно вести интенсивную работу среди населения, объясняя причины и цели революции, пропагандируя ту непреложную истину, что, в конечном счете, народ непобедим. Кто не постиг этой истины, не может быть партизаном.

Эта работа среди населения должна сосредоточиваться, прежде всего, на разъяснении значения бдительности. Каждого крестьянина, каждого жителя местности, где действуют партизаны, нужно попросить не передавать другим того, что он видит или слышит. Затем следует заручиться сотрудничеством тех жителей, верность которых революции не вызывает никаких сомнений. В дальнейшем этих людей можно использовать для связи, для доставки продуктов и оружия, а также в качестве проводников в хорошо им

известных районах. Позднее можно начать работу с организованными массами в рабочих районах, конечным результатом чего явится всеобщая забастовка.

Забастовка — это важнейший фактор в гражданской войне. Но чтобы прийти к ней, необходим целый ряд дополнительных условий, которые не всегда имеются налицо и редко возникают стихийно. Эти условия нужно создавать, разъясняя причины и цели революции, показывая силы народа и его возможности.

Можно использовать также определенные, тесно сплоченные группы (которые должны предварительно продемонстрировать на менее опасных участках свою способность к действию) для проведения саботажа — еще одного мощного оружия в руках партизанского отряда. Используя такие группы, можно парализовать целые армии, нарушить промышленную жизнь района, пол-



ностью прекратить работу в городе, оставив его без света, воды, средств сообщения с тем, чтобы жители осмеливались выходить на улицу лишь в определенные часы. Если все это будет достигнуто, моральный дух противника упадет, а благодаря этому скорее созреет плод, который можно будет сорвать в нужный момент.

Все это предполагает расширение территории, на которой действуют партизанские отряды. Но никогда не следует добиваться чрезмерного расширения этой территории. Нужно всегда сохранять надежную базу для развертывания боевых действий и укреплять ее в ходе войны. Нужно использовать все формы политической работы среди населения, проводить в жизнь мероприятия, направленные против непримиримых врагов революции и в пределах этого района совершенствовать такие оборонительные средства, как, например, траншеи, минновзрывные заграждения, различные коммуникации.

Когда партизанский отряд достигнет достаточной огневой мощи

и численного состава, следует заняться формированием новых групп. Это похоже на пчелиный улей, который в определенный момент выпускает новую матку, и та, с частью роя, отправляется на новое место. Партизанский «улей» во главе с наиболее способным командиром остается в менее опасных местах, в то время как новая партизанская группа проникает на вражескую территорию, повторяя описанный уже цикл.

Наступает такой момент, когда территория, занятая партизанскими отрядами, становится для них тесной, и тогда они проникают в районы, где сталкиваются с крупными силами противника. В этом случае отряды объединяются, образуют монолитный фронт, переходят к позиционной войне — войне, какую обычно ведет регулярная армия. Однако нельзя допускать, чтобы ядро партизанской армии оторвалось от своей базы. Следует создавать новые партизанские отряды в тылу врага, которые действовали бы так же, как и другие отряды, то есть проникали

в глубь территории противника, чтобы овладеть ею.

Действуя подобным образом, можно предпринимать наступление и окружение гарнизонов противника, уничтожать его подкрепления, опираться на все более энергичные действия масс на территории всей страны, что ускорит достижение конечной цели войны — победы.

На военном языке тактика означает практический способ решения стратегических целей и задач.

Тактика подчинена стратегии и служит для достижения целей, которые стратегия ставит перед тактикой, причем на каждом этапе борьбы требуется применять средства более гибкие и изменчивые, чем те, что рассчитаны на достижение конечной цели. Имеются тактические цели, которые остаются постоянными в течение всей войны, а также цели, которые изменяются. Первое, что необходимо рассмотреть, это действия партизан с учетом намерений противника.

Основной особенностью партизанского отряда является подвиж-



▲ Фидель у партизанского костра





▲ Фидель

ность, позволяющая ему в случае необходимости за несколько минут уйти на значительное расстояние от района боевых действий, и, за несколько часов, – быть вне зоны этих действий. Тем самым отряд имеет возможность постоянно изменять фронт и избегать окружения. В отдельные периоды войны партизанский отряд может заниматься исключительно этой задачей, – не попасть в окружение, потому что для противника окружение отряда – единственный способ навязать ему решающий бой, который для отряда может иметь весьма неблагоприятный исход. Но партизанский отряд может провести также операцию по встречному окружению противника. Этот маневр состоит в следующем. Небольшие группы партизан посылаются в какой-либо район, чтобы служить приманкой для вражеских войск. Окруженные противником, они упорно обороняются, и тут в дело вступают крупные силы партизан, которые окружают неприятеля, уничтожают его и захватывают предназначенное для вражеских

войск снаряжение. Можно провести аналогию между этой мобильной войной и известным танцем – мунуэтом. Эта ее особенность сводится к следующему. Партизанские отряды окружают вражескую позицию, например передовое подразделение противника. Окружают полностью, с четырех сторон, силами по пять или шесть человек с каждой стороны и на достаточном удалении, чтобы не быть в свою очередь окруженными. На каком-нибудь из этих участков завязывается бой, и противник сосредоточивает там основные усилия; партизанский отряд затем отступает, постоянно ведя наблюдение за противником, и начинает наступать в другом пункте. Подразделение противника повторяет указанное выше действие, и тогда партизанский отряд еще раз повторяет свой маневр. Так, действуя последовательно, не подвергая себя большому риску, можно сковать действия целой вражеской колонны, заставив ее израсходовать большое количество боеприпасов и подорвав моральный дух ее войск.

Так же следует действовать и в ночное время, но при большем сближении с противником и с проявлением большей дерзости, ибо в этих условиях окружение осуществить значительно труднее. Ночное время – это другой важный фактор в действиях партизанского отряда, благоприятствующий продвижению отряда к позициям, предназначенным для атаки, и операциям на территории недостаточно знакомой, где существует опасность доноса о действиях партизан. Конечно, небольшая численность отряда вынуждает проводить всегда неожиданные налеты на противника. В этом огромное преимущество, которое позволяет партизанам нанести урон противнику, не имея потерь в собственных рядах. А ведь в бою, где с одной стороны участвует сто человек, а с другой – десять, потери для каждой из сторон будут не одинаково чувствительны. Противник может быстро восстановить свои потери, причем один потерянный солдат соответствует в данном случае всего лишь одному проценту, партизанско-



му отряду требуется больше времени для восстановления сил, потому что каждый его солдат более ценен и составляет десять процентов.

Когда в бою гибнет партизан, нельзя оставлять на поле боя его оружие и боеприпасы. Долг каждого партизана в случае гибели товарища — немедленно подобрать эти ценнейшие средства борьбы. Особенно большое значение имеют боеприпасы, поэтому к ним нужно относиться с особой заботой. Правильное расходование боеприпасов — это еще один важный фактор в партизанской войне. В любом бою между регулярными войсками и партизанскими отрядами ту и другую сторону всегда легко различить по ее манере вести огонь: сильная концентрация огня со стороны регулярных войск и точные одиночные выстрелы партизан.

Один из наших героев, погибший в войне, вынужден был однажды вести огонь, непрерывно давая оче-

редь за очередью в течение почти пяти минут, чтобы помешать продвижению вражеских солдат. И это привело к значительной дезориентации наших сил, потому что мы полагали, исходя из темпа огня, что данная ключевая позиция захвачена противником. Это был один из редких случаев, когда огонь велся не одиночными выстрелами, но диктовалось это исключительной важностью обороняемого пункта.

Еще одним необходимым качеством партизана является умение быстро приспособиться к любой обстановке, умение использовать даже самую неблагоприятно сложившуюся обстановку. Наряду с применением суровых методов ведения обычной войны партизан в каждый момент борьбы изобретает собственную тактику, постоянно нанося внезапные удары по противнику.

В первую очередь нужно занимать неприступные позиции,

удобные для мобильной обороны, в местах, где ожидается появление противника. Часто можно наблюдать удивление противника, который, продвигаясь вперед и легко преодолевая трудности, вдруг встречает упорное сопротивление, и не имеет возможности продолжать движение. Позиции, обороняемые партизанами, когда есть возможность хорошо изучить местность, являются неприступными. Тут важно не то, сколько солдат наступает на позицию, а сколько может оборонять ее. Малыми силами можно обороняться против батальона, и почти всегда, если не сказать всегда, успешно. Поэтому командир партизанского отряда должен своевременно занять наиболее выгодную позицию и обеспечить ее надежную оборону.

Наступление партизанских войск также имеет свою особенность. Оно начинается внезапной яростной мощной атакой и затем вдруг прекраща-



▲ Хуан Альмейда, Рауль Кастро, Селия Санчес, Вильма Эспин, Фидель Кастро





▲ Хуан Альмейда

еся. Уцелевшие войска противника, восстанавливая свои силы, считают, что партизаны ушли, и начинают приходить в себя; жизнь в гарнизоне или осажденном городе налаживается, и вдруг в другом месте их атакуют подобным же образом, в то время как основные силы партизанского отряда ожидают предполагаемых подкреплений противника. Или же организуется внезапное нападение и захват поста, охраняющего казарму, которая попадает в руки партизанского отряда. Главное — это внезапность и быстрота атаки.

Большое значение имеют акты саботажа. Нужно четко различать саботаж как революционную, высокоэффективную форму борьбы и террор довольно неэффективный способ вообще, порочный по своим последствиям, поскольку он во многих случаях приводит к гибели ни в чем не повинных людей, а наряду с этим и к гибели многих патриотов, принимающих участие в революционном движении. Террор является ценным фактором тогда, когда его используют

для расправы с каким-либо высокопоставленным главарем угнетателей, известным своей жестокостью, особыми «заслугами» в проведении репрессий и другими подобными качествами. Ликвидация такого главаря приносит только пользу. Однако прибегать к террору для устранения рядовых людей из лагеря противника ни в коем случае не следует. Это приводит только к новым репрессиям и жертвам.

Существуют самые различные оценки террора. Многие считают, что усиление полицейских репрессий в результате актов террора мешает установлению легальной и полуполигальной связи с массами и препятствует их объединению для развертывания действий, необходимых в определенный момент. Само по себе это правильно. Однако случается и так, что в некоторые периоды гражданской войны и в определенных населенных пунктах репрессии со стороны властей и без того настолько сильны, что вся легальная деятельность по существу подавлена и действия народных масс становятся невозможными,

если они не поддерживаются оружием. Поэтому при решении вопроса о применении средств этого типа следует заранее учитывать, будут ли полученные результаты полезны для революции. Что же касается саботажа, он всегда является эффективным средством. Не следует, однако, прибегать к саботажу в том случае, если вывод из строя оборудования и машин лишь оставляет людей без работы и в то же время не оказывает никакого влияния на нормальную жизнь населенного пункта в целом. Нелепо устраивать саботаж на заводе прохладительных напитков. Вместе с тем можно только рекомендовать саботаж на электростанции. В первом случае определенное число рабочих останется без работы, а ритм промышленной деятельности ничуть не изменится; во втором случае, хотя рабочие и лишатся работы, но на этот раз подобная мера полностью оправдывается тем, что вся жизнь населенного пункта будет парализована.

Одним из наиболее распространенных видов вооруженных сил, получившим наибольшее применение в настоящее время, является авиация. Но пока партизанская война находится на первом этапе, когда в гористой местности имеются лишь небольшие скопления партизан, противник не применяет авиацию. Эффективность авиации заключается в систематическом разрушении наблюдаемых с воздуха оборонительных сооружений. Но для того чтобы построить такие оборонительные сооружения, необходимо большое количество людей, чего не бывает при ведении партизанской войны. Авиация наносит эффективные удары по колоннам, находящимся на марше, на равнинной местности, а также по незащищенным местам. Однако эта опасность легко преодолевается путем проведения маршей в ночное время.

Одним из наиболее слабых мест противника является передвижение его транспортных средств по шоссе и железным дорогам, ибо практически невозможно охранять каждый метр шоссе или железной дороги и каждое транспортное средство. На любом участке дороги



можно заложить заряд взрывчатого вещества, чтобы вывести ее из строя. Или же, взорвав этот заряд в момент прохождения транспорта противника, нанести ему значительные потери в живой силе и технике.

Источники получения взрывчатки различны. Одним из источников могут служить не взорвавшиеся бомбы, сброшенные с самолетов диктатора. Можно также самим изготовить взрывчатку в партизанской зоне или в подпольных лабораториях. Техника взрыва ее также очень различна и зависит от условий, в которых действует партизанский отряд.

В наших лабораториях мы изготовляли порошкообразные инициирующие взрывчатые вещества для снаряжения мин, а также изобрели различные приспособления для их подрыва. Наилучшие результаты были получены при взрыве электрическим способом. Нашей первой миной, которая была нами взорвана, явилась бомба, сброшенная авиацией диктатора. В нее был вложен инициирующий заряд, а вместо взрывателя приспособлено ружье, к спусковому крючку которого был привязан шнур. В момент, когда проходил вражеский транспорт, из ружья производился выстрел, который и вызывал взрыв.

Такого рода технические приспособления могут быть доведены до совершенства. Нам известно, например, что в настоящее время в Алжире в борьбе против французского колониального владычества используются телеуправляемые мины, то есть мины, управляемые по радио на большом расстоянии от пункта, где они установлены.

Применение засад на дорогах, в задачу которых входит подрыв мин и уничтожение оставшихся в живых солдат противника, приносит большую пользу, поскольку партизаны, находящиеся в засаде, захватывают оружие и боеприпасы; противник, застигнутый врасплох, не может применить своего оружия и не имеет времени для отхода. Таким образом, при небольшом расходе боеприпасов достигаются большие результаты.

По мере того как наносятся удары по противнику, его тактика меняется. Вместо отдельных грузовых транспортных средств он использует целые моторизованные колонны. Однако и в этом случае, если умело выбрать местность, можно достигнуть того же результата, расколов колонну и сосредоточив затем огонь по отдельным машинам. При этом нужно всегда использовать основные эле-

менты партизанской тактики, а именно: превосходное знание местности, наблюдение, наличие запасных путей отхода, знание всех второстепенных путей, по которым наступающие войска могут подойти к данному пункту, и наблюдение за этими путями; знание населения зоны; помощь этого населения партизанам продуктами, транспортом, путем предоставления временного, а также постоянного убежища (в случае, когда необходимо оставить раненых товарищей): численное превосходство определенный момент действий: максимальную подвижность и возможное наличие резервов.

При соблюдении всех вышеуказанных элементов партизанской тактики внезапные боевые действия на вражеских коммуникациях дадут значительные результаты.

Вопрос об отношениях со всеми жителями зоны является важной стороной партизанской тактики. Большое значение имеет и вопрос об отношении к противнику. Нормой отношений, которой следует придерживаться во время боя, является абсолютная непреклонность. Эту абсолютную непреклонность следует проявлять ко всем ненавистным элементам, которые занимаются доносами или осуществляют убийства. Милосердие, если позволяют условия, следует проявлять к солдатам, которые лишь выполняют свой воинский долг или, вернее, думают, что выполняют таковой. Пока нет значительных партизанских баз и хорошо защищенных районов, пленных, как правило, брать не следует. Оставшиеся в живых должны отпущаться на свободу. К раненым нужно проявлять заботу, применяя все имеющиеся в данный момент средства. Поведение по отношению к гражданскому населению должно определяться высоким уважением традиций и обычаев жителей данной области. При этом надо показывать на деле моральное превосходство партизана над солдатом диктаторской армии. За исключением особых случаев, не следует применять смертную казнь к преступнику, не дав ему возможности искупить свою вину. ■



▲ Че Гевара над планом партизанской операции

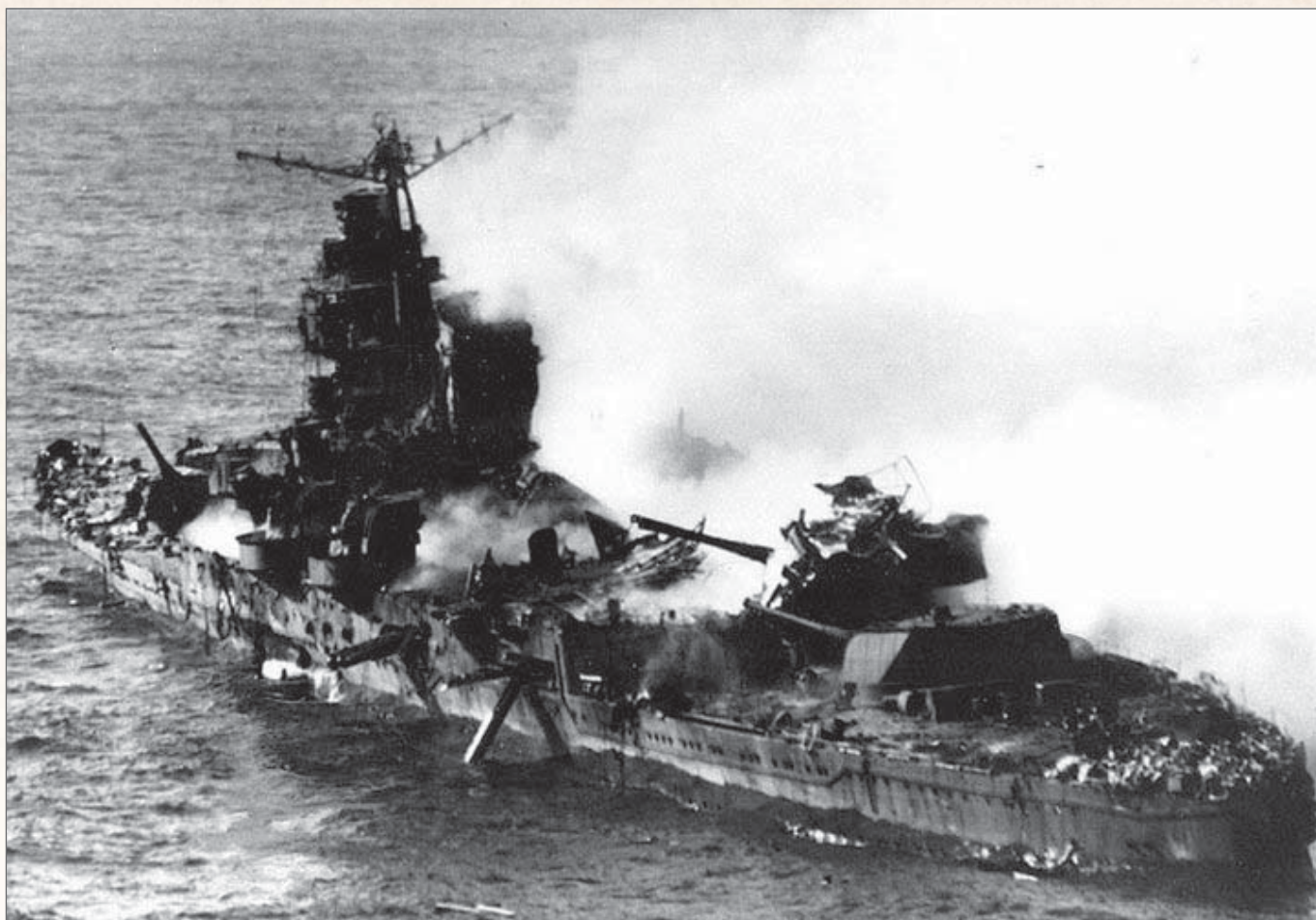




СЕРГЕЙ ПЕЧУРОВ
Ветеран военной разведки

НЕИСКРЕННИЙ СОЮЗ

Каждый год в середине августа в США и Великобритании отмечают очередную годовщину (1941 год) подписания британским министром У. Черчиллем и американским президентом Ф. Рузвельтом Атлантической хартии, провозгласившей основные принципы ведения войны против нацистской Германии и ставшей основой формирования британо-американской военной коалиции, к которой затем присоединился Советский Союз, как первоначально считали англосаксы, «на вторых ролях».



Глобализация международных отношений делает неизбежным коалиционный характер почти любого вооруженного противоборства. Между тем, история свидетельствует о неспособности

коалиций, за редким исключением, вести успешно войну. «Неудачи коалиций в войнах настолько многочисленны, — читаем в мемуарах неординарного военного и государственного деятеля США Дуайта

Эйзенхауэра, — а их непростительно грубые ошибки так часто повторялись, что профессиональные военные давно исключили возможность эффективных коалиционных действий, если нет обилия налич-



ных ресурсов для обеспечения гарантированной победы над противником». Тем не менее, признают западные военные специалисты, хочешь не хочешь, а учиться правильно воевать в тесном взаимодействии с союзниками — веление времени. Для этого рекомендуется изучать опыт немногих успешных военных коалиций, среди которых обычно на западе выделяют англосаксонский военный союз в рамках более широкой американо-британско-советской коалиции времен II мировой войны.

ПОДКЛЮЧЕНИЕ АМЕРИКИ

В отличие от Лондона, являющегося одним из основных игроков на Европейской арене и втянутого непосредственно в вооруженное противоборство в Европе одним из первых, Вашингтон включился во II мировую войну, лишь постепенно преодолев традиционный для себя так называемый барьер изоляционизма. Этому, конечно, «помогли» британцы, остро нуждавшиеся о мощном союзнике именно из числа ментально им близких англосаксов. В своих воспоминаниях о том времени У. Черчилль откровенно признает: «Мы гораздо больше выиграли бы от вступления Соединенных Штатов в войну, хотя бы только против Японии, если бы это было возможно...» Сильнейшее пробританское лобби во властных структурах Вашингтона всячески способствовало этому. Фактически чуть более чем за два года со дня начала II мировой войны (1 сентября 1939 г.) и официального объявления о нейтралитете (3 сентября) руководство США предприняло ряд конкретных шагов, по сути сделавших неизбежным прямое включение в военное противостояние, ставшее фактом уже после объявления войны 8 декабря 1941 г. Японии, а через три дня — Германии и Италии. Тут Гитлер сильно просчитался: по его раскладкам США могли вступить в войну не ранее 1942 г. В предвоенный период Вашингтон, идя навстречу пожеланиям Лондона, принял закон о продаже вооружений

воюющим странам, в соответствии с которым — решения об экспорте до 50% производимых в стране военных самолетов в Великобританию и обучении британских летчиков на территории США, о передаче ей же 50 эсминцев водоизмещением по 1 200 т, заключил соглашение о создании совместного управления обороной США и британского доминиона Канады, предоставил конкретную финансовую и материальную помощь пробритански настроенным государствам Европы и др.

Но, пожалуй, наиболее важным шагом со стороны США в рамках формирующегося военного союза с Великобританией в тот период явилось принятие 11 марта 1941 г. конгрессом закона о передаче в аренду или займы вооружений (ленд-лиз) другим государствам, в результате чего было фактически окончательно преодолено сопротивление «изоляционистов», препятствовавших втягиванию Вашингтона в орбиту политики Лондона, уже ввязавшегося в войну с Германией и её сателлитами по всему миру. Теперь, по мере того как вооружение поступало с американских военных заводов, оно должно было делиться, в общем, поровну между ВС США,

с одной стороны, и британскими и канадскими — с другой. Тем самым были устранены столкновения интересов британских и американских военных, постоянно оспаривавших приоритеты размещенных заказов для нужд национальной обороны. Начиная с 1940 года «нейтральные» американцы начали проявлять всё возрастающий интерес к вопросам обороноспособности своего потенциального военного союзника. С этой целью ещё в июле в Лондон были направлены военная и морская миссии для «предварительных переговоров», а чуть позже, уже для конкретного изучения оборонительных сооружений внутри страны и на побережье по заданию председателя американского КНШ в Великобританию прибыл его помощник генерал Эмбик. В январе 1941 г. в Вашингтоне начались секретные переговоры представителей военного руководства обеих стран с целью выработки общей стратегии действий. А уже в марте того же года американские офицеры посетили с секретной миссией Великобританию, чтобы выбрать базы для своих эскортных кораблей и авиации, и работы по их оборудованию начались немедленно.



▲ Рузвельт Ф.Д.





КОМАНДНЫЕ СТРУКТУРЫ КОАЛИЦИИ

С официальным вступлением США в войну отпала необходимость маскировки наладившихся тесных американско-британских военных отношений. Уже с конца декабря 1941 г. в Вашингтон официально прибыл британский премьер У. Черчилль в сопровождении начальников штабов видов ВС. До этого визита связь между военными ведомствами двух государств осуществлялась главным образом через управление военного планирования, возглавлявшееся американским генералом Леонардом Джероу. Основная цель первой союзнической конференции, получившей условное название «Аркадия», состояла в организации реальной системы, которая позволила бы американским и британским начальникам штабов эффективно действовать как единый орган управления — Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ). Суть достигнутой договоренности сводилась к тому, что каждый из британских начальников штабов видов ВС должен был назначить своего представителя в Вашингтоне, чтобы работать в тесном контакте со своими американскими коллегами. При этом комитете в качестве рабочего был сформирован новый орган управления англосаксонскими вооруженными силами, получивший название объединенный (многонациональный) англо-американский штаб. ОКНШ стал работать под непосредственным руководством президента США и премьер-министра Великобритании. Этот орган управления с его сложной, разветвленной организацией штабных офицеров всех рангов стал фактически распоряжаться всеми ресурсами обеих стран. Весьма примечательно, что русских не пригласили участвовать в работе этого союзнического органа управления под предлогом «наличия у них отдельного самостоятельного фронта, и поэтому не было нужды... увязывать работу англо-американских штабов с русскими». К тому же, по мнению У. Черчилля, участие



▲ Потсдам 1945

русских в заседаниях обоих органов свелось бы к монотонным требованиям скорейшего открытия второго фронта в ущерб другим вопросам, да и ни один из высокопоставленных советских генералов не владел английским языком, а работа с переводчиком только затруднила бы выработку и принятие оперативных решений. Впрочем, и Сталин не особо настаивал на участии представителей советского военного командования в обоих органах союзнического управления войсками. Объединенный КНШ за время войны провел около 200 официальных совещаний, в ходе которых решались задачи не только касавшиеся непосредственного планирования операций и управления войсками, но и многие другие, включая формирование единой позиции накануне обсуждения стратегических вопросов с русскими союзниками, а также устранение постоянно возникавших между военными обеих стран разногласий и споров по тем или иным проблемам.

А разногласия, признают и западные исследователи, бывали и весьма серьезные, которые, порой, решались только на самом высоком уровне.

ПРЕОДОЛЕВАЯ РАЗНОГЛАСИЯ

В центре внимания англо-саксонских союзников в качестве одного из главных на протяжении всей войны стоял вопрос об отношениях с их восточноевропейским партнером — Советским Союзом. И в Лондоне, и в Вашингтоне, разумеется, никогда полностью не доверяли Москве. В конце же войны, из-за растущего авторитета и мощи Красной Армии, вынуждены были тщательно продумывать все нюансы своей позиции перед переговорами с советским руководством, ориентируясь на послевоенное мироустройство. Пожалуй, единственный раз такая практика предварительных консультаций была нарушена — перед трехсторонней встречей в Потсдаме, когда новый президент США Г. Трумэн под предлогом «не формировать у Сталина мнения о сговоре западных союзников» к явному неудовольствию британского премьера отказал ему во встрече накануне, как теперь говорят, саммита. Это, правда, несколько не убедило советского лидера в искренности англосаксов. Несколькими месяцами до этого, на ялтинской конференции он прямо, но в полушут-



ливой форме предупредил западных партнеров: «В союзе союзники не должны обманывать друг друга... Я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак». За этой прямолинейностью Сталина скрывалось также созревшее за военные годы недоверие к американо-британцам, тем более, что причин для этого, скажем откровенно, было немало. Одна лишь попытка сепаратных переговоров с Германией в Швейцарии оправдывает такое отношение Советской России к своим западным коллегам.

Вообще же, если не считать нескольких «импровизаций» американцев, «купившихся на чары Сталина», как считают британцы, особых разногласий при формировании единой англосаксонской позиции по отношению к СССР не наблюдалось.

По другим же вопросам, затрагивавшим упрочение антигитлеровской коалиции, позиции Вашингтона и Лондона были изначально далеки друг от друга. Это, например, касалось отношения к Китаю. К явному раздражению У. Черчилля, например, американцы методично втягивали симпатизировавшее им гоминдановское руководство Китая на орбиту «большой политики» и старались заставить Лондон делать то же самое. В данном случае, как свидетельствует история, Вашингтон оказался куда прозорливее своего партнера, увидев в этой тогда еще беднейшей, но многонаселенной стране будущего одного из основных игроков на международной арене. Особняком стоит вопрос об отношении обоих англосаксонских союзников к неминутному подключению Франции к той же «большой политике». Ко-

нечно, о вишистском руководстве — союзнике Берлина, не могло быть и речи. Однако возглавляемая генералом Де Голлем Свободная Франция оказалась «крепким орешком» для англосаксов. Французы, не имевшие достаточного потенциала для борьбы с Германией, тем не менее, по исторически сложившемуся антагонизму, отвергали всякое покровительство Лондона, а в Вашингтоне они уже тогда увидели гегемонистские наклонности, которые, в конце концов, и вынудили Де Голля — президента Франции к принятию решения о выходе в 1966 г. из подвластной США НАТО, точнее из её военной организации. Но во время войны, как считают и американцы, и британцы, «гипертрофированное чувство национальной гордости, выливавшееся в непомерные амбиции» руководства Свободной Франции,



▲ Шарль де Голль





неоднократно создавало критические ситуации во взаимоотношениях западных союзников, чреватые полным разрывом с Де Голлем с далеко идущими последствиями для послевоенной раскладки сил в Европе и в мире в целом.

Периодически в непредсказуемо острой форме в рамках англосаксонской коалиции возникал и так называемый национальный вопрос, в основном, разумеется затрагивавший британские войска. Дело в том, что если для американской армии, будучи формально однородной (все военнослужащие — в основном граждане США) в ходе военных действий не были характерны проявления расизма и национализма (по крайней мере, официально так признавалось), то для британской армии была типична несколько иная ситуация. В её составе в том числе были части и соединения, сформированные на чисто национальной основе, главным образом из доминионов и колоний. Доверия к ним, особенно из числа неанглосаксонских, со стороны военного и политического руководства страны как такового не было. И этому были свои причины, поскольку, может быть за исключением формирований «головорезов-гуркхов» (выходцев из Непала), мало кто себя показал более менее достойно на поле боя. Не случайно уже в конце войны премьер У. Черчилль, возмущенный умалчиванием в СМИ, как он считал, заслуг англичан, дал указания представить ему статистику потерь британской армии, будучи уверенным в том, что «они (потери англичан) вдвое превышают потери всех других частей Соединенного Королевства и Британской империи, взятых вместе, — возможно, и второе».

Несмотря на то, что изначально американское и британское руководство договорилось о равнозначности (для одержания победы над «державами оси») обоих театров войны — Тихоокеанского и Европейского, первые годы военного сотрудничества Вашингтон явно отдавал предпочтение борьбе с Японией. Позже, под давлением своих союзников, обратив, наконец, свое внимание Европе, американцы не один раз вступали в конфликт



▲ Северная Африка

с британским руководством, стремившимся, главным образом по политическим мотивам, вместо открытия «второго фронта» на Севере Франции, локальными операциями в Средиземноморье изматывать Германию с её союзниками и, заодно, продолжать истощать уже своего «союзника» — СССР, повязанного по рукам и ногам бесконечными масштабными битвами в Восточной, а затем и в Центральной Европе. Надо все же отдать должное американцам, в процессе неоднократных жестких дискуссий и споров с британцами им в конце концов удалось убедить их в необходимости организации грандиозной десантной операции в Нормандии, правда, не в 1943 г., а лишь в середине 1944 г.

КОМУ РУКОВОДИТЬ

Безусловно, создание единого органа военного руководства, каким стал Объединенный КНШ, это — существенный шаг вперед по сравнению с реализованной в годы I мировой войны так называемой концепцией «координации», в со-

ответствии с которой был вынужден работать главком коалиционных войсками французский генерал Ф. Фош. Но добиться этого реально во II мировой войне оказалось не так просто. И британцы, и американцы признали принцип, в соответствии с которым руководство на всех уровнях, от войск на ТВ до локальных операций, должно единолично осуществляться представителями тех вооруженных сил, чьих соединений (объединений) в данном случае представлено больше. Но в действительности, зачастую случалось так, что по тем или иным, главным образом политическим, соображениям назначался главком (командующий) от «конкурирующих» ВС, что весьма болезненно воспринималось генералитетом войск союзника. Так, например, было при назначении командующим войсками для проведения в Северной Африке операции «Торч» (1942 г.) американского генерала, хотя британских соединений в группировке было почти в три раза больше, чем дивизий СВ США. Аналогичным образом складывалась



и ситуация при организации захвата Сицилии в 1943 г. Чтобы избежать подобного впредь, англосаксы договорились по возможности четко соблюдать указанный принцип, но в обязательном порядке назначать зама от союзных войск. Хотя трения продолжались до самого конца войны. Причем эти трения порой приобретали характер настоящих склок не только в среде генералитета союзнических армий, но и в высших военных и даже государственных инстанциях. Например, по вопросу о том, кому должна принадлежать слава победителя. Так, «неуместное самовосхваление фельдмаршала Монтгомери» в связи с якобы решающей ролью британцев в Арденнском сражении, «спасших американцев от разгрома», надолго поссорило его с генералом Д. Эйзенхауэром. Кроме того, первое время британцы, не стесняясь в выражениях, критиковали своих заокеанских союзников в неумении и даже нежелании принимать прямое участие в боях. Так, подмечает У. Черчилль в 1943 г. несмотря на более чем годичное пребывание американских ВВС на территории Англии, они «не удосужились сбросить ни одной бомбы на Германию.., хотя в Вашингтоне за год до этого нас (британцев) убеждали в том, что через четыре или пять месяцев они сделают это».

С этой проблемой связан и другой вопрос, а именно реализация концепции «объединенности», то есть теснейшего межвидового взаимодействия. Если американцы и особенно их авторитетный представитель, руководивший вторжением союзников в Европу («крестовый поход в Европу», как сам он говорил) генерал Д. Эйзенхауэр, методично проводили курс на централизацию руководства всей межвидовой группировки в одних руках, то британцы всячески противились этому, постоянно настаивали на введении промежуточных звеньев руководства через замов командующих — представителей видов ВС. Даже несмотря на то, что У. Черчилль как высшее в британских ВС должностное лицо признавал рациональность централизации

в управлении, британские генералы и офицеры никак не могли с этим согласиться.

Первопричина многих разногласий, а скорее недопонимания между британскими и американскими генералами и офицерами, скрывалась, как это четко подметил Эйзенхауэр, в особенностях систем управления в обеих армиях. Так, пишет в своих мемуарах генерал, «американская доктрина всегда сводилась к тому, чтобы поставить командующему на ТВД задачу, дать ему соответствующие силы и средства и затем как можно меньше вмешиваться в осуществление его планов... Британский КНШ в Лондоне наоборот, на протяжении всей войны поддерживал ежедневные контакты со своими командующими на фронтах и тре-

бовал постоянной и детальной информации». С другой стороны, и У. Черчилль не раз выражал свое недоумение в связи с «чрезмерно частыми» контактами Д. Эйзенхауэра с Вашингтоном в ходе подготовки и особенно проведения операции «Оверлорд» и обвинял его в том, что генерал «не располагает ни малейшей свободой в составлении плана и в решении вопроса о том, когда и где использовать свои силы». Примечательно, что впоследствии эту мелочную опеку, сковывавшую инициативу командиров на местах, англосаксы стали приписывать советской системе военного управления.

Но продолжим. С целью формирования доброжелательной атмосферы в единых коллективах штабов всех уровней британское и амери-



▲ Дуайт Эйзенхауэр





в том, что американские военные термины сильно отличались от британских. Некоторые просто вводили в заблуждение. Такие простые примеры. То, что по-американски означало «battery» — артиллерийская батарея, по-английски — дивизион. Аббревиатура GI — по-английски означала «начальник штаба дивизии», по-американски — «отдел кадров». Понятно, куда такая путаница могла привести, да и поначалу приводила при интенсивном обмене указаниями/приказами в быстро меняющейся обстановке. Поэтому в срочном порядке был разработан общий словарь, своего рода англо-американский военный словарь. Кроме того, был разработан специальный список военных сокращений, обязательный для обеих армий, чтобы каждая из них могла понимать приказы и директивы другой. Без такой унификации взаимопонимание армий двух государств было бы невозможно. Но это было нелегким делом, так как ни та, ни другая сторона не шла охотно на замену своих тщательно разработанных терминов «иностранными» словами.

Для обеспечения взаимодействия были учреждены также курсы совместной подготовки английских и американских офицеров и принята система прикомандирования амери-

канское руководство договорилось о желательности соблюдения паритетов при их укомплектовании генералами и офицерами. Это, безусловно, принесло свои позитивные результаты, однако «на первых порах, — пишет тот же Эйзенхауэр, — офицеры двух национальностей вели себя так, как ведет себя бульдог, когда встречает кота...»

европейским союзникам из числа англосаксов именно так. Впоследствии британцы признавали, что такое отношение имело вполне реальные основания. Среди «мелочей», которые на первый взгляд могут показаться даже странными, но которые порой существенно влияли на взаимодействие союзников, практически все специалисты выделяют так называемую языковую проблему. Дело

РАЗНОГЛАСИЯ В МЕЛОЧАХ

Разница в системах управления, конечно же, затрудняла руководство коалиционными войсками «в поле». Но две военные системы, имевшие на первый взгляд так много общего, значительно отличались одна от другой и в мелочах. Сначала британцы полагали, что имея большой опыт, они покажут американцам, что и как надо делать, а те безропотно и без возражений последуют этим указаниям. Но эта иллюзия быстро рассеялась. Оказалось, что в глазах американцев британская армия не пользовалась большим военным авторитетом. «Странная война», то есть фактическое бездействие и сплошные неудачи с сентября 1939 г. по май 1940 г., заставляла янки относиться к своим



▲ Американский «Шерман»



канцев к британским частям и соединениям и наоборот.

Помимо этого, обе стороны договорились о мерах стандартизации ВВТ, чтобы иметь возможно меньше образцов и добиться их максимальной взаимозаменяемости. Но полной унификации из-за нехватки времени добиться не удалось. Вместе с тем британцы признают весьма заметную роль США в оснащении их армии. Конечно же, они, в первую очередь, имеют ввиду танки «Шерман», штабные автомобили «Виллис», САУ и амфибии. Дело кончилось тем, что если в начале войны руководство ВС обеих стран категорически выступало против смешивания частей и соединений разной национальной принадлежности (как говорил У. Черчилль: «родственникам лучше быть врозь»), то к концу войны имели место факты создания смешанных формирований. Такого рода объединением стала 1-я американско-британская воздушно-десантная армия, созданная в 1944 г.

ПОЛИТИКА ПРЕВАЛИРУЕТ

По мере приближения конца войны проблемы военной совместимости западных союзников постепенно начали отходить на второй план, а политические вопросы обретать все более важное значение. Вашингтон и Лондон, в принципе заинтересованные в оттеснении, по мере возможностей, Москвы от дележа завоеванного политического и военного «капитала», не избежали некоторых трений в своих внутренних взаимоотношениях.

Несмотря на принципиальную договоренность о будущих зонах оккупации в терпящей крах Германии, Лондон интенсивно пытался заставить американцев вклиниться их многочисленными армиями в сферу оперативных интересов Красной Армии и не только в Германии, но и в Австрии, Чехословакии, других европейских странах, находившихся на пути продвижения советских войск. Надо опять отдать должное «недалновидным» (как говорил У. Черчилль) американцам (и прежде



всего генералу Д. Эйзенхауэру), которые старались четко соблюдать достигнутые договоренности с русскими, за что подверглись нещадной критике со стороны британского премьера и генералитета. После же прекращения военных действий британский премьер вовсю старался уговорить американцев не покидать сразу занятые ими, но подлежащие по договоренности передаче русским территории в обмен на выторговывание у Москвы каких-либо территориальных, либо политических уступок. И опять американцы не поддались давлению, что вызвало открытое негодование британского руководства. Чем в большей степени приходило в умы западных союзников осознание значения одержанной победы, тем активнее стремились они воздействовать на своих оппонентов и мировое общественное мнение путем явного преувеличения своих заслуг, что, впрочем, признаем, им вполне удалось. Прежде всего, англосаксы стремились выпятивать свои военные успехи, в чем особенно преуспел британский премьер. По его словам, «победа, завоеванная нашими (то есть британо-американцами) армиями в Нормандии, затмит своим

величием всё, что русские достигли в каком-либо отдельном случае». Черчилль выступил резко против планов США вывести через два года свои войска из Европы, в чем, в конце концов, нашел поддержку у администрации Г. Трумэна. И в качестве, так сказать, прощального аккорда, как бы ставя точку в истории «странного альянса» с русскими, по меткому определению американского генерала Дж. Дина британский премьер предложил своим заокеанским союзникам в качестве меры против коммунистической экспансии «созвать международную конференцию без участия России... Ничто не показало бы Советам более ясно, в каком они оказались положении. Таким образом, я считаю, что это лучший тактический путь, а также правильный моральный путь, по которому должна пойти преобладающая часть всего мира во главе с говорящими по-английски армиями и войсками всех родов». Если отбросить идеологический фон сказанного, то вполне четко проступают очертания вожделенной мечты англосаксов — мировое доминирование, ни больше, ни меньше. Впрочем, и сегодня от этой цели они не собираются отказываться. ■





С.М. ИВАНОВ

Ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, кандидат исторических наук

К НОСТАЛЬГИИ ПО НЕУДАВШИМСЯ ПРОЕКТАМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ



Некоторые политики ностальгируют по прежним порядкам на Ближнем Востоке времен Саддама Хусейна и Хафеза Асада. Якобы тогда были мир и порядок в регионе. Вот и министр иностранных дел РФ С.Лавров заявляет об опасности распада Сирии якобы в связи с созданием нового «квазигосударства» курдов на северо-востоке Сирии. При этом дипломат почему-то умалчивает о существующем уже несколько лет протурецком квазигосударстве на северо-западе Сирии (Идлиб, Алеппо, Африн, Манбидж).

В этой связи хотелось бы напомнить читателям краткую историю создания Ирака и Сирии и обсудить, а надо ли силой восстанавливать разваливающиеся из-за преступных действий центральных властей государства?

16 мая 2016 года мировая общественность отметила 100-летие сговора будущих победителей в Первой мировой войне Великобритании

и Франции, которые поделили на части территорию Османской империи и создали на Ближнем Востоке новые государства: Турцию, Сирию, Ливан, Ирак и другие. Согласно секретному плану западных дипломатов (англичанина Сайкса и француза Пико) границы новых государств проводились по географической карте без учета интересов проживавших там народов. Так, разделенный до этого Персидской и Османской империями, народ Этнического Курдистана был

и Франции, которые поделили на части территорию Османской империи и создали на Ближнем Востоке новые государства: Турцию, Сирию, Ливан, Ирак и другие. Согласно секретному плану западных дипломатов (англичанина Сайкса и француза Пико) границы новых государств проводились по географической карте без учета интересов проживавших там народов. Так, разделенный до этого Персидской и Османской империями, народ Этнического Курдистана был



раздроблен в 20-х годах прошлого столетия еще на три части и оказался на положении национальных меньшинств в Турции, Ираке, Сирии и Иране.

Уже в первые годы правления Франции в Сирии, а Великобритании в Ираке колониальные власти делали ставку на разделение народов по этническому и конфессиональному признакам и опирались в основном на верхушку арабского большинства. В Сирии французы даже создавали квазигосударство арабов-алавитов (1923-1936 гг.). Естественно, что национальные меньшинства этих стран притеснялись, их интересы игнорировались, курдам, как коренным жителям этих мест с тысячелетней историей, приходилось все сложнее сохранять свой уклад жизни, язык, культуру, традиции.

Приход к власти в Дамаске и Багдаде арабских националистов-баасистов в 60-е годы прошлого столетия поставил курдов на грань выживания. Усилилась их дискриминация по всем линиям, проводилась политика насильственной ассимиляции, массовых депортаций, репрессий, лишения гражданства и т.д. Акции

протеста и восстания подавлялись с применением тяжелых видов оружия, вплоть до применения химического оружия во времена С.Хусейна. Стирались с лица земли сотни населенных пунктов, уничтожались физически десятки тысяч мирных граждан. Деятельность всех партий и общественных организаций курдов, как и обучение на курдском языке, запрещались.

Но курды выстояли в этой неравной борьбе с арабскими националистами. В Ираке с 2003 года они приняли самое активное участие в создании нового демократического государства, добились статуса субъекта федерации с самыми широкими правами и полномочиями. После панического бегства летом 2014 года регулярной армии от боевиков ИГИЛ (запрещено в РФ), возглавили сопротивление, защитили от бандформирований джихадистов Иракский Курдистан, а затем совместно с другими иракскими и иностранными силами освободили всю территорию страны от исламистов.

В Сирии курды изначально, с весны 2011 года, сохраняли нейтралитет в гражданской войне и воевали

лишь с боевиками ИГИЛ. Они смогли не только защитить свои исконные земли, но в союзе с арабами-суннитами и христианами освободили весь северо-восток страны.

Лидеры иракских и сирийских курдов подчеркивают, что они не являются сепаратистами и готовы вместе с арабами и другими народами региона строить новые демократические государства, где права национальных и других меньшинств были бы надежно защищены.

Однако, центральные власти в Багдаде и Дамаске пока не проявляют заинтересованности в налаживании уважительного диалога с курдами. В Ираке положение осложняется сохраняющимся антагонизмом на грани гражданской войны между правящим арабо-шиитским большинством и арабо-суннитским меньшинством. Лидеры курдов пытаются выступать посредниками в этом межконфессиональном конфликте, но многие их усилия сводятся на нет из-за вмешательства во внутренние дела страны иранских аятолл. Тегеран подогревает антисуннитские настроения в Багдаде и провоцирует новые теракты и вооруженные столк-





новения между шиитами и суннитами. Курды страдают от хаоса, вражды и актов насилия в стране. Непросто придется иракским курдам отстаивать свои права на севере и в Багдаде. Шиитские милицейские формирования с иранскими советниками пытаются взять под контроль так называемые «спорные районы» на севере Ирака, центральные власти саботируют выполнение ряда положений конституции и принятие новых законов.

Еще в более сложном положении оказались сирийские курды. Дамаск под влиянием Тегерана и оппозиция под влиянием Анкары по-прежнему игнорируют курдское меньшинство. Представителей курдов не приглашают на переговоры в Дамаск, Стамбул, Астану или Женеву. Асад заявляет о сохранении унитарного государства

без прав национальных меньшинств на автономию. Эрдоган и Асад угрожают силой разоружить курдских ополченцев и установить контроль за курдскими районами, включая восточный берег реки Евфрат.

Оказавшись «меж трех огней» (Дамаск, Анкара и Тегеран), сирийские курды вынуждены опираться на поддержку США, Великобритании и Франции. Определенную помощь оказывает им и Иракский Курдистан. Для курдов этот союз — единственная возможность выжить, как народу никто не вправе их в этом упрекать.

Поэтому «наступать на грабли» Сайкса и Пико и вновь лепить искусственно Ирак и Сирию в столицах иностранных государств бесперспективно и опасно для всех. Народы этих стран должны сами определиться, как

им лучше и безопаснее дальше жить. Вместе или раздельно? Задача мирового сообщества — добиться вывода иностранных войск из Сирии и Ирака и обеспечить мирный диалог представителей всех этносов и конфессий этих территорий. Как показывает опыт восьми лет сирийского конфликта, Анкара и Тегеран стремятся любой ценой добиться своего марионеточного правительства в Дамаске и по этой причине в миротворцы не годятся. Несмотря на все сложности в работе Совета Безопасности ООН, другого общепризнанного международного формата пока в мире нет. Поэтому было бы целесообразным Москве и Вашингтону найти между собой какой-то консенсус по Сирии и инициировать миротворческую операцию в этой стране под эгидой ООН. ■



СЕРГЕЙ БАЛЕНКО
Ветеран военной разведки

БАТЯ



Генерал-майор Колесник Василий Васильевич родился 13 декабря 1935 года в станице Славянская (ныне Славянск-на-Кубани) Краснодарского края в семье сельских интеллигентов. Отец — Василий Львович был агрономом, одним из первых, начавших осваивать рисоводство на Кубани, мать — Ольга Федоровна — учительницей. Это была красивая, любящая пара. Вася был вторым сыном, старшему брату Юре — три годика. Вскоре родились две сестренки — Лена и Инна.

В 1939 году отца направили работать на Украину, в деревню Алифоровка Миргородского района Полтавской области. Здесь и застала беда их счастливую семью. Ольга Федоровна уже ходила пятым ребенком, когда началась война. Оставив детей на бабушку и деда, родители-коммунисты ушли в партизаны. Однажды, когда родители навещали детей, их выдали предатели. 7 ноября 1941 года отца и мать расстреляли на глазах их детей, спрятанных в стог сена. Эти крохи видели как мама за-

щищает от пуль большой живот, как скользит вниз по стенке хаты, оставляя кровавый след отец, как пинают сапогами окровавленного деда, как загоняют людей прикладами в хату и ... поджигают. Страшное зрелище, которое пришлось пережить 6-летнему Васе, парализовало его психику и оставило заикой. Но им везло на добрых людей, которые презрев страх расправы, сначала их спрятали, потом не дали их разлучить, помогли соединиться с родственниками в 1943 году, после освобождения





▲ Колесник Василий Васильевич

Полтавщины. Всё семейное тепло, воспитание, всё, что могли им дать родные папа с мамой, сироты получили в семье Долгова Семена Гордеевича и его жены Нины Федоровны, младшей сестры погибшей Ольги Федоровны.

Семен Гордеевич был полковником авиации, обучал летчиков, просился на фронт, но был оставлен в тылу. Он сыграл огромную роль в судьбе и становлении характера своего Володи и Юры с Васей. Именно он настоял на сохранении фамилии мальчиков, чтобы остался род Колесников. Дети называли Се-

мена Гордеевича Батей. Батя научил мальчиков стрелять, пилить, рубить, колоть, плавать, копать и многому другому, так необходимому в жизни человека. Даже испуганный, стеснительный, заикающийся Вася перестал бояться говорить и стал пересказывать Бате свои переживания. С этого началось его второе рождение. Неоценима и роль Нины Федоровны, которую дети вскоре начали называть мамой.

Военная судьба забросила Семена Гордеевича в город Майкоп. Здесь в 1945 году Вася с братом поступили в Краснодарское суворов-

ское военное училище. Путь их был предрешен. Профессия — защищать Родину.

Еще одним добрым человеком на Васином пути была учительница русского языка в суворовском училище. Благодаря ей Вася избавился от комплекса неполноценности, от издевок сверстников. Это она заставила всех без смеха слушать как он отвечает у доски урок нараспев. Ходила с ним в лес, где они общались между собой «оперными ариями» и добилась: Вася избавился от заикания, стал уверенным в себе.

Особое тепло оставил в душе суворовца Васи Колесника и воспитатель Булыгин. Любил своих мальчишек. Обладал несомненным талантом сочинителя историй, которыми щедро одаривал по вечерам малышкой 45-го года. Это он привил любовь к сказкам и чтению, любовь к родной стране, жажду справедливости, непримиримости ко злу.

Благодаря этим людям формировался характер Васи и будущие поступки, чистота природы и удивительная детскость. Это они дали ему прерванное войной детство, оставили тепло в душе.

В 1947 году суворовское училище перевели в город Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и объединили с общеобразовательным училищем.

Дружба рожденная в суворовском училище, или «во кадетстве», как они потом сами будут называть эту пору своей жизни, стала дружбой на всю жизнь. Ежегодно в День Победы 9 мая у метро «Кропоткинская» собираются бывшие суворовцы тех первых выпусков. И нет большей радости, чем эти встречи друзей, соединенных единой судьбой, судьбой мальчишек войны, с рано окончившимся детством, искренне жалеющих, что опоздали родиться и влюбленными глазами смотревших на героев, бравших Берлин.

«Нет уз, святее товарищества!».

Огромное число друзей Василия Васильевича, но имена суворовцев «Орджо» обласканы его сердцем особо. Все без исключения. Недаром его вдова Екатерина Михайловна на просьбу назвать его лучших



друзей ответила: «Лобачев и суворовское училище».

Письма, открытки, стихи, листки архива генерала Колесника дают представление об огромной духовной жизни «братьев во кадетстве», об их жизненной и патриотической позиции. Вот одно из них:

*Кадет на то и есть кадет,
Чтоб знала Русь и ведал свет,
Что крепче братства в мире нет,
Что в жизни нам одна дорога –
Святой суворовский завет:
Служить Отчизне с верой в Бога
От юных до преклонных лет!*

В 1953 году Василий Васильевич окончил суворовское училище, овеванное ребяческой романтикой, и стал взрослым курсантом в этом же учебном комплексе. После окончания его в 1956 году был направлен для дальнейшего прохождения службы в Дальневосточный военный округ на должность командира взвода в отдельную роту специального назначения 25-й армии.

Важно отметить тот факт, что в одно время с Колесником училась в педучилище города Орджоникидзе Катя Горбунова. Все как обычно —

на вечер к суворовцам, где одни мальчишки, приглашались студенты педучилища, где были в основном девчонки. Вот и свела их в танце судьба — на всю жизнь. И полетела после назначения молодого командира в Орджоникидзе телеграмма: «Приезжай!». Коротко и емко. По-военному. И стала юная воспитательница детского сада любовью и судьбой. И наполнилась душа счастьем, уверенностью в будущем. Не ждали молодые дара божьего, создавали жизнь своими руками, обогащали друг друга знаниями, жили богатой духовной жизнью.

Ревновали солдаты своего командира к его Катюше. Сначала. Но любили и уважали. Но после одного возвращения с учебного задания стали называть «Батей». Те первые сержанты, которых готовил лейтенант Колесник, сохранили с ним связь пожизненно. А новичкам они, как эстафету, передали это имя — Батя. Причем это повторялось во всех гарнизонах — и в Легнице, и в Тшегоме (Польша), и в Уссурийске, и в Чирчике.

Гарнизоны, гарнизоны... В одном из них родилась Наташа, в другом — Оля, в третьем — Миша. Как того

и хотел Василий Васильевич, первой родилась дочка — Наташа. Отец звал её «Рыжиком». Он очень любил всех своих детей, но к Рыжику относился, кажется, с особой ласковостью — её прелестные кудряшки медного цвета так напоминали ему родную маму, Ольгу Федоровну!

Семья для Василия Васильевича всегда была надежным тылом, уютным, без излишеств бытом. Он знал, что его любят, ждут и всегда ему рады. Папина служба под грифом «секретно». О ней ни с кем, ни между собой. Так заведено. Так и порядочность Колесники привили детям с детства. Проблемы в семье решали сами, не обременяя папу, ведь у него нелегкая служба. Как в песне: «Пусть он землю бережет родную, а любовь Катюша сбережет».

В 1957 году роту В. В. Колесника перевели в Северную группу войск, в Польшу. На базе роты был развернут отдельный батальон специального назначения, а Василий Васильевич стал командиром отдельного учебного взвода, готовил сержантов для своей части. В 1960 году был назначен командиром разведывательной роты этого же батальона. Служба шла





как отлаженный часовой механизм: без ЧП, но и без романтики. Может быть потому, что всё в ней стало привычно.

В 1963 году Василий Васильевич поступил учиться в Военную академию имени М.В. Фрунзе на разведывательный факультет, о чем давно мечтал. После окончания академии, в 1966 году, был снова направлен в ДВО, в город Уссурийск, на должность начальника оперативно-разведывательного отделения отдельной бригады специального назначения.

Екатерина Михайловна, рассказывая о своем муже, как-то сказала: «Он был очень азартный, взрывной, увлекающийся. И в то же время — очень осторожный, предельно собранный, контролирующий каждое свое слово, каждое движение». Но может это и создавало характер, идеальный для разведчика. Без

азарта, без ослепительной озаренности мгновенного решения и его немедленного исполнения разведчик обречен. Но он еще более обречен, если этому своему неумному механизму не поставит надежный тормоз. И опять же будет обречен, если всю свою профессиональную жизнь проведет «на тормозах»...

Профессиональная сторона жизни В.В. Колесника неотделима от всей его жизни в целом. И его военная судьба от суворовца до генерала есть хрестоматийный образец офицерского бытия. Причем вся его служба от начала и до конца проходила в самых профессиональных воинских подразделениях — воинских частях специального назначения. Именно поколению «братьев во кадетстве» суждено было создать советский Спецназ на основе партизанских действий во время Великой

Отечественной войны. Днем рождения Спецназа является 24 октября 1950 года, когда Директивой Военного министра СССР Маршала Советского Союза А.М. Василевского дано указание о формировании 46-ти отдельных рот специального назначения. В 1953 году, когда В.В. Колесник заканчивал суворовское училище, произошло сокращение Вооруженных Сил СССР. Сначала осталось одиннадцать рот. В одну из них он и был направлен в 1956 году после окончания военного училища. Уже в следующем 1957 году, по указанию Министра обороны СССР маршала Советского Союза Г.К. Жукова проведены организационно-штатные мероприятия в сторону усиления Спецназа. Были сформированы 5 отдельных батальонов, переведены на новую оргштатную структуру отдельные роты специального назна-



чения. Таким образом начало военной карьеры Василия Васильевича совпадает с рождением Спецназа.

В 1971 году В. В. Колесник был назначен начальником штаба отдельной бригады специального назначения Среднеазиатского военного округа в городе Чирчик Ташкентской области, а в 1975 году — стал командиром этой же бригады. В этом же году бригаду передали в Туркестанский военный округ.

В ноябре 1977 года был назначен на должность старшего офицера в Главное разведывательное управление Генерального штаба.

В мае 1979 года Василия Васильевича вызвал начальник ГРУ ГШ генерал армии П. И. Ивашутин и поставил задачу: из войск Туркестанского и Среднеазиатского военных округов отобрать солдат, сержантов и офицеров трех национальностей — таджиков, узбеков и туркмен, сформировать отдельный батальон специального назначения к 1 июня на базе 15 отдельной бригады специального назначения ТуркВО. Их называли «мусульманским» батальоном. 520 человек, хорошо подготовленных, знающих фарси. Ни до, ни после такого формирования не было.

С помощью офицеров бригады, этот батальон был полностью сформирован и укомплектован к назначенному сроку и приступил к боевой подготовке по особой программе. Возглавил его майор Х. Т. Халбаев. В конце сентября комиссия ГРУ ГШ проверила готовность батальона и положительно оценила результаты подготовки.

В начале ноября батальон получил приказ убыть самолетами с аэродромов Чирчик и Ташкент в город Баграм (Афганистан). Отправив батальон Василий Васильевич возвратился в Москву. В начале декабря 1979 года снова был вызван генералом армии Ивашутиным П. И. и получил приказ: с подполковником Швец О. У. вылететь с аэродрома Чкаловский в Афганистан и поступить в распоряжение Главного военного советника при правительстве Амина генерал-полковника Магомедова Султана Кекезовича.

21 декабря была поставлена задача разработать план по захвату дворца Амина. Утром 24 декабря В. В. Колесник доложил решение, план утвердили, но подписывать не стали. Просто сказали: «Действуйте». Руководителем операции был назначен полковник Колесник В. В., его заместителем — генерал-майор Дроздов Ю. И. (начальник управления нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР, руководивший действиями спецгрупп «Гром» и «Зенит»). Вечером того же дня свое решение и обоснование В. В. Колесник доложил лично начальнику Генерального штаба по ВЧ-связи. Поздно вече-

ром 26 декабря В. В. Колесник еще раз уточнил план операции. Дворец Таж-Бек охраняла бригада охраны, а от ударов с воздуха был прикрыт зенитным полком, огневые средства которого могли вести огонь и по наземному противнику (всего около 2 500 человек). Боевая задача могла быть выполнена только при условии внезапности и военной хитрости.

Штурм дворца Амина «мусульманским» батальоном и спецгруппами «Гром» и «Зенит» по плану и под командованием В. В. Колесника был начат в 19.30 27 декабря 1979 года. Бой длился 43 минуты. «Всё, — сказал Василий Васильевич и доба-



▲ Резиденция Амина





▲ Дворец Тадж-Бек

вил: — Это мой первый и настоящий в жизни бой». В батальоне погибло 5 человек, было ранено 35 человек, 23 из которых отказались от госпитализации. Так появилась новая страница истории под названием «Шторм-333», когда минимальными силами с минимальными потерями был осуществлен государственный переворот в Афганистане.

Потом был доклад министру обороны Д. Ф. Устинову. Трудно описать удивление многозвездных генералов в многолюдной приемной министра, когда его порученец в звании генерал-лейтенанта встречал полковника В. В. Колесника, да еще помогал ему снять шинель. А в кабинете Д. Ф. Устинов обнял и расцеловал Василия Васильевича и началась долгая беседа и рассказ... Когда министр увидел, что план операции не утвержден, а на нем стоит только подпись Колесника, сказал, покачивая головой: «Я понимаю почему осторожный кавказец Магомедов не поставил подпись на твоём плане. Но почему

Иванов (генерал-лейтенант Иванов Б. В., представитель КГБ в Афганистане, М. Б.) не расписался — понять не могу».

На вопрос министра, почему не поступает в академию Генерального штаба, сказал о предельном возрасте — 44 года. Устинов разрешил поступать вне конкурса. С этими словами проводил до двери. Увидев это маршал Соколов, бывший тогда первым заместителем министра, сказал: «Ну, полковник, ещё никого из нас министр до дверей не провожал».

28 апреля 1980 года был подписан Указ о награждении участников операции. В. В. Колеснику и нескольким спецназовцам КГБ присвоили звание Героя Советского Союза. Орденом Ленина наградили семейных, в том числе Халбаева, Турсункулова, Шарипова и Сахатова, хотя последнего Колесник представлял к званию Героя. Двадцать человек, среди которых был и О. У. Швец были награждены орденом Красного Знамени. Около 60 человек наградили

орденом Красной Звезды и около 300 человек — медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

После окончания академии Генерального штаба в 1982 году В. В. Колесник был назначен на должность начальника направления специальной разведки. Неоднократно бывал в Афганистане.

Последние годы в нем жила боль, о которой он не говорил, не делился, но, наверное именно она оборвала его жизнь раньше срока. Боль о сыне... Получилось так, что именно Миша, младший ребенок, единственный сын, любивший всех, стал болью семьи. Погиб в Чечне...

После окончания Рязанского высшего воздушно-десантного училища Миша служил на Дальнем Востоке. Однажды позвонил: «Папа, я уезжаю в Чечню. Только, пожалуйста, ничего не предпринимай». «Хотя я и не стал бы никуда звонить, — вспоминал потом Василий Васильевич. — Понимал, что это плохо скажется на дальнейшей службе сына».



Есть время, когда каждый из нас совершает свои мужские поступки. Что он мог ответить на слова сына: «Папа, я все равно уеду, иначе я не смогу смотреть своим подчиненным в глаза. Папа-генерал спрятал своего сыночка...» Отец ответил: «Знаешь, сын, у каждого своя солдатская судьба...» и положил трубку... А в доме повисла тишина, ощущение неизбежной беды.

Смерть Миши его подкосила. Наверное, он себя винил, что не сумел сберечь сына.

Он редко бывал на кладбище. Разве можно любить свою боль? И он глушил её как мог: работа, работа, работа... И терпеть не мог болеть — тогда мысли брали верх.

В 1988 году В.В. Колеснику было присвоено звание «генерал-майор». В 1992 году по возрасту был уволен в запас. Долгое время возглавлял Московское отделение Фонда социальных гарантий военнослужащим, который помогал участникам и ветеранам Великой Отечественной войны, боевых действий в Афганистане и Чечне, офицерам запаса и их семьям. Искренние чувства выразил генерал-майор в отставке Смирнов С.Н. в своем стихотворении, посвященном Василию Васильевичу, которого он знал по службе в ГРУ ГШ и работе в Фонде «Гарантия»:

*Года бегут, но память
не стареет,
Надеждой светит яркой
вдалеке,
С годами становились
Вы мудрее,
Всё ближе к внукам, лесу и реке.
Служили Вы и в Польше,
и в Приморье
Спецназовцем.
На острие ножа
Вошли в Кабул, когда
молчали горы,
Потом плясала смерть,
косой круша.
Сомкнув ряды прошел
железным строем
«Мусбатальон» Ваш,
выполнив приказ.
Закономерно стали Вы Героем,
И славою овеяли Спецназ.
В ГШ учеба, званье генерала...*

*Короче, долгим был
служебный путь.
И Родина всегда была для
Вас причалом,
И было некогда Вам в службе
отдохнуть.
Вы и сейчас навечно в списках
части,
Всегда в строю — бесменный
часовой...
Дай Бог живым спецназовцам
удачи
Преодолеть «последний
трудный бой!»
И будут жить традиции
в России,
И не уйдет достоинство
и честь,
Пока сыны такие как Василий
Ещё в Отечестве
российском есть!*

Однажды В.В. Колесник сказал: «И пусть судьба порой была жестока ко мне самому, принося невосполнимые утраты, но я счастлив тем, что всегда был верен долгу перед Родиной и что на меня всегда могли надеяться мои боевые товарищи и наше командование».

Его не стало 30 октября 2002 года.

«На каждом из нас лежит отблеск его любви к Родине». Эти сло-

ва и высказывания его друзей были записаны на «сороковинах» Василия Васильевича. Неважно, кто лично их сказал. Это просто слова о Васе, о Василии Васильевиче. Это не пафос, а очень искренние слова. Они, его друзья, так думают и так чувствуют. Он объединяет их даже после смерти...

«...Я скажу как на духу: он повлиял на мое самосознание, на мое моральное самоутверждение. Однажды вскоре после того, как Вася получил звезду Героя, мы разговаривали с одним из наших друзей. И тот сказал: «Знаешь, ведь Вася доказал не только свое геройство. Он показал на что мы способны. Ведь каждый из нас, окажись в его ситуации, повел бы себя так же геройски. Он всех нас возвысил до Героя». У меня в ту пору был кризисный период, хотел отказаться от академии, бросить военную службу. Простая, нехитрая мысль, что Васин героизм относится и ко мне, повернула мое самосознание, пристыдила за малодушие, вернула к чувству долга. И я поехал учиться в академию...»

«...Училище для Васи было чем-то большим, чем училищем. Да, на той «булыгинской роты» почти все потом стали спецназовцами. Вася за всю





свою жизнь никогда не терял связи с училищем. Приезжал, встречался с суворовцами, рассказывал им о Спецназе. Символично, что незадолго до своей кончины, он снова съездил во Владикавказ. Он очень страдал, что училище в тяжелом положении, и в материальном, и в моральном плане. Говорил, что все мы должны помочь ему».

«Я расскажу сейчас эпизод, когда наш спокойный, неразговорчивый Вася вышел из себя. Было это на одном приеме. Собралось много генералов, были и правительственные чины. Не буду называть фамилию генерала, который самозвано захватил микрофон перед третьим тостом и понес какую-то несусветную чушь. Мы с Васей были на периферии стола и, разумеется, о выступлении не помышляли. Но тут Вася вскочил и заорал на этого, с микрофоном: «Ты что, не знаешь, о ком третий тост? Офицеры ко мне!», скомандовал он. Все вскочили, вытянулись по стойке «смирно» и выпили молча. Еще не нарушилась тишина, как Вася предложил: «А четвертый тост — за Георгия Жукова!» — и первым осушил полный фужер».

«Как бы там ни говорили, была у нас первая армия в мире. И нам досталось служить в той армии. Мы были как норовистые кони, за спины не прятались. Каким командиром был Вася! Как он подготовил бригаду! В Афгане она дралась достойно. Многие вспоминают его излюбленное поучение: «Не надо бояться свиста пуль. Которая свистит, та — не твоя».

«...В нем постоянно шла моральная работа: как жить и для чего. Можно сказать, что к своему подвигу он шел всю свою предшествующую жизнь. Родина нам дала все, что могла дать. Предъявлять к ней претензии, что не дала, чего недодала, могут только те, в «павлиньих перьях». Вася же, как настоящий сын своей матери-Родины, любил её и гордился ею, какая бы она не была и что бы с ней не случилось. Это не просто красивые слова. Это суть красивого человека Василия Колесника».

«Вся жизнь его — нам в назидание. Чтобы быть таким, каким он был. Спасибо, тебе, Вася, за то, что ты был».

«В моем сознании Василий Васильевич — человек, суворовец, курсант, боевой офицер и генерал, Герой Советского Союза, нежный муж и отец, — живет как нечто единое, цельное, неумирающее и светлое.

Спасибо Василий Васильевич, тебе и твоим близким, что бы был с нами. Ты всегда живешь и будешь жить в делах и сердцах тех, кто обязан тебе жизнью, человеческим достоинством, кто называл тебя Батя».

«...друг с 1956 года. Василий — хороший друг, честный человек, целеустремленный, немного прямолинейный, без хитрости и лицемерия. Службе отдавал всего себя, старался делать ее интересной, творческой, с искоркой. Изматывающие марш-броски превращал в захватывающую игру, соревнования. На него было приятно смотреть во время марша или на занятиях. Он весь светился изнутри, зажигая азартом своих подчиненных и своих сослуживцев. К солдатам относился заботливо, с пониманием. Не зря они его называли Батей. Он не гнушался на марше у ослабевшего новичка взять рюкзак с карабином и помочь ему догнать взвод, перевести дыхание, при этом старался не унижить его достоинства, старался воспитывать у старослужащих заботливые товарищеские отношения. Его изобретательности можно было позавидовать. Василий был настоящим патриотом своей страны, чему учил и своих солдат.

Судьба нас то разводила, то опять сводила, но дружба наша продолжалась, хотя я уже не был в Спецназе. Сейчас нашу дружбу продолжают дети. Я потерял лучшего друга, часть своего сердца».

«Что бросалось в глаза всем, а не только нам — его воспитанникам, так это удивительная энергия генерала Колесника. Имея довольно солидный возраст, Василий Васильевич проявлял живой, непод-

дельный интерес к каждому своему однокашнику, сослуживцу или воспитаннику, наводил справки и все это вносил в свой толстый «гроссбух». Ему было интересно всё. Он помнил всех по имени и отчеству, помнил имена наших жен и детей.

Конечно, фундаментом такого отношения к людям был кодекс чести, заложенный суворовским училищем. По сути получалось, что суворовцы жили одной семьей в течение 10-15 лет. Эта дружба сохранилась на всю жизнь у выпускника «Орджо». Нравящееся к судьбам своих питомцев распространялось на нас.

24 октября 2000 года, в день 50-летия Спецназа генерал-майор Колесник В.В. устроил последний парад. Сам лично в парадной форме при всех наградах он стоял у входа в Центральный дом российской армии и приветствовал каждого из сотен прибывших спецназовцев. Это было очень трогательно. В тот момент я вспомнил старинное военное изречение: «Эполеты офицера сверкают всего ярче в блеске его обаяния!» Батя как будто чувствовал, что следующей встречи для него уже не будет. Он хотел передать с рукопожатием и братским объятием свое уважение и любовь.

Он стал легендой при жизни и живет в нашей памяти и после своей физической смерти, ибо такие люди рождаются не часто. Помнят его и на родной Украине, а в Днепропетровске у композитора Руденко родилась песня, которая так и называется «Комбриг Колесник».

Он сам был и остается для нас звездой, свет которой до сих пор освещает нам жизнь. Светлая ему память!»

Таковы основные вехи жизни легендарного офицера, посвятившего всю жизнь Спецназу военной разведки. Несмотря на все тяготы выпавшие на его долю, он не ожесточился и никогда не падал духом, всегда оставаясь мудрым командиром, любящим отцом и верным товарищем. «Батя» — так называли его и солдаты, и офицеры. В нашей памяти он тоже останется Батей. ■



ВЛАДИМИР КОРНЕЕВЕЦ
Ветеран военной разведки

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

*Один – порезал самолеты,
Поля засеял кукурузой.
Бездумный раб чужих идей –
Он разорил уклад людей.*

*Другой любил коньяк в тиши,
Гнал нефть на Запад за гроши.
Он был веселый и простой,
И погрузил страну в застой.*

*А третий вместо кукурузы
Слил ядерную мощь Союза.
Всегда улыбочивый и «гибкий» –
Сдал за фальшивые улыбки.*

*Таких ошибок нам хватило,
Чтоб государство прекратило
Быть уважаемой страной
По праву, данному войной.*

*Потом десяток лет развала,
Какого Русь уж не видала
Четыре сотни лет иль боле –
На то Бориса была воля.*

*Надежду слабую таю,
На то, что сменим колею,
Не станем жить «царям» в угоду,
А озаботимся народом.*

ЮЛИЯ ДРУНИНА

КОМБАТ

*Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.*

*Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.*

*Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.*

*И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!*





СЕРГЕЙ СМИРНОВ
Ветеран военной разведки

О РОССИИ

*О России написано много...
Миф один о России таков:
Мол, в России плохие дороги,
А страна вся полна дураков,*

*Мол, Россия стремится на Запад,
Повернувшись лицом на Восток,
В ней народы со свистом и храпом
Спят в берлогах, и в этом их рок.*

*Обывательский образ России
Ложно дан, как богатству сума,
Чтоб Россию совсем обессилить
И представить сошедшей с ума,*

*Чтоб Россия на нашей планете
Не смогла испытать торжества,
И во тьме без стремления к свету
Русский Ваня не помнил родства.*

*Чтоб забыл он и давние сечи,
И сидел в нищете на мели...*

*Потому и сосет эта нечисть
Нефть и газ — «соки» русской земли.*

*Ох, уж эти друзья-либералы!
Нам добро представляют как зло,
Вмиг гайдары народ обобрали,
Отключили чубайсы тепло.*

*Олигархи налоги не платят,
От реформ же страдает народ,
Месяцами живя без зарплаты...
Так спланирован русский Исход.*

*Будто нет для нас больше пространства,
Территорий, озёр и морей.
На своей мы земле иностранцы
И не правим Россией своей.*

*Чтоб Россия могла возродиться,
И не стало в стране подлецов,
Сыновья в ней должны народиться
С генной памятью русских отцов.*



ЮЛИЯ ДРУНИНА

ДРУНЯ*



*Это было в Руси былинной.
В домотканый сермяжный век:
Новорожденного Дружиной
Светлоглазый отец нарек.*

*В этом имени — звон кольчуги,
В этом имени — храп коня,
В этом имени слышно:
— Други! Я вас вынесу из огня!*

*Пахло сеном в ночах июня,
Уносила венки река.
И смешливо и нежно
«Друня» звали девицы паренька.*

*Расставанье у перелаза,
Ликование соловья...*

*Светло-русы и светлоглазы
Были Друнины сыновья.
Пролетали, как миг, столетья,
Царства таяли словно лед...
Звали девочку Друней дети —
Шел тогда сорок первый год.*

*В этом прозвище,
данном в школе,
Вдруг воскресла святая Русь,
Посвист молодца
в чистом поле,
Хмурь лесов, деревенек грусть.*

*В этом имени — звон кольчуги,
В этом имени — храп коня,
В этом имени слышно:*

*— Други! Я вас вынесу из огня!
Пахло гарью в ночах июня,
Кровь и слезы несла река,
И смешливо и нежно «Друня»
Звали парни сестру полка.*

*Точно эхо далекой песни,
Как видения, словно сны,
В этом прозвище
вновь воскресли
Вдруг предания старины.*

*В этом имени — звон кольчуги,
В этом имени — храп коня,
В этом имени слышно:
— Други! Я вас вынесу из огня!..*

* «Друня» — уменьшительная форма от древнеславянского слова «дружина».

